

О.А. Базалук

**ЖЕНЩИНА
ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ**

Поэма

Полтава
ООО «АСМИ»
2013

УДК 82-311.1

ББК 84-44

Б17

Базалук О. А.

Б17 Женщина для вдохновения: поэма / Базалук О. А. – Полтава: ООО «АСМИ», 2013. – 352 с.

ISBN 798-966-182-230-5

Четвёртая художественно-философская работа О. Базалука очерчивает идеал женщины с точки зрения мужчины. Рассматривая 70-летний жизненный путь героини, автор подчёркивает, что именно служение своему *предназначению* возвышает женщину и вызывает уважение к ней. В книге рассматриваются вопросы одиночества, проблема адаптации «бывших» граждан СССР к новой реальности, сильные и слабые стороны советского и современного образования России и Украины, самоидентификации русских и украинцев.

ISBN 978-966-182-230-5

© Базалук О. А., 2013

© ООО «АСМИ», оформление, 2013

*Своей жене,
Базалук Наталье Георгиевне, посвящаю:
Одни женщины видят своё предназначение
в достижении высоких целей, другие –
в том, чтобы просто любить...*

Вступление

Это моя четвёртая художественная (в данном случае – скорее художественно-философская) книга, и четвёртая – о женщинах. Первая книга – «Лозовая: женские нравы» (2006 г.) – у многих вызывает неоднозначную оценку. Одни – возмущаются, обижаются, не соглашаются; другие – задумываются, переосмысливают, советуют. В принципе, я и рассчитывал на такую реакцию. Эта книга – провокационная, выставяющая на обозрение женщину в сложной гамме её поступков. В ней до минимума сведены рассуждения, а по максимуму представлено многообразие женских поступков, взятых из реальной жизни небольшого провинциального городка. Каждый рассказ – это новый поступок, передающий сложный и противоречивый женский характер. Я попытался представить образ женщины через совокупность её внешних проявлений.

Во второй книге – «Окунаясь в реальность» (2008 г.) – много сюжетов взято из личной жизни. Но цель написания книги заключалась не в вынесении на всеобщее обсуждение отношений в моей семье, а в анализе не понравившейся мне тенденции в Украине начала XXI столетия, когда состоявшиеся сорокалетние мужчины «массово» стали уходить из своих семей и строить новые отношения

с женщинами на десять-двадцать лет моложе. Мне захотелось раскрыть причину разрушения семей с пятнадцатидвадцатилетним стажем и рассмотреть особенности поведения трёх ключевых фигур: жены, мужа и любовницы, роль которой постепенно выходила на первый план. В образах героев много собирательных характеристик, углубляющих и обогащающих сюжет книги.

Третья книга – «Сумасшедшая: первооснова жизни и смерти» (2011 г.) – оказалась слишком сложной для восприятия, поэтому многие читатели, не осилив первую, самую сложную главу, откладывали её, так и не дочитав до конца. Признаюсь, я писал её как философскую работу, вкрапывая литературные обороты. Взяв за основу реальное событие, я хотел показать, что ситуация, когда по злому року судьбы женщина теряет свою семью и лишается привычного образа жизни, – это ещё не конец жизни и не повод к суициду. Сила и слабость любого человека заключена, прежде всего, в его психике, а не в окружающих людях и событиях. На реальном примере я показал, как разрушенный внутренний мир Светланы в результате напряжённой внутренней борьбы находит ту единственную спасительную причину-нить, которая позволяет обрести новый смысл существования. Я попытался доказать, что и в тридцать-сорок лет сильная женщина в состоянии отыскать точку опоры и на её основе выстроить новую внутреннюю систему взглядов, позволяющую ей не просто прозябать и тлеть в жизни как свеча, а мечтать о возвышенных идеалах и достигать на первый взгляд нереальных, заоблачных вершин в самореализации. Основываясь на современных исследованиях в нейронауках и психологии, я показал, что при огромном желании никогда не поздно найти свое предназначение в жизни и начать жить полной грудью, по максимуму используя открывшиеся творческие возможности.

В четвёртой книге – «Женщина для вдохновения» – мне захотелось доступность восприятия материала соединить с глубиной содержания и предложить читателям не набор тривиальных истин, а нечто более важное – современное научное и философское понимание предназначения женщины в семье, обществе и цивилизации. Захотелось удивить не только людей, тянущихся к мудрости и просветлённости, но и тех, кто изредка отрывается от экранов телевизора, выходит из интернетовских социальных сетей и почитывает глянцевого журналы, детективы и «бульварные» романы. Эта книга, хотя и сложнее, чем «Лозовая: женские нравы», но адресована массовому читателю.

«Женщина для вдохновения» – это поэма, написанная мужчиной о женщине, очередная возможность ещё раз очертить идеал женщины и его грани. Безусловно, предложенное относительно и субъективно...

*январь 2012 – март 2013 г.
Олег Базалук*

Письмо первое

Здравствуй дорогая внученька. Твоя мама по телефону сообщила о несчастье, произошедшем с тобой – это, безусловно, страшно, но это еще не конец. Я не смогу всё бросить и сразу приехать к тебе в Киев, потому что ещё на три месяца привязана контрактом к Китаю, а ты знаешь, что здесь, в отличие от Украины, прописанные условия контракта важнее семейных обязательств и трагедии близких людей. Я знаю, что ты лежишь в реанимации без сознания, но твоя мама пообещала мне вслух читать мои письма, поэтому единственное, что я смогу сделать в сложившихся обстоятельствах, так это присутствовать рядом с тобой в прописанных на бумаге переживаниях, тревоге и волнении за тебя и твоё будущее. Я люблю тебя, Настенька, и уверена, что всё минется, беда пройдёт мимо нашей семьи, и по возвращению на Украину я увижу тебя здоровой и смеющейся, как в раннем детстве, когда ты своей непосредственностью и искренностью умиляла и вдохновляла родителей и нас с бабушкой.

Настенька, видишь, как жизнь всё расставляет по своим местам? Помнишь, я ещё работала в Сорбонне, не существовало мобильных телефонов и мы писали друг другу письма? Ты только училась писать и читать, поэтому твои рисунки и первые строчки, написанные неуверенной детской рукой, твои родители вкладывали в конверты и отсылали мне. Я их все сохранила. До сих пор помню твои слёзы, когда несколько лет назад у меня на квартире в

Шанхае мы их пересматривали. Затем ты выросла, на смену письмам пришли мобильные телефоны и интернет, и наше общение перешло в иной формат. Я всеми силами сопротивлялась этому переходу, но не потому, что я старомодная и закостеневшая во взглядах на жизнь женщина, а по той причине, что разговоры по телефону, односложное общение по интернету и в скайпе никогда не заменят особую тональность писем. Мне кажется, от писем люди отказались не из-за того, что их время прошло, а потому, что при помощи писем намного сложнее общаться. Письма заставляют подходить к общению более ответственно, глубоко и подготовлено. В них не отделаешься простым набором слов, как в телефонном разговоре, в них не пройдут короткие и малосодержательные предложения эсэмэсок и интернетовских сообщений. Письма, в большинстве своём, – это чувственно-эмоциональное состояние души человека и кропотливый труд передачи в словах и словосочетаниях богатства наших ощущений и переживаний. Не каждый человек сможет передать своё эмоциональное состояние в словах, но кому это удаётся, кто осваивает навык вербального самовыражения, тому не страшно ни расстояние, ни время. Конверт с запечатлённым на листе бумаги чувственно-эмоциональным состоянием души автора, преодолевая тысячи километров, доходит до адресата и пробуждает в нём созвучие чувств и эмоций, единения и целостности. По мере чтения сухие строки письма одухотворяются и обнаруживают живую палитру звуков и образов, а за стандартным набором букв и слов открывается многоголосье тональностей и красок, которые своим звучанием и тембром, накалом и страстью пробуждают в душе читающего эмоциональный всплеск, созвучный, а возможно и превосходящий авторский замысел. Письма – это комок чувств, сжатый в слова, прописанные на бумаге. Распутывая его, мы попадаем во власть богатства и

многозвучия переживаний и ощущений, в движение образов и пробуждённых смыслов. Внученька, а ведь только письма, в отличие от остальных форм общения, сохраняют обострённость чувств и эмоций во времени. К ним можно постоянно возвращаться, перечитывать, возрождать подзабытые ощущения и чувства. Если бы великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин пользовался мобильным телефоном и интернетом, разве бы сохранилась до наших дней острота переживаний и эмоциональный накал отношений между ним и его женой Натальей? Разве бы сейчас, спустя столетия, мы узнали глубину и масштаб его душевных сомнений, тревог и переживаний?

Именно поэтому, Настенька, я снова начну писать тебе письма. Кто бы тебе их не читал, тональность письма, обострённость моих чувств и переживаний за тебя, заключенная в строках письма и прописанная между ними, пробудит в тебе чувство близости и единения со мною, даже несмотря на то огромное расстояние, которое нас в действительности разделяет. Я постараюсь, милая, чтобы мои письма донесли до тебя не только мои слёзы, волнения и тревогу за твоё настоящее, но и уверенность в завтрашнем дне, надежду на спасение и веру в будущее. Внученька, мы ещё встретимся и посмеёмся над нашими переживаниями и женскими страхами. Ведь мы, женщины, такие паникёрши...

Мне кажется, что возможность оказаться рядом с тобой, сидеть у твоего изголовья и наблюдать, как ты умираешь, наверняка притупила бы моё восприятие. А так, расстояние и внутреннее стремление преодолеть его, вырваться за рамки обстоятельств и соединиться с тобою, доводят мои чувства до крайнего обострения, и даже прозрения, и я, не видя тебя, находясь в Шанхае за тысячи километров от Киева, представляю твой образ: бледный, осунувшийся, беспомощный, но такой родной, словно ча-

стичка меня самой лежит на больничной койке и борется со смертью. Порой моя обострённая чувствительность доносит, что именно я, двадцатилетняя, лежу в реанимации в далёкой Украине и умираю – по глупости, по молодости, безо всяких веских причин...

Маленькая моя, в своих письмах я попытаюсь показать тебе, что, несмотря на все свалившиеся беды и разочарования, в твоей жизни ещё ничего не потеряно. Когда ты придёшь в сознание, выздоровеешь, сама перечитаешь написанное мной, то убедишься, что в двадцать лет можно ещё не раз перечёркивать прошлое и начинать жизнь с чистого листа. Внученька, годы юности как раз и предназначены для душевных волнений и стрессов, растерянности и сомнений, краха первой любви и предательств друзей, но все эти испытания должны не обесценивать жизнь и толкать к самоубийству, а обогащать внутренний мир знаниями и переживаниями, чувствами и эмоциями, пониманием людей и их поступков. Весь этот комплекс испытаний называется жизненным опытом, который с годами формирует в тебе устойчивое мировосприятие, через призму которого ты станешь воспринимать людей, события, окружающий мир. Жизнь – это не набор устоявшихся правил и норм поведения, а умение приспособиться к ситуации и найти компромисс, выбрать «золотую середину» между навязываемым внешней средой и внутренним состоянием души. Поэтому зря ты, милая, первые испытания жизнью восприняла так категорично и решительно – это не события восстали против тебя, а просто ты оказалась не подготовлена к их адекватному восприятию.

Настенька, ты даже не представляешь, насколько мне сейчас трудно собрать мысли и направить их в нужное русло, потому что чувства раздирают душу, и я сейчас пишу и плачу. Внученька, твоя боль – это моя боль, и если бы я оказалась волшебницей, то твои страдания забрала себе,

чтобы оградить от тех испытаний и сомнений, которые заставили тебя избрать этот неверный путь. Я в свои семьдесят лет выдержу всё, ведь в прошлом мне и не такое приходилось выдерживать.

Внученька, не так давно ты заявила, что мне слишком везёт по жизни, что стать известной писательницей, прожить лучшие годы в Париже, Пекине и Шанхае, оставить плеяду талантливейших и благодарных учеников невозможно без удачи и поддержки сверху. Ты безапелляционно заключила, что всё везение нашей семьи Бог собрал и передал мне, лишив его остальных членов рода. К сожалению, я восприняла твои слова как неудавшуюся шутку, но сейчас, после твоей попытки покончить жизнь самоубийством, мне открылось, что ты говорила всерьёз, и что в твоём мировоззрении каким-то образом созрело и стало действенным это обижающее меня заблуждение. Я не хочу оправдываться и в чём-то переубеждать тебя – я готова откровенно, как на исповеди, рассказать тебе о своём прошлом, чтобы ты поняла, что моё «везение» и мои достижения – это постоянный труд и борьба за выживание, это череда побед и горечь поражений, совершённые ошибки и их исправление. За семьдесят лет своей жизни я несколько раз подходила к той черте, которую ты в отчаянье перешагнула, но я справилась с эмоциями, нашла в себе силы и продолжила жить и бороться за право называться личностью и женщиной для вдохновения.

Настенька, я готова раскрыть перед тобою свою жизнь не в том свете, в котором она описана в электронной энциклопедии Википедия: достижения, карьера, награды; не так, как она воспринимается тобою и другими окружающими меня людьми, а так, как вижу её я: изнутри, высвечивая тени, противоречия и сомнения, доставая её «чёрных лебедей». Я тебе уже рассказывала, что теория «чёрных лебедей», предложенная ливанским математи-

ком и бизнесменом Николасом Талебом, рассматривает труднопрогнозируемые и редкие события, *имеющие значительные последствия для жизни человека*. В отличие от остальных людей, я знаю своих чёрных лебедей и впервые готова рассказать о них. Ни с кем я не говорила об этом, но сейчас, малышка, когда на кону стоит твоя жизнь и твоё спасение, я готова обнажить свою душу и разворошить в ней тлеющие угли чёрных лебедей. Это безумно больно, ответственно и не всегда справедливо по отношению к близким людям, потому что затрагивает глубоко мою, субъективную оценку происходящих событий, но я хочу, внученька, чтобы ты сама убедилась в том, что только постоянная работа над собой и вера в идеалы будущего помогли мне преодолеть предубеждённость общества, искушения повседневности и суровую прозу будней. «Везёт», Настенька, только сильным людям, и всю свою сознательную жизнь я училась быть сильной, доказывая себе и другим, что не зря появилась на свет и занимаю место под солнцем.

Письмо второе

Настенька, посмотри на нас со стороны – несмотря на прямую родственную связь, какие разные у нас с тобою судьбы: мне скоро исполнится семьдесят лет и я не только жива, но и хочу продолжать наслаждаться жизнью, а ты едва перешагнула первое двадцатилетие, а уже умираешь, сознательно убиваешь себя, разуверившись в жизни и её идеалах. Почему так? Ведь мы дали тебе здоровье, достаток, любовь, постарались облегчить твоё вхождение в самостоятельную жизнь – что ещё нужно для полноценного человеческого счастья?

Здесь в Китае, я наблюдала за девушкой, которой родители не дали здоровье, которая умирала от неизлечимой болезни. Она училась на первом курсе Шанхайского университета иностранных языков, в котором я преподавала, и ей едва исполнилось восемнадцать лет. Каким-то образом в университете узнали о том, что она доживает последние месяцы, поэтому пристально следили за её судьбой. Лично меня поражала её ответственность, прилежность и желание ничем не выделяться на фоне других студентов. Она усердно выполняла контрольные работы, тщательно готовилась к семинарским занятиям, старательно отвечала и переживала за свои оценки. Её страстная тяга к познанию, желание охватить мелочи и познать их содержание, готовность прийти на помощь окружающим и внимательность по отношению к неудачам близких выглядели настолько трогательными и вдохновляющими, что вся её

группа выделялась и казалась особенной. Она словно преобразила их, пробудила в каждом из них лучшее, чем наделял людей Господь, и они все разительно выделялись в потоке студенческой массы. Чем выделялись? Прежде всего, желанием жить насыщеннее и полнее, жаждой познания, стремлением проникнуть в сущность мелочей и готовностью непрерывно подчеркивать их значимость. Она открыла им понимание того, что наша жизнь состоит из эпизодов: тысяч мимолётных, незафиксированных сознанием событий, и благодаря ей они научились обращать внимание на них и ценить так, как мало кто ценит из здоровой, полной сил и энергии молодежи.

Надо отдать должное их деликатности и обострённому чувству восприятия: в группе никто не высказывал ей открытого сочувствия и жалости, все избегали опеки над ней и чрезмерного внимания. Только соприкасаясь с ними на занятиях или внимательно наблюдая за их поведением во время общения, в глаза бросалась поражающая особенность: их отношение к повседневной жизни выглядело настолько глубоким и трогательным, настолько бережным и трепетным, насколько это возможно только у умирающих, прощающихся с жизнью людей. Они все словно переняли у неё возможность видеть масштабно и мыслить глубоко, проникать в тонкости и детали, разбирать целое до частей и вдохновляться на первый взгляд элементарным и заурядным. Они искренно и открыто радовались каждому достижению, наслаждались и умилялись самыми незначительными событиями дня, вдохновлялись и заигались совершенными пустяками. А ведь так боготворить насущное могут только те, для кого эта рядовая текучесть дня является последним впечатлением в жизни. Она пробудила в них обострённую восприимчивость мира, и они не жили – вдохновлёнными парили по жизни, обогащаясь её плодами и вознаграждая окружающих позитивом сво-

их чувств и эмоций. И даже после её смерти все двадцать один человек группы получили степень бакалавра, а потом в полном составе поступили и закончили магистратуру. Поговаривали, что некоторые из них не могли оплатить учёбу в магистратуре, но благотворительная помощь неизвестных лиц помогла им преодолеть это препятствие в жизни. И я уверена, что и до настоящего времени вся эта группа поддерживает друг друга, совместно преодолевает невзгоды и беды, потому что так жить, наслаждаться и вдохновляться текущими событиями могут только люди, познавшие откровение жизни, её глубину и содержание. И об этом откровении жизни, Настенька, я и хочу поговорить с тобою.

Сложность этого откровения заключается в том, что его трудно сформулировать словами и заключить в предложения. Оно постоянно ускользает, потому что зафиксированное, выставленное на обозрение, оно теряет свою ценность и превращается в банальность, которая совершенно не впечатляет и не вдохновляет, а скорее наоборот, раздражает и отталкивает своей прозаичностью. Сколько таких банальных истин ты слышала от меня и своих родителей, и все мы знаем, с какой агрессией ты в последнее время реагировала на них.

Откровение жизни – это прозрение, которое яркой вспышкой пронизывает мрак прошлого, бледность настоящего и туман будущего. Как яркое мгновение – инсайд, взглядом охватывается грандиозная картина не только индивидуальной жизни, но и всего человеческого существования. Ты испытываешь ощущение, словно в твоей жизни, как в тёмной комнате, неожиданно включился свет, и ты, наконец, обнаружила: в каком месте находишься, кто тебя окружает и куда идти.

Откровение жизни – это когда, ты устав от борьбы с неудачами, запутавшись в нерешаемых проблемах и от-

чаявшись от непонимания окружающих людей, вдруг открываешь для себя основоопределяющий смысл жизни и начинаешь воспринимать происходящее словно со стороны, вне потока повседневного существования. На тебя словно нисходит просветление, а за ним и удовлетворение только от одного факта, что ты еще жива и продолжаешь жить, что ты можешь что-то возводить и созидать, вдохновлять и сподвигать. Происходящие вокруг события выстраиваются в логическую последовательность, и ты испытываешь незабываемое ощущение – изменённое восприятие мира: когда случайно приставшие, налипшие, зангажированные взгляды на жизнь обесцениваются, а на их месте возрождаются более веские и смыслоопределяющие оценки жизни.

Сейчас, внученька, с вершин семидесяти лет, просматривая свою прожитую жизнь, я обнаруживаю в ней гораздо больше смысла и содержания, чем когда её непосредственно проживала. Мне открываются такие глубины и аспекты существования, о которых я в те годы даже и не подозревала. И для того, чтобы раскрыть перед тобою понимание откровения жизни, я должна рассказать тебе об основных этапах своей жизни, о тех критических ситуациях – «чёрных лебедях», после которых это откровение на меня снизошло. Если учесть, что на начало 2000 года средняя продолжительность жизни человека в Украине составляет всего шестьдесят лет, то мы, украинцы, с момента рождения до смерти проживаем всего три десятилетия. В первом десятилетии мы формируемся и развиваемся, во втором – ищем пространства для самореализации и активно пытаемся «найти» своё место в жизни, а в третьем – одни, найдя своё предназначение, творят во благо человечества, другие, потерявшись на жизненных просторах, просто доживают свой срок.

Расскажу тебе о чёрных лебедях своего первого двадцатилетия, о тех особенностях и веяниях внешней среды, которые повлияли на становление моего внутреннего мира и формирование характера. Чем сильнее я всматриваюсь в своё прошлое, тем ярче и насыщеннее предстают годы моего раннего детства, подросткового периода и периода юности – словно нас и не разделяет расстояние длиною в человеческую жизнь. В основном это добрые и радостные воспоминания, греющие душу и умиляющие сердце: мои первые десять лет жизни в Сибири, в Томске, куда нас забросила война. Мы жили в эвакуации: папа на войне, а мама с нами троими выживала сама и старалась, чтобы выжили мы. И мы выжили: часто испытывая голод и холод, мы с братьями прожили период детства, наслаждаясь тем минимумом удовольствий и радости, который был доступен в последние годы войны и послевоенные годы. Я родилась в мае 1943 года, поэтому мое двухлетие праздновал весь советский народ – 9 мая 1945 года фашистская Германия капитулировала. Мой народ победил, и я как сейчас помню то ликование и воодушевление, охватившее мир, в котором я росла.

Отчётливо помню детский садик и предновогоднее разукрашивание ёлки, которая росла прямо во дворе садика. Того богатства новогодних игрушек, которое можно встретить в современных магазинах в канун Нового Года, мы не знали, поэтому с воспитателями мы ставили в песочнице самодельные формочки и наперегонки с алюминиевыми кружками бегали к крану с горячей водой, последовательно заливая их. На сибирском морозе вода быстро застывала, мы аккуратно выбивали из формочек ледовых зайчиков, рыбок, слоников, а потом старательно развешивали их на ёлке. Нарядив ёлку, мы ждали Деда Мороза, вместе с ним водили хоровод и с нескрываемым детским

восторгом получали от него подарки: скромные, самые простые, но такие дорогие для нас и желанные.

В Томске наша семья жила в подвале ветеринарного техникума возле аптеки, и я до сих пор помню свои игрушки – цветные флакончики, колбочки, коробочки, которые выбрасывались из аптеки во двор и тут же подбирались нами, детворой. Помню, когда меня мама или братья вели в детский садик, флакончики в моих кармашках постукивали друг о друга и издавали громкий звон. Я шла по улице словно погремушка, и этот отчётливый перезвон флакончиков доставлял мне неслыханное удовольствие.

Последние три года мы держали корову Зорьку. Представь, Настенька, наша семья жила почти в самом центре Томска, но каждое утро начиналось с криков петухов, мычания коровы, гогота гусей, хрюканья свиней. Мама работала при ветеринарном техникуме, и нам периодически выписывали корма, которыми мы и кормили нашу живность. Благодаря корове мы пережили голодные годы в Сибири в относительном здравии и сытости, похоронив только одного новорожденного братика. Не зря мама всегда с любовью и теплотой называла Зорьку «наша кормилица», ведь в те времена от голода и холода часто вымирали целые семьи.

Воспоминания о школе – в основном грустные. Я перешла в третий класс и мы, прямо среди учебного года, вернулись в Украину, в Лозовую. Я попала в совершенно новую для себя среду, в уже устоявшийся детский коллектив, и посещение школы ещё долго не приносило мне радости.

Из более поздних лет сразу вспоминается выпускной бал в школе, а потом поступление в университет в Киеве. Сохранились яркие воспоминания о том, как из провинции я впервые попала в столицу, как искала квартиру, как вчетвером мы жили в маленькой комнатухе студенче-

ского общежития. Но не на этом я хочу остановиться и не об этом рассказать – внученька, я хочу выделить и показать тебе своих чёрных лебедей, превративших девушку с провинциальными манерами в женщину для вдохновения, как в последнее время меня называют коллеги и знакомые; раскрыть всю глубину и принципиальную разницу между нашими мировоззренческими основами. Я постараюсь объяснить причину, по которой в семьдесят лет я продолжаю любить жизнь и бороться за присутствие в ней, а ты в свои двадцать разочаровалась и решила кануть в лету. Как педагог с пятидесятилетним стажем, я уверена, что только различие наших мировоззренческих основ, сформированных под влиянием родителей, близкого окружения, системы образования и внешней социальной среды, повлияло на принципиальную разницу в содержании наших поступков, в обретении смыслов жизни и установлении целей творческой самореализации.

Письмо третье

Настенька, на мой взгляд, основное отличие между родившимися в 1940–1950-х годах и 1980–1990-х заключается в том, что моё поколение выросло на книгах, а не на телевизионных передачах, музыкальных шоу и интернете. В отличие от тебя, внученька, я воспитывалась в советские времена – годы расцвета СССР: Союза Советских Социалистических Республик. Сейчас принято критиковать и ругать тот период истории нашего государства, но больше тридцати лет проработав за границей, я с удивлением обнаружила – с каким трепетом и уважением относятся к своей истории народы Европы и Китая. Ругать прошлое – всё равно, что повысить голос на родителей, – *прошлое Родины, как и родителей, не выбирают*. Настенька, наше прошлое связано со становлением рода, а в Библии сказано – как человек относится к своим родителям, так и его дети станут относиться к нему. Поэтому не удивительно, что Украина, легко перечеркнув своё прошлое, обрекла себя на долгое взаимное неуважение и неприятие.

В моём прошлом доминировал культ книги. Мы запомним читали различного рода художественную литературу: эпос, лирику, драму, лироэпические произведения, – и росли, в повседневной жизни подражая книжным героям. Однажды, в эмоциональном порыве, ты назвала современную литературу макулатурой и возбуждённо принялась доказывать, что интернет, хотя и представляет собой такую же гору информационного мусора, но работа с ним

занимает меньше времени и приносит больше удовлетворения и пользы. Возможно, в чём-то ты и права, но в любом случае, в примитивности и поверхностном изложении сюжетов виновата не книга – бумага всё стерпит, – а авторы и читатели, у которых такие книги пользуются спросом. Мы живём в условиях рыночной экономики, поэтому массовыми тиражами выпускается только та продукция, которая пользуется спросом у читателей. Но даже такие книги с «упрощённым» содержанием кощунственно называть макулатурой, потому что это людские души и судьбы, закодированные в слова и словосочетания. Не просто написать книгу – на неё нужно затратить время жизни и душевную энергию. Я просила тебя написать хотя бы рассказ, описать любую ситуацию из твоей жизни, но ведь ты не смогла этого сделать, хотя пыталась, причем не один раз. Выходит не слишком это простое занятие – облекать свои мысли в слова, а из слов выстраивать сюжеты, вдохновляющие читателя?

На книги нужно смотреть как на людей, потому что в каждой книге воплощены конкретные судьбы, события, яркие моменты жизни. Многие современные авторы в книгах пытаются запечатлеть себя и свой жизненный опыт. Ведь все мы смертны, и только книги могут пронести сквозь века память о нашей жизни, мыслях и переживаниях.

Моему поколению повезло: для нас не существовало альтернативы книгам, и наши книги оказались настолько эмоциональными и глубоко раскрывающими возможности человеческой психики и межличностных отношений, что просто дух захватывало. А по-другому и быть не могло, потому что только окончившаяся Великая Отечественная война и постоянное соприкосновение со смертью волей неволей заставляли людей мыслить содержательно и веско, оперировать в рассуждениях не временными катего-

риями, а смыслообразующими и фундаментальными, такими как: свобода, честь, долг, Родина, жизнь, смерть. В моей молодости если писали о любви, то изображали не детальные акты совокупления и блуда, вызывающие рефлкторное желание обладать и насиловать, а раскрывали утончённые чувственно-эмоциональные переживания, подчеркивающие предопределённость, конечность и возвышенность человеческой жизни. В наших книгах любовь представлялась безумием поступков и яркими чувственными пробуждениями, резкими поворотами в судьбе и переосмыслениями смысла и целей жизни, вдохновлённостью и счастьем. По большому счёту, любить может только человек, потому что только для человека чувство любви намного весомее полового влечения и даже природного желания продолжения рода. *Любовь для человека – это возможность самореализации и получения ощущения ещё большей полноты жизни. Только люди могут умереть за любовь и даже вернуться к жизни...*

Внученька, ты даже не представляешь, как можно зачитываться книгами о Великой Отечественной войне, о партизанах, разведчиках, о тех подвигах, которые совершали обычные люди, но поставленные судьбой в экстремальные ситуации. Например, фронтовик-писатель Борис Николаевич Полевой в середине XX столетия написал выдающуюся книгу о подвиге летчика Алексея Маресьева. Самолет Маресьева во время Великой Отечественной войны сбили немцы; Маресьеву удалось спастись на парашюте, но у него оказались прострелены обе ноги. Представь, лютотой зимой, тяжело раненый, истекающий кровью, он несколько суток ползком пробирался по оккупированной врагами территории в расположение советских войск. Какая силища духа, какое желание жить и побеждать! Читая эту книгу, я представляла себя на его месте. Смогла бы я вот так, не сломаться, преодолевая боль и слабость, холод

и голод ползти несколько дней и ночей? Ведь можно было остановиться, расслабиться и умереть, или сдаться в плен, рассчитывая на помощь медиков. Но добравшись в расположение советских войск, попав в госпиталь, где ему ампутировали обе ноги, Маресьев не смирился с судьбою, а продолжил борьбу. Раскрывая лучшие человеческие качества, преодолевая условность и предрассудки, наперекор прописанной доле он вернулся в свою лётную часть, снова стал летать на боевые вылеты и сбил еще семь немецких самолетов. Вот наглядное проявление силы русского духа, вот пример для подражания!

А какой героический подвиг совершили на железнодорожном переезде у села Тарановка Харьковской области двадцать пять молодых солдат во главе с лейтенантом Петром Широниным! По дороге из Харькова в Лозовую я всегда проезжаю памятник, поставленный в их честь. Представь, внученька, пять дней двадцать пять человек сдерживали наступление превосходящих сил противника. Они могли сдаться в плен или отступить, но выбрали иной путь – отстреливаясь до последнего патрона, они брали оставшуюся связку гранат и с криками «За Родину!» бросались под надвигающиеся немецкие танки. Из двадцати пяти солдат двадцать пали смертью храбрых, но выполнили поставленную задачу. Внученька, это какую нужно иметь внутреннюю силу, насколько фанатично любить свою Родину, чтобы сознательно в двадцать лет идти на верную смерть! И во имя чего – во имя абстрактных целей, над которыми вы, новые поколения, смеётесь? Что для вас значит будущее? Кто-то бы из вас отдал свою жизнь во имя светлого будущего да ещё чужих людей?

Прочитав про подвиг Широнинцев, я приехала к памятнику, стала у его подножья и представила себя среди них в бою, бросающейся со связкой гранат под надвигающуюся бронированную машину. Всеми клетками разо-

рванного в клочья тела я прочувствовала этот взрыв и уже со стороны наблюдала за своей гибелью. И я гордилась собой, потому что знала: умирая в двадцать лет, я продолжаю жить в памяти тех, кому моя смерть помогла остаться свободными и непобедимыми. Ведь я не просто умирала, *я отдавала свою жизнь за Родину и за будущее своего народа!* И как меня это вдохновляло и зажигало! Каждый раз, проезжая мимо памятника, я останавливаюсь и минутой молчания воздаю этим людям за их подвиг, за то, что они в двадцать лет смогли сознательно пойти на смерть во имя моего и твоего, Настенька, будущего. Великое им человеческое спасибо и низкий поклон.

Во время Великой Отечественной войны героические подвиги совершили тысячи советских граждан разных национальностей и народов. Героями гордились, героев воспевали и прославляли в народе, на героев равнялись подрастающие поколения Советского Союза. К нам в школу приходили люди-герои, рассказывали про свои подвиги, и мы мечтали вырасти похожими на них. Поэтому те, кто читал книги, учился на них и жил ими, разве могли вырасти слабыми духом? Живя жизнью героев, подражая их поступкам и действиям, разве мы могли мыслить буднично, приземлённо и довольствоваться готовым, прописанным и уже совершённым? Конечно же, нет. Для моего поколения хорошая книга воспринималась ближе и роднее, чем герои фильмов, потому что к книге мы могли возвращаться и уединяться – книга составляла сокровенную, интимную часть нашей жизни. Лично я, сколько себя помню, хотела добиться чего-то выдающегося и значимого, чтобы обо мне написали книгу, чтобы мною гордились мои родители, и я оказалась достойна памяти героев, про которых читала, подвиги которых формировали основу моего чувственно-эмоционального восприятия мира.

Внученька, меня и сейчас современные кинотеатры, 3D и 3D IMAX форматы не могут так вдохновить, как классические произведения Антона Павловича Чехова, Александра Ивановича Куприна, Льва Николаевича Толстого и многих других представителей русской литературы, хотя я повидала и лично знакома со многими талантливыми режиссёрами, актёрами и продюсерами. Это целая индустрия развлечений, которая практически вытеснила книгу, лишив людей общения tet-a-tet с яркими художественными образами, заменив индивидуальное восприятие книжных героев коллективным просмотром рассчитанных на массовое восприятие передач. И, на мой взгляд, насаждение этой массовой культуры на наш славянский менталитет не привело ни к чему хорошему. Это трагедия нашего народа, а не его достояние.

Настенька, я уверена, что основная проблема твоего поколения заключается в том, что формирование вашего внутреннего мира происходило не на основе глубоких и содержательных книг, а на телевизионных программах, модных журналах и интернет-общении. В вас изначально формировали массовое сознание и его максимум – желание вознестись, обратить на себя внимание, пусть на секунду, но промелькнуть в кадре модного сериала или рейтинговой шоу-программы. Но известность и популярность – это совсем иное, чем героизм и слава, потому что героизм – это не только глубина и содержательность поступка, это ещё вечная и неувядаемая память в последующих поколениях. А популярность и известность – это шоу, на мгновение возносящее человека в центр внимания, но потом навсегда выбрасывающее его в забвение. К сожалению, многие достойные люди посвящают себя этому шоу, чтобы под звук фанфар вознестись, обратить на себя внимание, но потом в силу безжалостных правил исчезнуть с экранов телевизоров и обложек глянцевого журналов в

самом расцвете сил, поломав себе судьбу и не оставив после себя ничего значимого и весомого.

Внученька, несмотря на критику СССР, я благодарна своей судьбе за то, что родилась в Советском Союзе, а не в любом другом европейском государстве. Родину не выбирают, а то, что нашему поколению, как и нашей Родине, пришлось многое пережить, так это только к лучшему – мы стали живучее, выносливее, сильнее, богаче в навыках, умениях и знаниях. Только в критических ситуациях познается ценность жизни, а мне и моему поколению их выпало в избытке. Поэтому, доживая свой век, я понимаю, насколько глубоко мне удалось прочувствовать жизнь, проникнуть в её фундаментальные и смыслообразующие процессы.

Сейчас разное говорят о том периоде нашей истории, но для меня он примечателен тем, что в нём прошло два десятилетия моей жизни. Объездив практически весь мир, прожив восемь лет во Франции и почти двадцать в Китае, скажу одно – моё детство и юность прошли в нужном месте. Советский Союз середины XX столетия – это период вдохновения и единения: восстановление страны в послевоенные годы, смерть Сталина и открывшаяся возможность достичь коммунистического устройства общества, культурный расцвет общества при Никите Хрущёве, чувственно-эмоциональное восприятие свободы после долгих лет страха перед тюремным заключением за малейшую, часто надуманную провинность. Мне и моему поколению повезло в том, что мы родились и воспитывались в период единого общенационального подъёма, человеческой самоотдачи, бескорыстия и самоотверженного труда. Пусть в тот период времени доминировало массовое сознание, и мы все составными частями образовывали его, но это массовое сознание несло в себе здоровое начало – воодушевление, целенаправленную деятельность и вдох-

новение от предстоящих достижений. Оно действовало на нас как лечебный гипноз – мы жили бедно, впроголодь, но при этом вершили великие дела: восстанавливали разрушенную промышленность страны, осваивали целинные земли, покоряли космос, достойно противостояли странам капитализма.

Мы испытывали трудности в быту, – я хорошо запомнила периоды голода, холода и неустроенности. Но все эти текущие проблемы вызывали не пессимизм, неудовлетворенность и тем более не страх перед жизнью, а наоборот, они запомнились в связке с тем дружным, весёлым и оптимистичным порывом, с которым наше поколение все эти трудности преодолеvalo. Углубляясь в воспоминания и анализируя первые двадцать лет своей жизни, я обнаруживаю то, чего мы, Настенька, не смогли вложить в тебя и передать твоему поколению – это:

1) *радость от возможности присутствовать в жизни;*

2) *способность вдохновляться достижениями окружающих людей;*

3) *обострённое чувство гордости от соприкосновения с историей своего государства.*

Мое поколение жило открыто, большой семьёй, воспитываясь коллективом и обучаясь жить в коллективе, но при этом в нас пробуждали личностные характеристики, учили проявлять инициативу, доказывать значимость собственного внутреннего «Я». Всё получалось гармонично: мы дружно строили совместное будущее, но при этом каждый из нас в это строительство вносил свой конкретный персонализированный вклад. И именно в умении совмещать личные и коллективные интересы, пробуждать инициативу в людях и проявление лучших человеческих качеств, состояло величие советской системы образования. То, что в независимой Украине на протяжении двад-

цати лет пытаются упорно разрушить, больше пятидесяти лет эффективно воздействовало на многонациональный двухсотмиллионный народ Советского Союза, делая его непобедимым, сплочённым и могущественным в масштабах всей земной цивилизации.

Внученька, мы с первых своих самостоятельных шагов жили по большому счёту и пытались достичь масштабных целей. И эта гигантомания, которую сейчас высмеивают и критикуют недалёкие люди, делала нас счастливыми и гордыми в бедном и голодном существовании. Скажу тебе честно, получая сейчас достаточно средств за свой труд и заслуги, я не испытываю того обострённого чувства удовлетворённости от жизни и пресыщенности, которое испытывала в первые два двадцатилетия, практически «за спасибо» выполняя возложенные на меня обществом обязанности. Для меня и сейчас важнее любой материальной составляющей является понимание ценности своего труда для общества. Так нас, внученька, воспитали и так научили жить...

Письмо четвёртое

Настенька, таким образом, моё поколение, родившееся в сложные для страны сороковые годы XX столетия, отличается от твоего поколения 1980-х как минимум тремя основными характеристиками. Во-первых, нас научили радоваться от одной возможности присутствовать в жизни, поэтому мы все безоговорочно любили жизнь и ценили каждое мгновение как возможность самореализации в ней. Во-вторых, моё поколение умело вдохновляться достижениями окружающих людей, и поэтому каждый из нас соучаствовал в жизни общества и являлся полноправным его членом. Победы окружающих людей в труде, творчестве и быте не заставляли нас комплексовать, завидовать и замыкаться в себе, а наоборот, вдохновляли на саморазвитие и самосовершенствование, пробуждали здоровое желание доказать свою значимость и незаменимость. В-третьих, каждый из нас испытывал обострённое чувство гордости за своё государство и за его героическое прошлое и настоящее. Каждый из моего поколения в той или иной степени понимал, что мы не просто работаем и занимаемся самореализацией в повседневной жизни, а *мы первыми на Земле строим коммунистическое общество!* Поэтому каждый из нас не *работал* ради заработной платы, а *творил* историю, опираясь на внутренние интересы, мечты и богатое воображение. Мы смотрели на любое задание, поставленное перед нами родиной и партией, не как на возможность заработать и материально обогатить-

ся, а как на вызов истории, как на вопрос жизни или смерти, и решали его быстро, качественно и ответственно.

Каждая из трёх составляющих менталитета моего поколения закладывалась в нас родителями, близким окружением и системой образования с момента рождения до периода зрелости. С годами на их основе сформировались внутренние «Я», в том числе и моё «Я», с которым ты привыкла общаться, иногда ругаться, а в основном всё же мирно сосуществовать. И пусть мы с тобою долгое время понимали друг друга, любили, скучали друг за другом, но разница в наших основах мировосприятия оставалась, зрела, расширялась, с каждым годом увеличивая пропасть между нами. Чем старше ты становилась, тем чаще между нами проскальзывало непонимание, обиды, неприятие поступков и решений. Это заставляло меня искать причины в себе, ведь я намного старше и опытнее тебя, поэтому первая искала и инициировала пути разрешения наших конфликтов. Внученька, я очень сильно тебя люблю, поэтому наперекор рассудку и здравому смыслу я всегда первой шла на уступки, признавалась в том, в чём совершенно не была виновата. Мой разум уступал чувствам, и ты привыкла к тому, что я первая протягивала тебе руку, всегда уступала и признавала за собой вину. Но на самом деле не я была виновата в наших конфликтах, не я шла на принципы и не я упрячилась и пыталась тебе что-то доказать. Возможно, несвоевременно и не совсем к месту, но скажу, что это ты, твоё мировосприятие и отношение к жизни виновато в наших конфликтах и ссорах. Рассказывая тебе о себе, раскрывая перед тобой особенности своего внутреннего мира, я попытаюсь доказать тебе это. Только что-то сравнивая и сопоставляя, мы открываем для себя истину и делаем шаг навстречу прозрению и пониманию.

Уже после сорока лет, познакомившись во Франции с азами психоанализа, я долго училась проникать в глуби-

ны своего мировосприятия, раскладывать его на составные части, разбирать периоды их образования, определять авторство. Это занятие скрадывало моё одиночество и приглушало тоску за родиной и за вами – самыми близкими для меня людьми. Подолгу простаивая на скалистом берегу Атлантического океана, в чужой, так и не ставшей мне родной Франции, я проникала в глубины своего подсознания и изучала его особенности, раскрывая истоки своего поведения, причины, которые толкали меня на совершение тех или иных поступков. Постигание основ своей психики, проникновение в подвалы бессознательного – это сложная, но интересная процедура, особенно когда удавалось извлечь и выставить на обозрение сознания что-то важное и ценное из своего далёкого прошлого. Во Франции я практически переоткрыла себя заново, проанализировав особенности формирования своего внутреннего «Я», содержательно раскрыв основы своего мировосприятия.

Малышка, я никогда не рассказывала тебе о своих чёрных лебедях, потому что боялась, что моя искренность и глубина самопознания отпугнёт тебя и ещё больше отдалит. Мне казалась, что ты ещё не готова для серьёзных откровений, особенно на такие глубокие и определяющие философские темы. Возможно, так оно и было, но сейчас у нас с тобою нет выбора – просто не осталось времени ждать. Поэтому, на свой страх и риск я обречена обнажить перед тобою свой внутренний мир, чтобы ты поняла, что твоя бабушка достаточно глубоко понимает не только жизнь своего поколения, но и твоего поколения тоже, что при желании, прежде чем решиться на суицид, ты могла обратиться ко мне и мы бы обязательно нашли иные пути разрешения твоих проблем. В любом случае, Настенька, ещё ничего не потеряно, мы боремся за тебя и твою жизнь. Поэтому на пике этой борьбы я хочу предло-

жить тебе свою исповедь, чтобы ты выбрала из неё самое необходимое и молчаливо использовала в своей борьбе со смертью. Выбирай лучшее, внученька, бери, что нравится, и борись – прошу тебя, дорогая, борись до последних сил, до последнего удара своего сердца.

Итак, внученька, первое качество, которое легло в основу моего мировоззрения в первом двадцатилетии – *это пьянящее чувство радости от одной только возможности присутствовать в жизни*. Сейчас, с вершин своих семидесяти лет, наблюдая за тернистым путём развития своего народа и Родины, я прихожу к пониманию, что экологические катастрофы, социальные и экономические революции, а также другие формы потрясений и бедствий, вызывающие стрессы и мобилизацию деятельности нашей психики, воспринимающиеся как трагедия и горе, на самом деле являются необходимыми условиями качественного развития человечества. Ведь, по сути, моё поколение родилось и воспитывалось в семьях, только что прошедших Великую Отечественную войну, которая оставила после себя ещё свежие воспоминания о смерти близких, о разрушениях, оккупации, насилии. Мы росли в условиях, когда на каждом шагу сталкивались с напоминаниями об этом трагическом периоде истории нашего государства: инвалиды, недоедание, полуразрушенные бытовые условия, жуткие воспоминания родных и соседей, оплакиваемая смерть близких, причём разных возрастов. Вся окружающая нас социальная среда и атмосфера подчеркивали одно: жизнь – это временное явление, и каждый из нас задержится в ней ненадолго. И понимание временности жизни, высокой вероятности того, что «завтра» для кого-то из нас не наступит, учило нас ценить не только саму жизнь, но даже сам факт присутствия в ней. Мы на каждом шагу сталкивались с фактами, когда люди хотели, но не смогли дожить свою жизнь, когда они планировали,

но не успевали воплотить намеченное. Вокруг нас повсеместно умирали молодые люди: от ран, несчастных случаев, болезней, голода. Эти ранние смерти закладывали в нас понимание, что возраст человека не может являться критерием ценности жизни, что *основная оценка жизни – это её полнота, насыщенность событиями и степень самореализации.*

Моё поколение рано осознало скоротечность жизни и приняло, что не всё в судьбе зависит от желания человека. Мы не боялись смерти, но постоянно помнили о её незримом присутствии. И, возможно, подсознательное ощущение неизбежности смерти, раннее открытие и принятие конечности жизни, воспитало в нас понимание ценности каждого не прожитого, а именно *проживаемого* дня. Мы радовались не только от понимания того, что мы какой-то промежуток времени прожили и уже что-то прошли и испытали, а мы наслаждались текущим, только зарождающимся, вдохновляясь не прошедшим, а происходящим, только начинающимся в настоящем. Мы соучаствовали в событии, понимая его величие, и поэтому факт соприкосновения с только становящимся в истории, строящимся, переполнял нас гордостью и торжеством. И от этого понимания каждое утро встречалось нами не как облегчение от того, что мы что-то успели сделать вчера, а как возможность насладиться предстоящим соучастием в сегодняшней жизни, возрадоваться начинающемуся. Каждый новый день для нас начинался не с подведения итогов прошедшего, а с планами на текущий день и с желанием все эти планы успеть воплотить сегодня, немедленно и до конца. И именно поэтому каждый новый день мы проживали как последний – он открывал нам возможность для самореализации, вдохновлял нас на трудовые подвиги, радовал предстоящими свершениями, и мы брались за фан-

тастические, на первый взгляд нереализуемые проекты, и реализовывали их, доказывая ошибочность оппонентов.

Мы жили настоящим, вдохновлялись текущим и испытывали чувство радости только от зарождающихся, на наших глазах разворачивающихся событий. Мы не оглядывались в прошлое, потому что в прошлом каждому из нас пришлось хлебнуть слишком много бед и несчастий, и мало кто из нас хотел повторения ужасов кровопролитной войны. Но при этом, каждый из нас ощущал сопричастность с прошлым своего народа и Родины, оно прочно вошло в нас и жило в нашем подсознании своей жизнью, постоянно напоминая о ценности жизни, её скоротечности и завершённости. Мы опирались на прошлое, реализуя себя в настоящем, но выкладываясь в строительстве настоящего, мы мечтали о будущем, потому что только в мечтах мы могли убежать от ужасных воспоминаний о своём прошлом.

Возможно, внученька, я слишком сложно выражаюсь, но я хочу, чтобы ты поняла – ценность настоящего мы познавали в сравнении со своим прошлым. И как бы нам тяжело не приходилось в настоящем, наше прошлое оказывалось ещё тяжелее, поэтому мы радовались даже тем маленьким радостям, которые твоё поколение, Настенька, к сожалению, сейчас даже не замечает. Мы радовались, внученька, одной возможности наслаждаться жизнью. Казалось бы, что здесь замечательного: человек живёт, здравствует, значить он уже наслаждается. Но на самом деле всё не так просто. Когда ты последний раз гостила у меня в Шанхае, я обратила внимание на твои опустошённые глаза, безразличный, лишённый всякой заинтересованности, пугающий пустотой взгляд. Это ужаснуло меня – ведь тебе едва исполнилось восемнадцать! Такой взгляд за свою жизнь я встречала редко, и в основном у людей уже обречённых, выжженных и в последствие умерщвлён-

ных жизнью. Это как раз и были те люди, которые присутствовали в жизни, не получая от неё наслаждения. Я всеми силами пыталась изменить твой взгляд, наполнить его содержанием, заинтересованностью, вниманием, я прилагала максимум усилий, чтобы пробудить в тебе потребность к знаниям, к действиям, самореализации. Но не зря говорят, что взгляд человека – это зеркало его души. Человек, живущий без наслаждения и вдохновения от жизни, это человек с уже мёртвой душой. А пока никому из смертных не удавалось оживлять мёртвые души...

Настенька, в твоём возрасте у нас были совершенно другие глаза – они горели планами, проектами, желаниями и мы боялись только одного – не успеть намеченное воплотить в жизни. Мы помнили о скоротечности жизни, постоянно ощущали её конечность, поэтому спешили доказать свою значимость, показать весомость своего присутствия в жизни, сравняться с героями, на подвигах которых мы выросли. В наших глазах искрилась энергия, бурлили желания, сквозило нетерпение. Наш взгляд был устремлён в будущее и пронизывал его, вскрывая содержание и высвечивая перспективы. Свою внутреннюю энергию и неудержимое желание жить мы передавали друг другу взглядом – глаза в глаза: заряжаясь, воспламеняясь и пробуждаясь. Это был пронзающий взгляд, зажигающий, вдохновляющий на новые свершения. Такими же были наши сердца и души.

Маленькая моя, моё первое двадцатилетие являлось периодом обоготворения героев – война и народ возвеличили подвиги тысяч людей: солдат, партизан, разведчиков, тружеников оборонных предприятий. Каждый из героев – начиная от подростков до взрослых мужей – вопрошал к нам, подрастающим поколениям, только с одним вопросом: «А тебе совершить подвиг слабо?» И это задевало самолюбие, пробуждало честолюбие и толкало

на штурм нового дня, потому что хотелось доказать свою значимость и востребованность.

Внученька, как я хотела походить на Зою Космодемьянскую, партизанку, которая выдержала немецкие пытки и не предала своих товарищей. Я засыпала и просыпалась, помня о комсомольском подполье в Краснодаре, где мои сверстники устраивали взрывы на железных дорогах и противостояли налаженной немецкой системе гестапо. И я знала, что тоже бы так смогла, что если бы враг решился снова напасть на мою Родину, я бы, не раздумывая, взяла в руки автомат и пошла в ополчение. Я бы бросалась с гранатами под вражеские танки, закрывала грудью амбразуры дотов, вытаскивала бы с поля боя раненых солдат. Обстановка реальности подвига, величия героев и народная благодарность героям настолько вдохновляла и ориентировала нас на подвиг, что моё поколение, толком не знавшее войну, в мирное время старалось подражать жизни родителей, чьё поколение выстояло в годы Великой Отечественной войны и победило, несмотря на все трудности, которые предшествовали и сопровождали этот период истории Советского государства.

Моё поколение воспитывалось ориентированным на подвиг. Мы росли в такой обстановке эмоционального подъёма и социального единения, что если бы партия приказала отдать жизнь за Родину – большинство из нас это сделало не задумываясь. *Ведь что такое смертная жизнь в сравнении с бессмертием в памяти народной?* Поэтому мы и ценили жизнь как возможность совершить подвиг, как шанс остаться в памяти своего народа и сравниться в бессмертии с героями, о которых уже написаны книги и сняты кинофильмы. А мы знали, что мы не хуже их, мы способны, возможно, даже на большее.

Настенька, как нам хотелось жить ради возможности достойно умереть! В связке – жизнь и смерть – для нас

важными являлись обе составляющие: жизнь мы ценили как возможность проявить себя, как предварительную подготовку к подвигу, а смерть – как планку, преодолев которую, человек переходил в отряд бессмертных – героев. Мы не боялись смерти, потому что при *правильной* смерти мы оставались в памяти народной, и слава о нас сохранялась на века. Жизнь изначально воспринималась нами как мгновение, которое ни в коем случае нельзя упустить – его нужно поймать, войти с ним в ритм и наслаждаться до тех пор, пока не выпадет шанс достойно умереть, совершив подвиг во славу Родины и своего народа.

Письмо пятое

Настенька, второе важное качество, которое заложили старшие поколения в основу моего мировоззрения и в мировосприятие моих сверстников – это *способность вдохновляться достижениями окружающих нас людей*. Родители, близкое окружение и система образования послевоенного периода в своём воздействии на наше поколение смогли совместить казалось бы несовместимое: заложенную в подсознание человека склонность к формированию массового сознания и тяготение к коллективному труду с годами обостряющейся потребностью к самоидентификации, к обособленному, личностному проявлению. Сейчас нам остаётся только восхищаться эффективностью, новаторством и профессионализмом советской педагогической школы, которая сумела не просто совместить генетическую предрасположенность людей к коллективному «Мы» с проявляющимся со временем индивидуализмом – «Я», но и наладить между «Я» и «Мы» гармонию и сосуществование! Насколько я знаю, на тот период времени ни одна из существующих в мире систем образования не могла повторить подобного успеха. Это оказалось воистину великое достижение советской модели образования и советской педагогики в частности.

Внученька, а разве в тебе и в твоём поколении пресловутые академики и теоретики «новой» украинской модели образования смогли пробудить интерес к успеху окружающих людей? Разве они научили вас восхищаться чужими

победами и радоваться достижениями малознакомых людей? А ведь уже многие государственные системы образования эти качества формируют и развивают, в том числе: в США, Европе, Китае, Японии, Южной Корее. Они не придумали ничего нового – скопировали основные достижения советской системы образования и приспособили их к своей культуре и ментальности. Я думаю, что формирование внутреннего мира моего поколения явилось триумфом советской образовательной системы, потому что моё поколение смогло не только восстановить полуразрушенное кровопролитной войной государство, но и поставить его в ряд влиятельнейших государств мира. А трагедия твоего, Настенька, поколения заключается в том, что ваш внутренний мир формировался в условиях сознательного, а может, действительно, бездумного и глупого разрушения когда-то великого и эффективного образования СССР и робкого внедрения в Украине принципов европейского образования.

Ломать – не строить. А ведь только благодаря эффективному и глубоко проникающему воздействию советского образования моё поколение оказалось напрочь лишено равнодушия и безразличия. Мы росли, вдохновляясь маленькими победами таких же простых людей, с абсолютной уверенностью зная, что когда придёт черёд нашей победе, окружающие люди с такою же искренностью и восторгом возрадуются нашим достижениям. В послевоенные годы мы жили открыто и доступно, знали друг друга в лицо, дружили семьями, гуляли компаниями. Малейшее достижение соседа или знакомого превращалось в достижение улицы, квартала, города. Система поощрения труда в СССР действовала настолько эффективно и качественно, что каждый человек, полноценно реализующий себя в повседневной жизни, мог претендовать на награду и, соответственно, испытать свою минуту славы, как другие люди

до него и после него. И воздаваемые почести за упорный труд, прославление и восхваление окружающими воспринималось людьми настолько искренно и трогательно, что лауреат осознавал свою значимость в трудовых буднях своего народа и со слезами и душевным восторгом благодарил коллектив, общество и Советское государство за достойную оценку своего труда.

Вокруг нас жизнь складывалась таким образом, что зависти к успехам победителей никто не испытывал, потому что в коллективе все находились на виду и были равны. Все знали, что за каждым достижением стоял упорный труд, самоотдача и постоянная работа над повышением своего профессионального уровня. В наше время награждали не карьеристов, подхалимов, любовниц или родственников, а действительно достойных людей – настоящих тружеников, пахарей, борцов за справедливость, патриотов, профессионалов и фанатов своего дела. В послевоенный период люди больше помогали друг другу, росли милосерднее, добрее, бескорыстнее. Если кто-то оказывался удачливей и выходил в передовики, то он никогда не приписывал успех только себе – это был *наш* успех, достижение всего коллектива. Возможно, поэтому чужие победы воспринимались нами как личное достижение, и мы чувствовали свою сопричастность к происходящему. Мы знали, что сегодня – он герой, а завтра я окажусь на его месте, только для этого нужно усерднее работать, ответственнее относиться к поставленным задачам, проявлять смекалку и знания. Конкуренция процветала и поощрялась, но люди вели её благородно, проявляя добродушие и приветливость, с улыбкой на лице, помогая друг другу, идя навстречу отстающему. В конкуренции побеждал действительно достойный.

А с каким пафосом праздновались элементарные трудовые достижения! Чествование передовиков превраща-

лось в настоящий праздник, причём для всех: для героев и для людей, которые славили героев. Награждение и обязательный праздничный концерт в честь героев заряжали нас особой энергетикой – мы вдохновлялись поступками наших современников и убеждались, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и мы тоже сможем достичь их уровня и оказаться на их месте. Поэтому, радуясь за товарищей, мы в следующие дни трудились по-особенному, с ещё большей самоотдачей, с ещё большим желанием принести пользу своей Родине. Мы верили, что придёт и наш звёздный час, и нами будут гордиться родители, семья и знакомые.

И что удивительно, моя маленькая, этот час наступал. На нас обращали внимание, нас выделяли, своевременно поощряли – и грамота, по большому счету простой лист картона, венчала наш триумф. И стоя на сцене в забитом до отказа зале Дома культуры, оглушённые аплодисментами и фанфарами государственного гимна, глядя на этот простой лист бумаги, мы за те считанные мгновения награждения понимали, что мы тоже особенные, что мы нужны этим людям и этому обществу, что в целом мы не зря живём в этом мире. И понимание собственной значимости обогащало смысл нашего присутствия в жизни, способствовало закреплению нашего авторитета в глазах окружающих людей, делало нас искренними, заинтересованными и постоянно стремящимися к намеченным целям.

Внученька, приведу тебе несколько примеров, оставивших наиболее яркие воспоминания в моей памяти. Приём в пионеры. Можешь представить, сколько лет прошло уже с тех пор, а я как сейчас помню торжественность вручения нам, четвероклассникам, пионерских галстуков. Это был праздник государственного масштаба: нарядные родители, школьницы в белых фартуках, с накрахмаленными белоснежными бантами, мальчики – в костюмах, с бело-

снежными рубашками, море цветов, красное знамя школы, гимн Советского Союза, ветераны с орденами и медалями, и такое поющее состояние души, словно все эти люди собрались вместе только ради тебя одной. А ведь действительно, по большому счёту, так оно и было. Каждого четвероклассника вызывали перед строем всей школы, у красного знамени школы мы давали присягу, нам прилюдно повязывали галстук на шею и каждый из нас испытывал такое чувство гордости, такой праздник души, что даже сейчас я готова вернуться в те далёкие времена и испытать это воодушевление и душевный подъём. И ведь на этом праздник не заканчивался: старшеклассники нам раздавали подарки, а после торжественной линейки в нашу честь организовывали концерт, на котором для нас пели, танцевали, декламировали стихи. Дома нас ждал праздничный ужин, с винегретом, картошкой и улыбающимися лицами родителей, соседей и близких людей. Все были нарядны, веселы, раскованы, и весь этот праздник проходил на фоне благоухающей весенней погоды, тёплых апрельских дней, да ещё в день рождения вождя русской революции Владимира Ульянова (Ленина).

Другой наиболее запомнившийся пример связан с профессионализмом моих учителей, которые за редким исключением являлись учителями от Бога. Возможно, и сейчас в школах встречаются такие, но ведь в моё время они составляли большинство! Всех их отбирала, подготавливала и формировала как профессионалов советская система образования! Внученька, честно признаюсь, в первых классах школы я не блистала знаниями, и особые проблемы у меня возникли по русской литературе. Я любила читать, но на чтение у меня просто не хватало времени. Во времена моей юности, несмотря на то, что наши родители целые дни пропадали на работе, каждый школьник практически до самого вечера оказывался занят и не

имел свободного времени. После уроков мы занимались на факультативных занятиях, в различных спортивных секциях, кружках самодеятельности. Лично я, как сейчас помню, ходила на легкую атлетику, училась играть на баяне, посещала кружок вышивания и вязания, пела в хоре, ходила на танцевальный. И ещё я пыталась успеть попасть в театральную студию и кружок радиолюбителей, но не успевала. Поэтому, при такой нагрузке у меня практически не оставалось времени на выполнение домашних заданий по литературе. А ведь учителя были строгие – требовали не только прочесть книгу, но и пересказать её, а если по программе выпадало выучить стихотворение, то наступал полный завал.

И вот однажды, перед выходными, моя учительница по русскому языку и литературе Людмила Васильевна Ирчишина подозвала меня и предупредила, что если я не выучу на понедельник стихотворение, то она вызовет моих родителей в школу. Для меня эта новость как гром среди ясного неба! В те времена родителей могли не просто вызвать в школу и пристыдить за нерадивого ребёнка, а руководство школы могло написать гневное письмо по месту работы, обвинить родителей в недобросовестном выполнении своих священных обязанностей и потребовать вмешательства трудового коллектива. Это была крайняя, но действенная мера давления на учеников и на их родителей. А я не то чтобы боялась – я не могла представить, что можно настолько подвести своих родителей. Стихотворение предстояло выучить большое и сложное, а так выпало, что на эти выходные я принимала участие в нескольких репетициях и одном концерте. И представь, внученька, мне не исполнилось и двенадцати, но я успела и на репетиции сходить, потому что не могла подвести своих товарищей, и принять участие в концертной программе, и заставила себя выучить заданное стихотворение. До глубокой ночи

учила, до слёз, до ругани матери, которая проснувшись ночью, не могла поверить своим глазам – я учила.

Людмила Васильевна вызвала меня первой – в наши времена учителя слова на ветер не бросали: если обещали, то делали. И когда я без запинки протараторила стихотворение, ты даже не сможешь представить её реакцию – она не просто похвалила меня и поставила отличную оценку, она превратила мой ответ чуть ли не в праздник всей школы. Воистину в наши времена работали великие педагоги! После того, как меня поставили в пример перед всем классом, буквально на перемене, мой ответ уже был вознесён в школьной стенгазете, и вся школа прочитала про мою добросовестность и ответственность. На перемене меня останавливали учителя и хвалили, мои одноклассники гордились мной и всем показывали на меня пальцем. Я вдруг стала «звездой» в школе. Как после этого я могла плохо учиться? Людмила Васильевна настолько высоко подняла планку моей ответственности, что я сократила посещение кружков и освободившееся время посвятила учёбе, особенно русской литературе. И если за точку отсчёта взять тот урок двенадцатилетней девочки, то ровно пятьдесят восемь лет своей жизни я посвятила русской литературе: окончила университет, защитила кандидатскую и докторскую диссертации по филологии и около пятидесяти лет в различных университетах мира преподаю русский язык и литературу для иностранцев. Вот что значит вовремя поощрить и вдохновить! Этот урок я запомнила на всю свою жизнь.

Настенька, я до сих пор радуюсь чужим достижениям и пытаюсь научить этому своих учеников. К сожалению, в Украине мало что сохранилось от советской системы образования, а вместо неё строится уродливая, по миру кусками собранная модель «украинского образования», которая искалечила внутренний мир уже не одного поколе-

ния. Но самое страшное заключается в том, что только моё поколение, сравнивая богатство своего внутреннего мира с убогим мировосприятием подрастающей молодежи, видит степень деградации её внутреннего «Я». Но ведь нам никто не верит, потому что такого совершенства внутреннего мира, как в нашем поколении, впоследствии уже не удалось сформировать! Так и уходит в вечность былая слава некогда образцово-показательной модели советского образования.

Письмо шестое

Третье основное качество, которое заложили в основу внутреннего мира моего поколения – обострённое чувство *гордости от соприкосновения с историей нашего государства*. Настенька, тебе трудно в это поверить, но мы настолько любили свою Родину, наши судьбы настолько переплелись с её судьбою, что смысл всей нашей деятельности заключался в одном – в служении Родине, в укреплении могущества Советского Союза. Что самое интересное, внученька, в этих словах совершенно отсутствует пафос. Мы действительно жили не для себя, а для своей Отчизны. Трудно передать в словах ту уверенность и убеждённость, которую я, семнадцатилетняя девушка, испытывала от понимания того, что именно мои знания, полученные в самой обычной средней школе, послужат укреплению могущества Советского государства. И я не знаю, Настенька, как можно донести до тебя тот факт, что ещё со школьной скамьи в каждом из нас смогли воспитать такое чувство восторга и любви к своей Родине, что мы, начиная с начальных классов, могли с кулаками наброситься на любого, осмелившегося усомниться в исключительности советского строя. Тебе и твоему поколению, воспитанному уже в годы независимости, безусловно, трудно поверить в то, что с самого раннего детства мы как азбучную истину усвоили: личные потребности второстепенны, а служение государству и обществу – священный долг каждого гражданина СССР. Уже со школьной скамьи нас научили прояв-

лять свои природные способности не для удовлетворения эгоистичных потребностей, а во благо Отчизны и народа. Внученька, я до сих пор придерживаюсь идеи, что святая обязанность каждого гражданина – это служение Родине и народу, отстаивание их интересов на мировой арене.

Настенька, моё поколение с самого детства фанатично любило свою Отчизну, гордилось ею, и самое главное, мы понимали, что именно от наших достижений и завоеваний зависело её будущее. Мы всегда помнили, что несколько предшествующих поколений сложили свои головы на полях сражений, отвоёвывая свободу для нашего поколения, отдавая свои жизни во имя коммунистического будущего. И у нас не оставалось иного пути, как продолжить героический подвиг своего народа. Мы знали, что наше поколение должно сделать всё возможное, чтобы восстановить промышленность, поднять сельское хозяйство, получить знания такого качества, чтобы на равных конкурировать с ведущими европейскими государствами и Соединёнными Штатами Америки. И понимание важности и масштабности поставленных целей, желание доказать погибшим героям свою значимость и весомость на кону истории, превращало каждый день нашей повседневной жизни в осмысленную полноценную самореализацию. Если мы за что-то брались в своих трудовых буднях – мы отдавались этому до конца, стараясь довести конечный результат до образцового совершенства. А иначе мы не могли, потому что вокруг нас процветала конкуренция – каждый стремился стать лучшим, каждый хотел походить на героев войны и добиться заслуженного уважения у ветеранов, кровью поливших места сражений. Настенька, нас со школы нацелили на борьбу и на достижение выдающихся результатов. Нас научили бороться и побеждать, а если мы проигрывали, то нас учили достойно встречать поражение, учиться на своих ошибках и не лежать сломленными

и побеждёнными, а подниматься и снова вступать в борьбу. Родина и учителя обучали нас бороться до последних сил и побеждать, даже если враг намного превосходил в силах.

Каждый из моего поколения своим трудом участвовал в написании летописи Советского государства, знал о своей роли в росте могущества и авторитета СССР на мировой арене. Каждый из моих сверстников имел шанс отличиться на трудовом фронте, выйти в передовики, стать героем, и поэтому каждый новый день оказывался важен для нас и нашего самоутверждения. Мы не могли упустить свой шанс, и, нацеленные на борьбу, наученные наступать и побеждать, мы каждый день боролись за своё место в истории. Мы не просто работали – мы воевали на трудовом фронте, жертвуя годы своей жизни во благо Родины. У нас не оставалось времени на отдых и развлечения – мы самозабвенно, не расплескивая на быт и даже семью, реализовывали себя в истории советского народа, обогащая её летопись своими трудовыми подвигами.

Внученька, прошли долгие лета со времён моей молодости, многое в мире изменилось, как карточный домик распался Советский Союз, но любовь к своей Родине по-прежнему пылает в моём сердце. Как и много лет назад беззаветно любя то, что называлось Советским Союзом, мне сейчас больно и тревожно наблюдать за тем, как снижается патриотический настрой населения на Украине и в России. Из школ выпускается молодежь, мечтающая уехать за границу, предать свою страну и найти лучшие условия для самореализации. В вашем поколении, Настенька, совершенно отсутствует генетическая связь с культурой своего народа, с его традициями, обрядами, верой. Вам безразличны достижения предшествующих поколений, их цели, мечты и планы. Вы не думаете о преемственности, о продолжении начатых предшественниками проек-

тов, а ведь для моего поколения это являлось делом всей нашей жизни. Твоё поколение, Настенька, не испытывает никакого уважения к родителям и к старшему поколению, потому что считает, что они не живут, а выживают, что они так и не смогли за свою жизнь достичь чего-то значимого и весомого, измеряя нашу жизнь материальными и предметными критериями оценки. Твоё поколение считает себя более «продвинутым», «в теме», причисляя себя не к богатейшему наследию Киевской Руси, а к более молодой, но прагматичной и меркантильной культуре Америки.

И кто в этом виноват?

Я слышу, как с экранов телевизоров доморощенные «эксперты» с громкими регалиями и званиями «авторитетно» объясняют падение патриотизма экономической отсталостью Украины и России. Оторванные от реальной жизни, гламурные и предубеждённые, они несут ерунду, от которой хочется плакать. Это какое нужно испытывать неуважение к своему народу, чтобы публично демонстрировать свою глупость и ограниченность, чтобы высокомерно и с апломбом говорить тривиальные и банальные вещи?

А настоящая причина падения патриотических чувств у подрастающей молодёжи заключается в совершенно ином – в развале советской образовательной системы! Разве разрушенная войной экономика Советского Союза находилась в лучшем состоянии экономики современной России или Украины? Разве можно сравнить голодное и холодное существование моего поколения с той сытостью и обеспеченностью, в которой развиваетесь вы? Конечно же нет! Промышленные предприятия, почти полностью уничтоженные бомбёжками и артиллерийским обстрелом, заброшенные, вытоптанные и заросшие бурьяном сельскохозяйственные угодья, практически полное отсутствие автомобильных и железнодорожных путей сообщения,

оборванные линии электропередач, взорванные мосты и дамбы, и самое главное – миллионные потери среди самого активного и трудоспособного мужского населения! Вот, что досталось после Великой Отечественной войны моему поколению. Но тогда чем объяснить тот факт, что моё, послевоенное поколение костями ложилось за свою Родину, поражая весь мир небывалым ростом строительства и производства, преданностью и самоотверженностью в труде, а твоё, Настенька, поколение, выросшее в сытости и достатке, на каждом шагу хулит свою Отчизну, поливает её грязью и массово бежит за границу, как крысы с тонущего корабля? А чем объяснить небывалый рост патриотизма в Китае, росту экономики которого удивляется весь мир? Нищий и полуголодный народ, в едином порыве объединился и за считанные десятилетия смог создать экономику, которая на равных конкурирует с экономикой США! При этом, подчеркну, в их системе образования много заимствовано из советской образовательной модели, которую они, в отличие от нас, не разрушили и не оклеветали, а разбавили достижениями американской образовательной модели и на основе этой гремучей смеси создали модель образования, которая сплотила миллиардный народ, раскрыла его внутренние потенциалы, указала цель и пути её достижения.

Почему же в России и Украине бывший народ-победитель влачит столь жалкое и убогое существование, позволяя паразитировать на своём труде единицам, которые в силу случайностей и обстоятельств пролезли из грязи в князи? А причина разложения твоего, Настенька, поколения очевидна – неэффективная «новая» система образования и преступная безответственность людей, которые её организуют и представляют. Чувство патриотизма формируется с детства, закладывается в подсознание и тяготеет к коллективному «Мы». Патриотом человек ста-

новится только тогда, когда растёт в обстановке обострённой любви к Родине, когда вокруг него процветает самоотдача и верное служение своему народу, когда старшие поколения, чью информацию только формирующийся мозг ребёнка впитывает как определяющую и установочную, своими делами и поступками показывают верховенство Чести и Долга, Веры и Правды, Преданности и Бескорыстия по отношению к своему народу и государству. Как можно Ваше поколение обвинять в безразличии и непатриотических настроениях, если на ваших глазах произошёл развал Советского Союза, если вы выросли в обстановке воровства и спекуляции, процветающей коррупции и «кумовства», массового предательства национальных интересов высшим эшелонам власти, безнаказанности мажоров и лживости представителей исполнительной власти, пренебрежения к государственной символике и к органам народного управления? Все те, кто своим поведением обязаны показывать вам пример верного и преданного служения Отчизне с момента обретения республиками независимости, лицемерили, грызлись между собой, гнобили собственный народ и наживались на Родине. И всё это время от родителей и близкого окружения вы постоянно слышали ропот о том, как из свободных людей их вновь превратили в батраков и холопов, сделали бедными и бесправными...

Настенька, я понимала и сердцем чувствовала, что усилий оставшихся патриотов – людей, которым небезразлична судьба России и Украины, недостаточно для того, чтобы посеять в ваших сердцах любовь к Отчизне. Разве мы могли в одиночку изменить пробуждённую и кем-то сознательно подогреваемую у населения Советского Союза алчную потребность в наживе, к деньгам и материальным ценностям? Разве мы могли противостоять спланированной и широкомасштабной спецоперации США и

европейских государств по развращению нравов у нашей молодежи?

Нет, милая, не могли, но старались, не сидели сложа руки и не наблюдали за тем, как обесцениваются идеалы нашего народа и попираются ценности, корнями уходящие вглубь истории Русского государства. Лично я, Настенька, как могла, пыталась привить тебе чувство гордости за Украину, пробудить желание творить во имя своего народа и его светлого будущего. Около тридцати лет проведя за границей, я не только не утратила чувства любви и восхищения своею Отчиной, а наоборот, патриотические чувства, как и много лет назад, зашкаливают во мне. И, несмотря на все те изменения, которые произошли на моей Родине (распад Советского Союза, предательство и воровство государственных чиновников и политиков), тоска по Родине – это единственная обострённая болезнь, от которой я так и не смогла излечиться. Я обязательно приеду умирать в Украину – там я родилась на свет, там и приму смерть.

Внученька, я всегда болезненно воспринимала твои попытки обвинить и унижить Украину. Ты знала, насколько мне это неприятно и больно, поэтому, чтобы досадить мне, часто прибегала к этому запрещённому приёму. Но ругать – не строить. А что ты сама сделала для расцвета и славы неньки Украины? В Европе приветствуют принцип «начни с себя», поэтому если бы каждый из украинцев, русских, белорусов не ругал и не хулил Родину, а начал с себя и стал бороться за её судьбу и будущее, то разве довели бы мы себя до такой униженности и оскорблённости? Почему в Польше народ не позволил чиновникам и «бизнесменам» разграбить своё государство? Почему, начиная от простолюдина и заканчивая Президентом, поляки с придыханием и гордостью проговаривают – «Я – поляк»!

Выходит, проблема не в Родине, а в людях, которых неправильно воспитали?

Внученька, не Родину нужно ругать, а себя, потому что именно ты, я и другие относимся к числу тех, кто закрывает глаза на святотатство, кто своим молчанием и терпением способствует поруганию и оскорблению родового корневища. Именно такие, как мы с тобой, унизили и опозорили культуру, которая только за прошлое столетие выстояла в двух мировых войнах, которая породила героев-богатырей, освободивших Европу от немецко-фашистских захватчиков. Ни один другой народ мира этого не смог сделать, а русский народ – русские, украинцы и белорусы в единстве с братскими народами Советского Союза – не только это сделали, но и показали, в чём сила русского духа – *в сплочённости и единении рода*.

Настенька, твоё поколение мечтает о деньгах и роскоши, не понимая элементарного: богатство – это не материальные ценности. Богатство – это, прежде всего, широта души, глубина и масштаб мировосприятия, преумножение славной истории своего государства и обогащение культуры своего рода. Настенька, богатство – это то, что Родина и народ навсегда утратят после твоей кончины, потому что воспроизвести творимое тобой никто не сможет. Богатство – это квинтэссенция твоей жизни, вошедшая в культурную сокровищницу твоего рода и цивилизации. Богатство – это желание своей судьбою и жизненным путём обогатить и укрепить корневище рода, потому что от славы и могущества родословия зависит полноценность и безопасность существования будущих поколений. А ведь мы, женщины, как матери, должны в первую очередь думать о сохранности родового дерева: детей, внуков, правнуков...

Когда я пыталась тебе всё это донести, ты всегда обрывала меня односложным, останавливающим дальнейший диалог вопросом: «А зачем мне это?».

Действительно, зачем?

Этот вопрос, словно дуновение ледяного пронизывающего ветра, замораживал во мне чувственный порыв и эмоциональность аргументации. Неуважение к Родине и непонимание своего предназначения в жизни в вашем поколении засели настолько глубоко, что даже мой педагогический опыт не в состоянии его искоренить и преодолеть. Видимо, это нужно только пережить, пронести как крест, и если судьба соизволит, то род выживет и оправится. Ваше поколение не вечно, вы вымрете, а нам нужно бороться за то, чтобы следующее поколение пошло не в вас, а взяло лучшее от нас, от тех, кто жил и умирал за процветание своего корневища.

Письмо седьмое

Настенька, мои предыдущие письма получились сложными и эмоциональными, но разве по-другому можно раскрыть разницу в наших мировоззрениях? Внушенька, я попыталась очертить ту глубочайшую пропасть, образовавшуюся между моим и твоим восприятием жизни. Мы давно с тобой не разговаривали на такие сложные и жизнеопределяющие темы – всё больше по пустякам: быте, делах, успехах. Ты избегала сложных разговоров, показательно зевала, отвлекалась и я, глупая, почему-то не решалась тебе навязать их. Сейчас понимаю, что моя любовь к тебе пробуждала во мне слабость, боязнь надоест тебе, оттолкнуть от себя, потерять тебя. Всё это и привело нас всех к трагедии: когда мы вынуждены обречённо наблюдать за тем, как ты где-то вдалеке от нас балансируешь между жизнью и смертью. Поэтому прости меня моя маленькая, прости за мою любовь к тебе и проявленную слабость.

Но, не решаясь говорить с тобою, я довольно часто вела серьёзные разговоры о тебе и твоём воспитании с твоей мамой. Длительное проживание во Франции, а потом в Китае, понимание сильных и слабых сторон образа жизни этих двух ведущих государств мира, постоянно проводимые сравнения с особенностями образовательной системы в СССР и независимой Украине, открыли передо мной целый ряд принципиальных отличий в наших системах образования. Одно из таких отличий как раз и заклю-

чается в том, что в Европе, США и Китае не жалеют своих детей. Их любовь к детям отличается от нашей любви тем, что они дают своим детям возможность испытать себя в различных конкурентных средах, не мешают им принимать самостоятельные решения, совершать ошибки. Они не скрывают от детей сложности и непредсказуемости самостоятельной взрослой жизни, учат их вести себя повзрослому, становиться самостоятельными уже с детства и с подросткового периода, при этом со стороны наблюдая за тем, как дети ведут себя в этих ситуациях. Их любовь к детям проявляется в том, что они всегда рядом, всегда готовы прийти на помощь, советом, личным примером подсказать правильное решение. Они не оберегают своих детей, как мы, не жалеют их, не закрывают в иллюзорных сказочных замках, а наоборот, при каждом удобном случае закаляют в реальных условиях существования.

Они не сопровождают своих детей за руку по жизни, не опекают и не балуют. В США, как в природе: достиг периода созревания, исполнилось 21 год – выпархивай в самостоятельную жизнь и борись за своё место под солнцем. *Выживает сильнейший*. Родительские обязанности в европейском и американском понимании – это по максимуму посвятить себя детям до их совершеннолетия, а уже после выпроводить в самостоятельную жизнь, лишив опеки и материальной помощи. Выполнив свой долг, родители продолжают заниматься самореализацией, на своём примере показывая детям смысл человеческого существования и умение проявить себя в конкурентной среде. Образцовая семья в Европе, США и Китае – это родители, которые личным примером, принципом «делай как я», собственной значимостью и заслуженным авторитетом стимулируют детей к развитию и реализации заложенных и пробуждённых в них потенциалов.

А у нас на Руси, к сожалению, всё по-другому. Наша любовь, как мне открылось, на самом деле жестока и губи-

тельна. Мы создаём для своих детей тепличные условия, изолируем их от реальных условий жизни и стараемся представить детям жизнь в гораздо лучшем свете, чем она есть на самом деле. Мы создаём для наших детей сказку, которая, как мираж, искажает окружающую реальность. И страшно то, что дети начинают верить в нашу сказку, представлять жизнь как сказку, не догадываясь о том, что это только иллюзия, наша родительская фантазия.

Но ведь на самом деле, какой бы сказочный образ жизни мы не придумали, от этого в реальности ничего не изменится. Любая сказка имеет свой конец. Пройдёт время, и дети, выросшие в созданной родителями сказке, столкнутся с жестокими буднями, и тогда сказка в лучшем случае превратится в грустную быль, а в худшем – в страшный кошмар для детей и родителей. Жизнь своей бескомпромиссностью и жестокостью, как жерновами, станет крошить неподготовленную к стрессам психику повзрослевших детей, а их родители, которые уже не в силах изменить действительность, убивая себя, будут наблюдать за тем, как разбивается хрустальный замок внутреннего «Я» их отроков. К сожалению, а может быть и к лучшему, наш мир устроен так, что за счёт слабых выживают сильнейшие. И даже больно представить душевные муки родителей, которым откроется страшная истина: вместо достойной замены и лучшей судьбы они изначально воспитали обречённых на гибель представителей общества. Что может оказаться ужаснее картины медленно погибающих детей? Разве что понимание того, что ты сама в этом виновата... Вот и я, Настёночка, понимаю, что именно я – моя любовь к тебе, желание превратить твою жизнь в сказку, – виновата в том, что реальность жизни убивает тебя. Я сама являюсь причиной твоей гибели.

Что теперь я должна делать, маленькая, как можно изменить произошедшее? Ведь это невозможно, выше человеческих сил наблюдать за тем, как умирает человек, ко-

торый является не просто родным и близким, а который составляет большую часть твоей жизни. Ведь ты, Настёночка, и есть основная часть моей жизни. Я уже говорила тебе, и повторю ещё раз: убивая себя, ты убиваешь и нас – меня, дедушку, маму, папу. Теряя тебя, мы разрушаем себя: как нам жить без тебя, и, вообще, возможна ли жизнь без тебя?

Внученька, как шанс что-то изменить и поправить, я хочу продолжить рассказывать тебе о своих чёрных лебедях для того, чтобы мы лучше поняли друг друга, не причиняли друг другу боль, а воспользовались открывшимися возможностями для самоспасения, для воскрешения и продолжения жизни. Действительно, основы наших внутренних «Я» сильно отличаются, но ведь мы одной крови и нам природой запрещено рубить собственное родовое древо. В природе первыми отсыхают старые ветви, но дерево, выпуская новые побеги, продолжает жить. Ты – единственная новая ветвь нашего семейного древа, поэтому, умирая, ты лишаешь будущего весь наш род. Нельзя так, маленькая, ведь *мы, женщины, не должны нести смерть. Мы, женщины, предназначены для другого – рождения жизни, её продолжения и для вдохновения на жизнь.* Настенька, борись за свою жизнь, возвращайся в наш мир и вдохновляй нас на жизнь. Пожалуйста, прошу тебя...

Внученька, когда я вспоминаю своё первое двадцатилетие, даже сейчас, спустя пятьдесят лет, я ощущаю приливы умиротворения и трогательной теплоты. И ведь, действительно, мы жили легко и весело, несмотря на то, что в послевоенные годы мы постоянно сталкивались с ограниченным питанием, тяжёлым физическим трудом и сложными бытовыми условиями. Мы росли в многодетных семьях, во многих из которых погибли отцы или сыновья. Большинство семей ютилось в бараках, в которых комнаты отгораживались простынями, или в коммунальных, в которых маленькие комнатухи служили столовой,

спальней и залом одновременно. Прибавь к этому общие туалеты на двадцать-тридцать человек, общую кухню со всей гаммой запахов и грохотом посуды, постоянное движение по длинному коридору и гул голосов за тонкими стенами перегородок.

Настёнка, разве тебе знакомы такие бытовые условия? А разве тебе ведомо постоянное урчание в животе и не проходящее чувство голода? Но от этого наша жизнь не казалась депрессивной и бедной на впечатления. Надо отдать должное: на тот момент в Советском Союзе смогли создать такую социальную атмосферу, которая все материальные и бытовые проблемы оставляла на втором плане, а в повседневной жизни мы насыщались совершенно иным – например, общением. Ты не поверишь, но мы радовались любой встрече друг с другом, наше любопытство разжигали такие мелочи, которые в твоей жизни проходят незаметно и мимолётно. Нашу повседневность ещё не заполонило телевидение, радиостанции, интернет, нас ещё не избаловало обилие книг и печатной продукции, но пробуждённая учителями от Бога внутренняя тяга к познанию заставляла нас больше двигаться, встречаться друг с другом и через личное общение передавать и усваивать то новое, что в современном мире можно сполна получить, не вставая из-за стола. Я долго пыталась обратить твоё внимание на возможность качественного общения, но ты не понимала, как можно впечатляться такими незначительными и эпизодичными событиями.

А мы не просто радовались встречам друг с другом – мы вдохновлялись, заряжались и обогащались знаниями от них. Например, я часто вспоминаю наши выходные дни. Как правило, на выходные в Советском Союзе выпадали праздники. В наше время существовало много праздников: государственных, республиканских, городских, чествование в коллективах, смотры художественной самодеятельности, спортивные праздники. Страна жила

большим коллективом, вдохновляясь общением и теми новыми достижениями, к которым каждый из нас оказывался причастен. Праздники настраивали нас на положительные эмоции, приводили к неожиданным встречам и знакомствам, раскрывали новые стороны человеческих взаимоотношений. После концертов или других культурно-массовых мероприятий мы могли придумать в тридцатиградусный мороз сходить посмотреть на ивы у замёрзшего пруда. Кто-то сказал, все вдохновились, быстро собрались и пошли. А идти только в один конец пятнадцать километров! Но нас это не смущало – расстояние в сравнении с полученными впечатлениями казалось сущей мелочью. За шутками, прибаутками, мы не замечали ни мороза, ни пройденных километров. Мы шли и наслаждались звенящим зимним воздухом, любовались окружающей природой, вдохновлялись своим единением с косной и живой материей. Наш мозг фиксировал малейшие детали существования окружающего мира и впитывал в себя больше, чем мы могли видеть и слышать. Это расширяло его познавательные горизонты, увеличивало масштаб восприятия мира, укрепляло основу нашего внутреннего мировосприятия.

Мы приходили на озеро, любовались заснеженными ивами, белоснежностью зимнего пейзажа, катались по замёрзшему льду озера, смеялись по пустякам, озорничали и шалили, а потом в таком же приподнятом настроении возвращались назад домой. И для нас эти тридцать километров по заснеженной дороге и лютой непогоде казались такой мелочью в сравнении с полученными удовольствиями, с открывшимися знаниями существования мира, что такие походы мы могли совершать раз за разом.

И ведь мы не спешили домой! Свободные в движении и в принятии своих решений мы находили вдохновение в каждом шаге этого тридцатикилометрового пути. Мы спешили жить, но не могли пресытиться жизнью. Мы пили

её большими глотками, но чувство жажды не иссякало, поэтому нам хотелось всё больше и больше познавать её, раскрывать глубины её содержания и впитывать в себя открытые знания. Весь день, проведённый в пути в компании ровесников, причём знакомых и незнакомых, открывал для нас тайны человеческих взаимоотношений, особенности личностных проявлений, многогранность внутреннего мира людей. Мы говорили обо всём, делились своими знаниями и впечатлениями, учили и пели песни, декламировали стихи, спорили до хрипоты. Мы открывали друг другу свои души и сердца, и эта искренность, свобода волеизъявления, потрясающее доверие к рядом идущему заряжали нас такой энергетикой, что мы не шли, а парили по морозной дороге, не чувствуя ни холода, ни голода, ни усталости. Представь, маленькая: тридцать километров пути пешком, полями, под конец и в темноте, в компании часто малознакомых парней, и всё это без тени сомнений, пошлости и принуждения. И нам этого времени не хватало, нам хотелось ещё больше общаться и познавать, удивляться и впечатляться!

Труднодоступность качественной информации обостряла наше стремление к познанию, стимулировала к поиску, открытиям, приключениям. Чем труднее нам приходилось добывать знания, тем сильнее в нас пробуждалась потребность к познанию, и тем большее наслаждение мы испытывали от откровений и проникновения в тайны бытия. А какой восторг и гордость мы испытывали, если удавалось первым донести новую информацию окружающим, как вдохновлялись мы уважением товарищей к результатам своих наработок, и какими приятными оказывались эти минуты всеобщего внимания! В этих эпизодах общения мы открывали для себя важность и ценность информации, вкушали плоды своего умения работать с информационной средой, учились искать, творить и побеждать.

У кого это получалось лучше, тот становился авторитетен и всегда востребован в компании молодёжи.

Мы находились в состоянии постоянной открытости для впечатлений, радовались каждому новому событию, выхватывали мельчайшие эпизоды бытия – мы хотели знать всё. И, что самое интересное, нас никто навязчиво не опекал! Поверь, малышка, что столько времени, сколько мы с твоей мамой уделили тебе, нам наши родители не уделяли. В моей памяти отчётливо сохранилась их преданность работе и своим профессиям, поэтому нам, детям, уделялось значительно меньше родительского внимания. Однако при этом мы не были лишены родительской любви и тепла – я до деталей запомнила многочисленные семейные праздники, которые устраивались с соседями, кузовьями, друзьями. Я до сих пор помню задорный характер отца, его постоянные шутки, выдумки, умение увлечь и рассмешить любую компанию. В эти моменты он становился для меня центром Вселенной, и я со стороны любовалась и гордилась им – *своим* отцом. Я хорошо помню наставления мамы, её постоянное желание приодеть нас, подкормить, дать возможность познать новое. Ради этого она, помимо основной работы, где-то ещё подрабатывала, на заработанные деньги отправляя нас на экскурсии по стране или в оздоровительные пионерские лагеря, или поощряя наши детские увлечения и забавы.

Все эти усилия родителей жить во имя нас и для нас, творить во имя *нашего* будущего, мы видели и ценили. Желание родителей облегчить нашу жизнь и помочь выйти на новые уровни совершенства вызывало уважение, благодарность и пробуждало в наших детских сердцах стремление ответить взаимностью. Мы знали, что наши родители творят историю и тратят годы своей жизни во имя *нашего* будущего, и мы не мешали им, в душе гордясь ими и стараясь походить на них. Мы тоже готовились творить

историю, в своих детских играх прокручивая реальные события жизни. По большому счету, нас воспитывала улица, но не в том понимании, которое сейчас вкладывается в это выражение, а в том смысле, что, даже отсутствуя, наши родители на ментальном уровне постоянно присутствовали рядом и наблюдали за нами. Они не контролировали наши поступки, желания, стремления – они своим примером показывали нам *как* нужно жить и *к чему* стремиться. В нашем воспитании придерживался принцип: «меньше слов, а больше дела», поэтому нам много не рассказывали – нам показывали, а мы повторяли, не имея морального права вырасти хуже своих родителей. А в редкие минуты семейного единения, находясь на расстоянии вытянутой руки с родителями-героями, мы понимали их значимость для страны – и чем большего они достигали в своём труде на производстве, тем большую гордость мы испытывали за них. Их авторитет на работе поднимал и наш авторитет во дворе и в классе, их слава возвеличивала и нас.

Настенька, что бы сейчас не говорили о Советском Союзе – это было прекрасное время: трудное, но вдохновляющее на подвиги. И очень жаль, внученька, что мы забываем его, замещая новыми ценностями и приоритетами. *Общество, не знающее и не ценящее свою историю, не имеет будущего.* Возможно, поэтому Украина сейчас так одинока и не востребована, не находит взаимопонимания с Россией, да и для Европы по-прежнему остаётся чужой, непонятной и непредсказуемой. Грустно и обидно за судьбу своей Родины...

Письмо восьмое

Здравствуй, Настенька. Сегодня я проводила две лекции с магистрами и, наблюдая за студенческими лицами в аудитории, я безуспешно пыталась понять, почему нам не удалось пробудить в тебе такой интерес к жизни и знаниям, который открыто читается на лицах китайских студентов? А ведь вы практически ровесники – им тоже немногим больше двадцати лет.

Я уже давно не читала лекции в Украине, но в редкие наезды домой, наблюдая из окна своей квартиры за студентами национального педагогического университета имени Михаила Драгоманова, центральный корпус которого расположен прямо напротив моих окон, я невольно отмечала разницу между украинскими студентами и китайскими. Во-первых, в последнее время я совершенно не вижу, чтобы украинские студенты читали. Такое ощущение, что они уже всё знают и им не нужно готовиться к занятиям. Окна моего кабинета в Шанхайском университете иностранных языков выходят во двор, и я часто в свободное от занятий время наблюдаю за поведением китайских студентов. В отличие от украинских студентов они практически не расстаются с книгой. Китайские студенты больше напоминают европейских студентов: когда я преподавала в Сорбонне, меня приятно удивило культовое отношение к книге в стенах этого старинного университета. Но в Сорбонне студенты вынуждены много читать, иначе у них нет шансов закончить это престижное учебное за-

ведение. Как правило, внутренние дворники европейских и китайских университетов заполнены читающими, изучающими и что-то пишущими студентами. Читать на открытом воздухе, сидя на траве – это так типично для студентов европейских и китайских университетов. А в Киеве я эту традицию не обнаружила. А жаль, потому что, не полюбив книгу, наши студенты никогда не смогут составить достойную конкуренцию на рынке труда выпускникам высших учебных заведений из Европы и Китая. За Америку я не буду говорить, мне не довелось там побывать.

Во-вторых, наблюдая за украинскими студентами, я отметила их болезненную склонность к общению. Они словно боятся остаться один на один с собою, со своим внутренним миром, переживаниями, мыслями. Все, кого я вижу возле главного корпуса университета, сбиваются в группы или ждут, когда соберётся группа. Они группами выходят из метро, группами входят-выходят из университетского корпуса – такое ощущение, что они живут группой. Групповой образ жизни украинских студентов сразу бросается в глаза, потому что для европейских и китайских университетов характерна противоположная тенденция – в Европе и Китае преобладают студенты-одиночки, или максимум пары. Они ходят по одному или парой, читают в одиночестве, живут своей обособленной жизнью. Они эгоисты, только этот эгоизм, с моей точки зрения, правильный, потому что они занимаются *самообразованием и саморазвитием* – индивидуальным внутренним совершенствованием. А вся эта работа невозможна в массе – это кропотливый самостоятельный труд, сознательная изоляция, принуждение себя к одиночеству.

Третье отличие украинских студентов от европейских – это какая-то внутренняя безликость, душевная опустошённость и незащищённость. Почему-то все они вызывают жалость и участие – может, потому, что выглядят несчаст-

ными, обременёнными проблемами и нерешаемыми задачами? В позе ожидания они все похожи: плечи опущены, руки совершают хаотичные нервные движения, тело напряжено, ноги постоянно переставляются, сигарета курится за сигаретой, в руках телефон или плеер, в котором студент что-то постоянно переключает, судорожно ищет. А какой у них взгляд несчастный и затравленный: ищущий, тревожный, с угасающей надеждой. А как много украинские студенты разговаривают по мобильному телефону – ужас! Они боятся от него оторваться, болтают по пустякам, в пустую растрачивая драгоценное время своей молодости. Ожидание у входа может продолжаться вечно: час, два, три. Я не видела, чтобы кто-то кого-то не дождался. Такое ощущение, что ожидающие будут стоять до последнего, воплощая лучшие годы своей жизни в нескончаемый процесс ожидания.

Европейские и китайские студенты в этом плане более разнообразны. Даже когда они ждут, они занимаются чем-то своим: читают, слушают музыку, что-то повторяют. И главное, они долго не ждут. Там уважают время другого и не заставляют партнёра долго ждать; возможно, поэтому долго ожидающих людей я там не встречала. Но, даже ожидая, они остаются индивидуальными – разными, непохожими, отличающимися по многим характеристикам. Возможно, именно эта разноплановость поведения и нетипичность их образов создают иллюзию их заинтересованности, нацеленности не на *ожидание* результата, а на *достижение* результата. Они не просто ждут, допуская вероятность незаконченного действия, – они ждут, зная, что тот, кого они ожидают, обязательно придёт, причём скоро, практически в указанное время. Даже в ожидании, в этом казалось бы неопределённом действии, они настолько уверены в себе и в успешности конечного результата, что ожидание в их исполнении всегда приобретает законченный

характер. А как раз именно этой внутренней уверенности в законченности любого действия, в закономерности и логичности совершаемых поступков, не хватает украинским студентам. Мне кажется, что украинская высшая система образования не пробуждает в молодом поколении индивидуальное сознание, не способствует укреплению *самоуважения, самоуверенности и самодостаточности*, что она по-прежнему, как и в последние годы советской власти, штампует массовое безликое сознание.

А я знаю, что такое массовое сознание – это безразличие, опустошённость и недооценка своих возможностей. Это неуверенность в себе и в своих внутренних силах, это всё возрастающее чувство безразличия к жизни и неблагоприятности за факт присутствия в жизни. Хорошо, что в годы моего становления преобладали другие ценности. К сожалению, твой внутренний мир, Настенька, формировался именно в период расцвета массового сознания.

Наконец, четвёртое отличие украинских студентов от европейских ровесников заключается в том, что в Украине не только студенты, но и всё население значительно меньше улыбается. Настенька, жаль, что у тебя не выпало возможности побывать в Париже, но если бы ты прошла по Елисейским полям или по любой другой улице, то первое, что бросается в глаза – это количество приветливо улыбающихся лиц. Такое ощущение, что французы беззаботны и всем довольны, что их жизнь – сплошное удовольствие и счастье. Совсем недавно я гуляла по Хрещатику в Киеве и на себе прочувствовала угрюмость и замкнутость нашего народа, озабоченность и неопределённость его положения. И мне показалось, внученька, что наших людей просто не научили ценить жизнь, радоваться одному факту присутствия в ней. А ведь во Франции или в любом другом европейском государстве, жизнь не намного легче, чем у нас в Украине. Их народы сталкиваются с такими же проблема-

ми, как и в Украине, только в отличие от нас их со школы учат, что проявлять на людях свою неудовлетворённость жизнью – это дурной тон, или, как сказали бы французы, – моветон. Выглядеть озабоченным, раздражительным, склочным, вспылчивым – это всё моветон, поступки, не принятые в хорошем обществе. Это невоспитанность, порок, даже хамство, потому что твоё плохое настроение должно оставаться только *твоим*, и ни в коем случае не распространяться на других людей. В повседневности и без твоей раздражительности хватает проблем и конфликтов, поэтому, когда человек своим плохим настроением нагнетает атмосферу среди окружающих, то от этого никто не выигрывает. Наоборот, внутренняя неудовлетворённость ещё более усугубляется, потому что люди на грубость и невоспитанность отвечают тем же – возмущением, предвзятостью, пренебрежением. А вот когда человек улыбается, когда, преодолевая боль души и, возможно, серьёзные невзгоды, несёт окружающим позитив и бодрость, то окружающие люди с такой же благосклонностью и расположением невольно помогают твоей душе адаптироваться, прийти в себя, восстановиться и обрести почву под ногами. Своей улыбкой ты пробуждаешь у людей положительные эмоции, которые возвращаются к тебе сторицей и энергетически заряжают, восстанавливая нарушенное душевное равновесие. В отношениях с окружающими нужно всегда руководствоваться Золотым правилом: *относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе*. Почему в Украине этим правилом пренебрегают?

Мне кажется, что если бы в Украине родители и педагоги обучали детей больше улыбаться, смехом залечивать неудовлетворённость души и капризы настроения, то украинское общество вышло бы на новые уровни совершенства: люди стали бы больше доверять друг другу, радоваться успехам друг друга, вернулось бы участие, ду-

шевность и милосердие. Улыбка – это своеобразный знак качества, характеризующий внутренний настрой общества, его отношение к происходящим событиям и удовлетворенность жизнью.

Настенька, если бы ты улыбалась чаще, то не устала от жизни, потому что улыбка, как волшебный ключик, открывает души и сердца людей, способствует укреплению межличностных отношений и, самое главное, прочно связывает к жизни.

Письмо девятое

Настенька, возможно, по причине того, что я не спала, возможно, из-за обострившейся чувствительности, но сегодня, рассказывая китайским студентам о богатстве русского языка, мне вдруг открылось понимание исходных причин этого богатства. Ведь действительно, Настенька, русский язык настолько многогранен и сложен, что по трудности изучения он занимает одно из первых мест. А причина наполненности русского языка смыслами и эмоциями, на мой взгляд, заключается в богатстве культурного наследия русского народа и сложности его судьбы. Те чувства и эмоции, которые на английском языке описываются несколькими словами, в русском языке оттеняются десятком слов. Эта сложная языковая палитра сложилась в результате глубоких переживаний и социальных потрясений, которые преследовали Киевскую Русь на протяжении всей её истории. В русском языке смешалась и боль от монголо-татарского ига, и постоянные войны с Европейскими и Скандинавскими соседями, и внутреннее перерождение, связанное с возрождением Киевской Руси, но уже на основе Московского княжества, этнически другого народа. Богатство чувственно-эмоциональных переживаний русских связано ещё и с тем, что мы приобщили к своей культуре традиции соседей, наших завоевателей или тех, кого мы побеждали. В русской культуре перемешались традиции Азии и Европы, язычества и мусульманства, католицизма и православия. Мы много приняли в

себя чужого и стали считать его *своим*. Богатство наших чувств и эмоций мы научились передавать своими и чужими словами, которые со временем тоже стали *нашими*, потому что прижились у нас, обогатили наш словарный запас и расширили возможности вербального донесения оттенков чувственно-эмоциональных переживаний. Великими русскими поэтами и писателями, обогатившими и расширившими возможности русского языка, становились не совсем русские люди, но они становились *нашими, классиками русской литературы*. Вспомни родословие Александра Пушкина, Николая Гоголя, Александра Герцена, Афанасия Фета и многих других. В их жилах текла кровь других народов.

Я не считаю себя большой специалисткой в истории, но мне кажется, что Киевская Русь, перешедшая в состояние Московского княжества, потом Российской империи, СССР, и в конце распавшаяся на содружество независимых государств (СНГ) на себе познала такое количество разрушительных войн, какое не ведало ни одно другое государство мира, а народ Киевской Руси – русские, украинцы, белорусы и другие нации и народности – так часто соприкасался со смертью, что страдания и тревога стали обратной стороной их жизни. Для русских людей жизнь обретает смысл и значение только тогда, когда рядом её оттеняет горе, трагедия и прочая наволочь. Возможно, поэтому всех, кто творил историю Киевской Руси вплоть до наших дней, при жизни хулили, унижали и притесняли, и только доведя их до смерти «братья» и «земляки» успокаивались и обнаруживали значимость загнанного ими человека. И с такой же напористостью, прямолинейностью и бескомпромиссностью, с какой человека затравливали в могилу, его начинали славить, возвеличивать и возносить на пьедестал. *Героями у русских, к сожалению, становятся только мёртвые.*

Близость тем смерти и героизма, смерти и подвига, смерти и жизни у русских людей настолько укоренилась, что когда новые поколения забывают о смерти, растут в обстановке мира, добра и благополучия, для них понятия героизма, подвига и долженствования теряют ценность и актуальность. Родители, ограждая своих детей от контакта со смертью, невольно отодвигают на второй план и ценность самой жизни. Мы, наследники Киевской Руси, почему-то не умеем ценить жизнь в благополучии и здравии, в счастье и мире. Мы открываем для себя богатство и красоту жизни только на фоне каких-то крайностей: смерти, неволи, болезни, кризиса, или же на фоне алкоголизма, наркомании, тоталитаризма. И это происходит только у нас, у русских.

Знаешь, Настенька, раскрывая перед тобой особенности становления своего внутреннего мира в первые двадцать лет своей жизни, я обнаружила важную закономерность – со мной и с моим поколением все эти годы плечом к плечу прошла тема смерти. Если внимательно всмотреться, то она присутствует практически в каждом моём воспоминании из детства, подросткового периода, юности. Паренёк из соседнего класса поехал к бабушке на каникулы в Белоруссию и там подорвался на mine. Практически все ученики нашей школы рыдали на его похоронах. Кроме этого я отчетливо помню, как мы хоронили соседа дядю Вову, героя-разведчика. Ему едва исполнилось сорок лет, но тяжёлые ранения вывели его из строя живых намного раньше положенного срока. С его дочкой Надей мы все старались дружить, хотя у неё был скверный характер.

Во многих моих памятных событиях присутствует тема смерти: слишком свежи ещё оставались воспоминания очевидцев войны, ещё не зарубцевались душевные раны от потери близких, вокруг нас часто умирали раненные

на войне люди. И это незримое, но постоянно ощущаемое присутствие конца жизни, постоянное напоминание о временности нашего бытия и о непродолжительности нашего присутствия в жизни, совсем по-иному настраивало и воспитывало нас. Моё поколение воспитывалось на понимании временного присутствия каждого из нас в жизни, на по-разному воспринимаемом, но главное, *осознаваемом*, контрасте между жизнью и смертью. Каждый из нас мог легко найти смерть в повседневной жизни, но именно эта доступность смерти делала саму жизнь такой бесценной и желанной.

Наше поколение, как и любое поколение, прошедшее войну и послевоенные годы, понимало, что мы гости на Земле, и поэтому именно как гости – вежливо, тактично и с уважением – мы должны вести себя, находясь в сфере жизни. Наше взросление бок о бок со смертью привело к тому, что, во-первых, мы не боялись смерти, потому что какой герой боится смерти? А, во-вторых, мы слишком рано научились ценить жизнь. Как можно пренебрегать тем, что и без того нам дано на очень короткое пользование?

И вот здесь, Настенька, я бы хотела, чтобы ты представила меня двадцатилетнюю и вспомнила себя в свои годы. Представила? Как ты думаешь, какая основная мировоззренческая характеристика нас отличает? Правильно, *отношение к жизни, уважение к ней и понимание её ценности*. В свои двадцать лет я не просто хотела изменить мир, я была уверена, что у меня это получится. Во мне воспитали уверенность в своих силах, нацеленность на результат, я хотела созидать, творить и преобразовывать. Я уже понимала цель своей жизни – показать людям на планете их образ со стороны и помочь довести его до более высоких уровней совершенства. При этом я понимала, что прежде чем что-то показывать людям и направлять их, я должна

сама достичь максимального совершенства. Только начав с себя, достигнув гармонии на уровне ума, души и тела, я могла завоевать их уважение и авторитет, заставить прислушаться к своим словам и к тому выбору, который я предлагаю.

Внученька, в двадцать лет меня переполняли планы, манили перспективы, и я с трудом справлялась с пробуждёнными и рвущимися на волю желаниями. Я не сомневалась в своих силах и верила в поддержку окружающих людей. Я чувствовала свою сопричастность с историей и знала, что развиваюсь в поколении, которое эту историю вершит. Я шла в первых рядах с теми, кто строил общество будущего – коммунизм, и все мои желания и цели основывались на уважении к жизни и понимании её временности. *Я хотела жить быстро, красиво и содержательно!*

А как ты в двадцать лет относишься к жизни? Возможно, я ошибусь, маленькая, возможно, что-то преувеличу, но в двадцать лет ты мне очень напоминала тех студентов, которых я постоянно наблюдаю из окна своей киевской квартиры. Ты очень похожа на них: робкая, растерянная, угрюмая, неуверенная в своих силах. Я видела, как ты испугано стояла у открытых дверей в самостоятельную жизнь и боялась в неё войти: за ней находилась совершенно незнакомая для тебя среда, пугающая шумом, страстями и конкуренцией. Именно от страха и неподготовленности к ней твоё поколение входит в эти двери группами, с оглядкой и подобострастием. В вас нет внутренней уверенности в себе, того индивидуального глубинного стержня-содержания, на который можно опереться и противопоставить себя чужой среде и агрессивно настроенному окружению. Поэтому вы ищите поддержку извне, опираетесь на малознакомых людей, случайно оказавшихся рядом, загружая их своими проблемами и перекладывая на их плечи свои заботы и нереализованность. Вы слабы духом,

компенсируя внутреннюю трусость надеждой на силу массы. Вы не умеете слушать и налаживать коммуникативные связи со старшими поколениями, воспринимая сказанное ими в штыки, а сделанное как агрессию. Именно поэтому реальная жизнь вместо вдохновения и желания самореализации вызывает у вас страх – дикий, животный, неподобающий человеку. Вы, как загнанные зверьки, видите во всем недоброжелательство и огрызаетесь даже на тех, кто протягивает вам руку помощи. Страх перед жизнью выталкивает вас из реальности, и ваша слабая и не готовая к конкуренции психика ищет для себя иные миры самореализации: или виртуальный мир, заболевая игроманией, или мир абстракций и иллюзий, превращаясь в структурно и функционально изменённую психику наркоманов, алкоголиков и токсикоманов. Вы сами придумываете для себя новые, облегчённые пространства для самореализации, в которых представляете не свою реальную сущность, а аватары – собирательные образы монстров, в которых бьются сердца мышат.

Малышка, откуда у тебя взялся этот страх перед жизнью? Почему меня в двадцать лет жизнь манила и притягивала, и я готова была к борьбе и даже поражениям, а ты оказалась совершенно неподготовленной к тому миру, в котором я и твоя мама реализуем себя, и довольно комфортно себя чувствуем? Внученька, ты не подумай, что я снимаю с себя ответственность за произошедшее с тобой. Я признаю свою вину и кладу голову на плаху – в первую очередь в твоей слабости и неподготовленности к самостоятельной жизни виновата одна я. Настенька, я слишком любила тебя и оберегала твой внутренний мир от стрессов. Ты была для меня всем: воздухом, природой, жизнью. Именно моя безмерная любовь сделала тебя слабой, и ты, внешне красивая, материально обеспеченная, независимая, оказалась беззащитной и неподготовленной на уров-

не внутреннего мира. Ты оказалась лёгкой добычей более сильных психик, реализующих себя за счёт таких, как ты. Ведь в повседневной жизни конкурируют не наши тела, а наши психики – внутренние «я». А ты в свои двадцать лет, к сожалению, воспринимала жизнь не как пространство для самореализации наиболее сильных и устоявшихся психик, а как игру, сказку: с доблестными принцами, лёгкими, открытыми отношениями и счастливым концом.

Прости, милая, за эту навязанную иллюзию; на самом деле, жизнь – это не сказка. Теперь мы все в этом убедились...

Настенька, я жалею только об одном, что ваше поколение не знало смерти. Для любящей бабушки это, возможно, звучит кощунственно, но сравнивая твою и свою жизнь, я констатирую, что ошибка моего поколения заключается в том, что мы слишком оберегали вас от реальной жизни, что своей жизнью и своим трудом мы скрыли от вас тему смерти. А я уже говорила, что у нас, у русских, так повелось издревле, от наших корней: забывая о смерти, мы перестаём ценить благополучие сегодняшнего мира. Моё поколение выросло в послевоенные годы, поколение твоей мамы ещё воспитывалось на темах войны, а вот для вашего поколения тема смерти уже не являлась злободневной. Вы выросли в достатке и сытости, вы мир стали воспринимать не как тяжёлый труд предшествующих поколений, не как общечеловеческую ценность, а как данность, само собой разумеющееся явление. Тема смерти утратила для вас свою актуальность, и вы перестали смотреть на жизнь как на дар, ниспосланный вам не для развлечения и праздности, а для самореализации и укрепления рода. У вас изменилось само понимание жизни: если для нас жизнь – это праздник, яркое мгновение, вдохновение, возможность оставить после себя след в истории цивилизации, то для вас жизнь стала рутинной, обыденным

явлением, повседневностью. По вашему, жить – это заставлять себя работать там, где больше платят, при этом заработанные деньги тут же тратить на вещи, развлечения и «отдых». Вы научились жить в долг, связывая свои внутренние потенциалы кредитами и долговыми расписками. Вы спешите не реализовать внутренние возможности своей психики, а обрести конкретные материальные ценности: дом, машину, возможность путешествовать, жить стильно и ярко. Ради этого вы уже до тридцати лет заковычиваете себя в финансовые обязательства, не понимая того, что все эти взятые в кредит вещи искажают и разрушают полноценность вашей самореализации. Что именно из-за этих надуманных ценностей вы вынуждены самореализовываться, исходя не из природной направленности вашего внутреннего мира, а из необходимости отрабатывать проценты и долги. Вы становитесь заложниками вещей, а ваша жизнь превращается в рутинную отработку долговых обязательств.

Но жизнь как вдохновение и жизнь как рутинная работа во имя сомнительных с точки зрения полезности вещей и развлечений – это два совершенно разных определения! Получается, что *старшие поколения по-прежнему ведут себя в жизни как гости, а вы относитесь к ней как хозяева – приходите, словно навсегда*. Но к жизни нельзя так относиться: чем вежливее и культурнее мы ведём себя в ней, тем больше возможностей она раскрывает перед нами, тем больше мы успеваем сделать и вкусить, познать и испытать, испробовать и реализовать. А те вещи, которыми мы пытаемся привязать себя к жизни – автомобили, яхты, апартаменты, брендовая одежда, драгоценности, – не вечны, поэтому совершенно не стоят того, чтобы мы разменивали на них годы своего присутствия в мире...

Настенька, устала я обнажать свои мысли. Не знаю, насколько у меня это получается, но я пытаюсь свою душу

вложить в строки и передать тебе не просто слова и идеи, а именно нарастающее беспокойство чувств, эмоциональную насыщенность жизненных ситуаций, выстраданный и горечью ошибок окропленный подтекст своих заключений и выводов. Всё, о чём я рассказываю тебе, внученька, для меня не просто слова, а мой жизненный опыт, построенный на реальных событиях, пропитанный моими переживаниями, сомнениями и чувствами. Всё сказанное тебе многократно переосмыслено и передумано, наполнено болью, бессонными ночами, душевными сомнениями и печалью.

Оказывается, действительно письма трудно писать, потому что приходится не только возрождать и заново переживать уже устоявшееся и отболевшее, а словно вырывать из своей груди уже прожитые эпизоды жизни, выставлять их на обозрение, а потом сжигать навсегда: безвозвратно, без права на восстановление. А ведь вместо них остаётся пустота, медленно заполняющаяся болью...

Письмо десятое

Здравствуй, Настенька, это снова я. Возможно, в предыдущем письме я слишком резко высказалась о тебе и твоём поколении, но, честно, не хочу извиняться, потому что всё, о чём написала – это моё личное мнение, которое сформировалось в результате длительных наблюдений за тобой и твоим окружением. Возможно, я не права, но меня никто не лишал права высказывать свою точку зрения, точно так же, как никто не лишал тебя и твоё поколение права выбирать: прислушиваться к ней или нет. Я ведь, милая, в течение всей своей жизни старалась говорить и делать только то, что думала, чувствовала и понимала, что соответствовало моему внутреннему миру. Именно по этой причине, добившись авторитета в Украине, имея материальный достаток и довольно высокий социальный статус, я, на удивление многих, в середине 1980-х оставила семью и выехала работать за границу, в Европу. И только здесь, во Франции, я снова вернула себе ощущение свободы, к которому привыкла с детства, которое воспитали во мне родители и социальная среда, и которого мне стало катастрофически не хватать в начале 1980-х годов в СССР. Возможно, это дико звучит, но именно Советский Союз, его система воспитания и образования во времена правления Никиты Хрущёва и в первые годы руководства страной Леонидом Брежневым, пробудили и закрепили во мне и в моём поколении чувство свободы, гордости за свою Родину, уверенность в её перспективах. И сейчас,

когда я слышу о тоталитаризме, беззаконии, ущемлении человеческих прав в СССР, я не понимаю, на какой доказательной базе эти выводы основываются? На себе я этого не ощутила, наоборот, во мне воспитали чрезмерно обострённое чувство независимости, свободомыслия и человеколюбия, и я всегда стремилась жить, руководствуясь, прежде всего, своей совестью.

Это с тобой, внученька, я изначально выбрала правильную тональность общения. Пока ты оставалась маленькой, я не просто тебя любила – ты являлась моей жизнью и вдохновением. Своим рождением ты удобрила мою судьбу и я, к тому времени давно преодолев сорокалетний рубеж, расцвела повторно, но пышнее и ярче. Я словно обрела второе дыхание, дополнительный смысл своего существования, и вдохновлённая, возрождённая и окрылённая, я стала жить тобою. С момента твоего рождения мне стало намного легче творить, вершить и созидать. Те тысячи километров расстояния, которые нас постоянно разделяли, для меня не стали помехой – я научилась жить с твоим образом: разговаривала с тобой, советовалась, воспитывала и образывала. Мы с тобой жили неразлучно: делили на двоих радости, печали и тревоги. Я привыкла общаться с твоим идеализированным и одухотворённым ликом, который создала из присланных фотографий, писем о тебе, впечатлений от редких и коротких встреч с тобою, общения, моих фантазий и воображений. Я тебе никогда не говорила, но сейчас признаюсь: с твоим образом мы часто гуляли парижскими улочками, и я показывала тебе настоящий Париж, который редко открывает своё сердце иностранцу, а тем более туристу. Очарование этого города заключается в том, что он бережно хранит в себе свою историю, дух многих поколений, судьбы миллионов людей, которые его строили, в нём рождались, боролись за него, связывали с ним свои судьбы. Это город-музей,

причём в лучшем и возвышенном смысле. Если сравнить его с Венецией, то Венеция отжила своё и умирает, поэтому в ней ты чувствуешь себя словно на похоронах, на которые съезжаются родственники и близкие друзья для того, чтобы увидеть в последний раз и попрощаться, причём навсегда. А Париж живой, бодрый и вдохновляющий. Несмотря на свою многовековую историю, он в самом расцвете сил, и поэтому в него постоянно хочется возвращаться, как в дом к гостеприимным и радушным друзьям, в кругу которых ты отдыхаешь душой и телом.

Настенька, признаюсь, мы часто катались с твоим образом по Сене, и я показывала тебе вечерний и ночной Париж. Мы любовались проплывающими пейзажами и домами, в которых за три и более столетия вершились судьбы не только французов и Франции, но всей Европы и даже мира. Мы проплывали под мостами через Сену и загадывали желания, потому что каждый мост – это отдельная история, связанная с людьми, политикой, развитием цивилизации. А какими романтичными нам казались влюблённые пары, которые находили уединение в изгибистых берегах Сены, и которые, завидев нас, прерывали поцелуи и приветливо махали нам руками.

Внученька, твой молчаливый, но зримо присутствующий образ я заполняла чувствами, эмоциями, своими знаниями. Я вобрала в тебя всё лучшее, что знала из русской и зарубежной литературы, из своего личного опыта, из своих переживаний и фантазий. Но самое страшное случилось тогда, когда я приезжала в Украину и видела тебя воочию. Живая и настоящая ты становилась для меня ещё ближе и роднее, и словно ослепляла меня и околдовывала. Я становилась сама не своя, и начинала играть в какую-то чужую, не мной придуманную игру. Твой надуманный образ, с которым я могла трезво разговаривать, наставлять и обучать, вмиг разбивался твоей истинной, не признающей

авторитетов, детской непосредственностью, искренностью и взбалмошностью, и я терялась и до неузнаваемости изменялась. Взгляд твоих круглых небесно-голубых глазёнок, неумолкаемый лепет, твоё бесцеремонное желание любой ценой завладеть моим вниманием, и самое главное, те моменты, когда ты взбиралась ко мне на колени и обнимала меня, прижималась ко мне своим крохотным, обжигающе горячим детским тельцем, производили на меня такое неизгладимое впечатление, что я сходила с ума. Я превращалась в совершенно другого человека, которым, честно, не хотела являться. Ты, словно гениальный режиссёр, заставляла меня играть роль доброй, покладистой и всепрощающей бабушки, отмечая мои робкие попытки что-то исправить, навязать тебе, в каких-то моментах поправить, проявить свой характер. Накладывая на меня волшебные заклинания, ты превращала меня – жёсткую и бескомпромиссную в жизни, в робкую и слабовольную женщину, которая потакала тебе во всех прихотях и не могла выдавить из себя категоричное «нет». Только для тебя я оставалась такой доступной и покорной, и только тебе я всегда говорила «Да».

И это оказалось неправильно.

Я знала об этом, чувствовала и постоянно корила себя за слабость. Оправдывая своё поведение, я отыскивала различные причины, придумывала смешные оправдания и заставляла себя в них верить. Внушенька, я не хотела, чтобы ты повторяла мою судьбу и совершала мои ошибки. Я думала, что оберегая тебя от реальной жизни, я обеспечу тебе счастливое будущее. Как мне хотелось, чтобы ты росла счастливой, ведь именно ты долгие годы делала меня такой!

Признаюсь и каюсь – я совершила грубую и непоправимую ошибку. На моих глазах придуманная мной сказка приобрела страшный конец. Ты стала наркоманкой и из-

за какого-то негодяя решила покончить жизнь самоубийством. Жизнь всё расставила на свои места: воспитав тебя на лучшем из того, что я знала в жизни, мы с твоими родителями лишили тебя возможности ценить саму жизнь. То, к чему многие люди стремятся долгие годы и добиваются упорным трудом, ты имела с рождения и не знала его истинную ценность. Скрыв от тебя боль и страдания, поражения и разочарования, мы лишили твою жизнь контрастов. А ведь только сравнивая различные состояния жизни, мы учимся ценить то, что уже достигнуто и открыто, то, чего добились и к чему пришли. Это – как закон, к сожалению, поздно мною осознанный.

Настенька, я и эту ночь не могла заснуть: много думала, вспоминала, анализировала. Внученька, я в таком возрасте, что смерть в любой момент может прийти за мной, и тогда я отосплюсь. А пока, Настенька, нам нужно с тобой учиться бороться, учиться тому, чему люди учатся с детства – ценить данное нам жизнью. Ещё не поздно, ещё ничего не потеряно. Внученька, я перейду к рассказу о своём втором двадцатилетии, чтобы показать, как закаляла меня жизнь, проверяла на прочность мои мечты и идеалы, как она меня гнула и ломала, но, иногда, возносила и воздавала за моё желание жить. Я покажу тебе, как я боролась с обстоятельствами, чужими навязываемыми правилами, как сама себя создавала, совершенствуя свой внутренний мир и своё мировосприятие. Я подведу тебя к главному – как я обрела откровение жизни, открыла своё предназначение, служению которому и посвятила оставшиеся годы. После понимания предназначения, осознания смысла жизни и цели присутствия в мире, меня уже никакая сила не могла сломать и поставить на колени. Полученное откровение помогло мне к сорока годам кардинально изменить свою жизнь, начать жить не так, как кто-то хотел и навязывал мне, а как требовалось мне для выполнения своего пред-

назначения и реализации прописанного в психике при зачатии и рождении.

Внученька, каждый новорожденный младенец появляется на свет не случайно. Человек, как представитель рода Гомо Сапиенс, отличается от всех остальных представителей жизни тем, что он является носителем *предназначения*. Если у животных каждое новое поколение обеспечивает сохранение и перманентное развитие генофонда жизни, то в человеческом обществе появление новорожденного знаменует рождение потенциального носителя *предназначения*. Это *предназначение* уже изначально заложено в только разворачивающуюся структуру психики ребёнка и поступательно развивается вместе с его организмом. Детство, отрочество, юность, зрелость – это основные этапы становления психики и, соответственно, реализации *предназначения* – той миссии, которая возложена на каждого человека при рождении. У каждого представителя рода своя миссия: у одних – созидать, у других – преобразовывать, у третьих – разрушать, а у четвёртых – сохранять стабильность. Предназначение вытекает из особенностей структуры и функций психики, которые, в свою очередь, строго следуют законам организации космоса и планеты Земля. Поэтому предназначение, заложенное в новорожденного – это следствие направленного воздействия определяющих сил косной и живой материи, это то, что прописано в нас космосом.

Это как рок, который нельзя изменить, как прописанная карма, которой каждый должен следовать. Именно поэтому очень важно своевременно обнаружить и раскрыть в себе это предназначение, потому что оно не просто предначертано и определено, оно структурно заложено в основу психики, функционально прописано в подсознании и поэтому, используя все реальные возможности чувственно-эмоциональной составляющей психики, бун-

тует, требует выхода и реализации. Запертое и сдерживаемое, оно разрушает психику изнутри, не даёт человеку покоя, прорывается в кошмарных снах и отвратительном настроении, неудовлетворённостью и депрессивностью перечёркивает каждый новый день жизни. Не открыв своего предназначения, человек лишает свою жизнь смысла, потому что присутствует в мире уже не как представитель разумной материи, а как любой другой биологический организм, питающийся и размножающийся в искусственно созданных условиях.

Чтобы облегчить проявление предназначения человек придумал системы образования. Да-да, внученька, созданные в мире государственные образовательные системы как раз и предназначены для своевременного обнаружения прорывающихся наружу предназначений, бережного их извлечения, обогащения и укрепления. Образовательные системы созданы для того, чтобы помочь предназначению максимально полно проявиться в повседневной жизни, реализоваться в сфере существования разума. Система образования – это специальный инструмент, предназначенный для наиболее благоприятного и эффективного проникновения *предназначения* формирующейся психики ребенка в уже устоявшуюся структуру общества – психпространство планеты. Это специально организованная радушная и гостеприимная встреча старшими поколениями своей смены, которая в идеале должна продолжать и ещё масштабней развёртывать уже реализуемые предназначения. Человеческое существование, если обозреть его содержание – это когда одни психики с раскрывшимися предназначениями, выполнив свою работу, покидают жизнь, а другие – полные сил и энергии – приходят на их место и продолжают творить во благо человеческого рода.

Внученька, чтобы ты понимала, человеческая жизнь, по большому счёту, – это когда ты вдруг открываешь в себе необходимость следовать внутреннему голосу, сверхъестественной и направляющей силе, которая заставляет тебя совершать поступки, необъяснимые с точки зрения окружающих. Ты начинаешь посвящать свою жизнь *вечному, масштабному, исходящему и уходящему в космос, преодолевающему границы нашей планеты*. Мода, материальные ценности, бытовые мелочи, повседневные радости неожиданно утрачивают свою ценность, и ты реализуешь свои внутренние потенциалы во имя достижения абстрактных общечеловеческих целей. Причём, часто ты понимаешь нереальность задуманных проектов и сумасшествие своих поступков, но ты уже не принадлежишь себе – *ты выполняешь свою миссию*, а это значит, что какая-то внутренняя сила заставляет тебя идти наперекор общественному мнению и выполнять поставленную задачу как можно полнее и качественнее. Ты открываешь своё *предназначение*, то, что заложено в твоё сердце и душу, и то, что делает тебя избранным. Ты начинаешь служить человечеству и его будущему, пренебрегая мирскими желаниями и потребностями. Мотивация твоих поступков и поставленные цели принципиально отличаются от мотивации и целей людей, не познавших откровения жизни. Последние работают, чтобы «достойно» существовать, понимая под «достойным существованием» исключительно материальные ценности, а люди, открывшие своё предназначение, *стремятся к внутренней гармонии, чтобы творить* во имя будущих поколений и развития цивилизации Земли. Самореализация в творчестве, в свободном и масштабном полёте мысли и души наполняет смыслом человеческую жизнь, превращает человека-как-биологический-организм в Человека Разумного. Только Человек Разумный реализует себя не в размножении, не

в продолжение рода, а в творческом созидании во благо будущего цивилизации. Человеческая жизнь – это когда ты остаёшься один на один с вечностью, и как Воин, один бьёшься за всех, не оборачиваясь, не рассчитывая на помощь и поддержку. *Ты один в поле воин!*

Но на самом деле, внученька, таких Воинов – людей с раскрывшимися предназначениями в психиках, – с каждым поколением становится всё больше и больше. Благодаря этому потенциал человеческой цивилизации становится мощнее, зычнее и нагляднее. Он зреет, аккумулируется и готовится выйти за планетарные масштабы – трансцендировать, преодолеть границы отдельного материального объекта и покорить космос. А космос – это вечность, это основоопределяющее содержание мира, которое мы только открываем для себя. Но именно для этого, внученька, мы и живём, чтобы, преодолевая границы неизвестного, с каждым поколением выходить на новые уровни совершенства: покорять ещё непокорённое, открывать ещё неизведанное, созидать ещё только планируемое. Всему этому нас учили в школах, университетах и трудовых коллективах. Жаль, что твоё предназначение твои учителя не смогли извлечь, укрепить и адаптировать к современной жизни. А без предназначения психика, словно птица без крыльев – беспомощна, слаба и изначально обречена на верную гибель...

Письмо одиннадцатое

Маленькая моя, час назад разговаривала с твоей мамой по телефону – у тебя всё без изменений, по-прежнему стабильно тяжело. Но будем продолжать бороться – *умереть всегда легче, чем продолжать жить.*

Внученька, своё второе двадцатилетие я встретила в Киеве в качестве студентки национального университета имени Тараса Шевченко. На тот момент он являлся ведущим учебным заведением Украины. Трудно описать переживания, растерянность и целую гамму других ярких впечатлений, которые я пережила, попав из провинциального городка в столицу Украины. Настенька, тебе этого не понять, потому что ты родилась в Киеве, и весь период твоего становления проходил в атмосфере столицы: образцовой школы, лучших учителей, театров, концертов и массовых развлечений. Но мне, воспитанной в провинциальной глубинке, переезд из Лозовой в Киев дался с большим трудом. После возвращения нашей семьи из Томска в Украину я двенадцать лет безвыездно прожила в Лозовой под плотной опекой родителей, братьев и близких родственников. Кроме дома на Авиловской стороне, который родители сразу купили по возвращению из Сибири, я больше нигде ни разу за всё это время не ночевала. Меня, как и братьев, родители воспитывали в строгих границах морали и нравственности, установленных в Советском Союзе: без спросу я никуда не могла пойти, домой я всегда возвращалась до наступления темноты; пока не сделаны

домашние задания – никаких гулянок; кроме этого, в мои обязанности входила еженедельная генеральная уборка в доме, присмотр за младшим братом и помощь маме по хозяйству.

Границы пятидесятитысячного города, удалённого от областных центров, я преодолевала только благодаря книгам, радио и рассказам отца, который работал водителем в автоколонне при железной дороге и часто ездил в командировки по стране. Эти источники информации в основном и связывали мой внутренний мир с жизнью Советского Союза.

У себя в Лозовой я привыкла к открытости людей, чистому воздуху, знакомым лицам, размеренности, тишине и спокойствию провинциальной жизни. Но чем старше я становилась, чем больше читала книг, тем меня сильнее тянуло к приключениям. Во мне настойчиво зрело желание преодолеть границы устоявшегося мировосприятия, вырваться за пределы своей семьи, Лозовой, Харьковской области и испытать себя в чём-то значимом и масштабном. Мне хотелось познать то новое и интересное, о чём писали в книгах и газетах, что я слышала из рассказов людей и что смутно представляла в своём воображении. Я много читала, причём разную литературу: классику, про войну, трудовые будни советского народа, приключения, детективы, фантастику, лирику. И такая разносторонняя тематика прочитанных книг существенно расширила горизонты моего мировосприятия и пробудила желание не просто проникнуть и познать иные сферы существования человека, но и попытаться самой реализоваться в них. Мои идеалы и кумиры, на которых я равнялась и с поступками которых соизмеряла своё поведение, сподвигли меня замахнуться на поступление в самый престижный университет Украины – Киевский университет имени Тараса Шевченко. Я не стала разминиваться на мелочи, не

просто захотела вырваться за границы привычной, прившейся до оскомины Лозовской жизни, а с первых своих самостоятельных шагов решила покорить самую трудную вершину, на которую меня настроили мои учителя. Даже в случае непоступления, успокаивала я себя, с пользой проведу время – познакомлюсь с жизнью столицы и её достопримечательностями.

Так, Настенька, я попала в Киев.

Внученька, стоило мне спрыгнуть с подножки прибывшего на перрон Киевского вокзала поезда, как я поняла, насколько трудно мне придётся достигнуть поставленной цели. Первое ощущение – Киев меня оглушил. Многоголосье, шум, рокот дневного ритма столицы напугали меня и практически до нуля сбили решительность и настрой. Я почувствовала себя безвольной лодкой в штормовом море и, растерявшись, испугавшись увиденного, покорно отдалась стремительному течению людей, которое тут же меня подхватило, увлекло, закружило и направило в совершенно другую сторону. Но я настолько оказалась подавлена разительным отличием образа жизни Киева и Лозовой, что совершенно позабыла о целях приезда. Увлекаемая и перетираемая толпой, я сконцентрировала своё внимание только на двух тяжелых чемоданах, с которыми я приехала покорять столицу. Я с ужасом представила, что может случиться, если вдруг в чемоданах оторвутся ручки, или, ещё хуже, у меня их вырвут и украдут воры. Мокрую от неподъёмной тяжести чемоданов и внутреннего, разъедающего мысли страха, со сбившейся причёской и почти спадающим с плеч платком, толпа вносила меня в новую жизнь. Со стороны могло показаться, что не Алла Тельная приехала покорять Киев, а Аллу Тельную принесло в столичную жизнь, чтобы повеселить киевлян и гостей столицы.

Первое представление я дала киевлянам в метро, в которое меня занесло утреннее течение людей. На самом деле до пункта назначения мне требовалось добираться совершенно другим транспортом, но об этом я вспомнила гораздо позже. А с первых шагов в Киеве меня интересовал не адрес общежития для абитуриентов, не достопримечательности столицы, а сохранность чемоданов; поэтому, признаюсь, вместо пятнадцати минут, необходимых на дорогу от вокзала до общежития, я затратила полдня, борясь со своими комплексами и предрассудками, и осваивая новые для себя виды общественного транспорта.

Началось всё с метро и спускающегося вниз эскалатора. Настенька, это смешно, но когда я увидела убегающую в глубину тоннеля ленту эскалатора, я настолько испугалась, что глыбой стала на пути толпы, которая, сначала возмущаясь, а потом хохоча, стала обтекать меня и исчезать в глубине. Страх парализовал мои ноги и тело, и я больше десяти минут стояла на пути движения людей, не решаясь ступить на шумящую ленту, пока один молодой озорник из прохожих с мягкой улыбкой не подхватил меня под руки и настойчиво, силой, не увлѣк за собою вниз. Внученька, я чуть не потеряла сознание от страха, потому что боялась упасть с неё или провалиться! В ужасе, вместе с чемоданами, я практически повисла в объятиях смельчака, который бы уже с радостью отделался от меня, но не мог. Привлекая всеобщее внимание, мы с ним не сошли, а практически вывалились с ленты эскалатора, едва не растянувшись на бетонном полу. Бедный малый ещё долго чертыхался и возмущался, не слушая мои извинения и оправдания. Но зато, какое удовольствие доставило это зрелище другим людям!

Помню, я ещё на протяжении нескольких месяцев прыгивала с последних ступенек эскалатора метрополитена, боясь оказаться затянутой и раздавленной его

лентой. Только со временем я приноровилась в самый последний момент поднимать носочки ног, чтобы эскалатор выносил меня на пяточок, как морские волны выносят на берег маленькие ракушки.

В метро я немного пришла в себя, успокоилась и взяла себя в руки. Я попыталась выяснить дорогу к нужному адресу, но с удивлением обнаружила, что в Киеве никто ничего не знает, все куда-то спешат, торопятся, что кроме меня в Киеве много проезжих или таких же, как и я, приехавших за удачей. Наконец-то молодой парень в милицейской форме сжалился надо мной, уделил внимание и подсказал, что мне никуда не нужно ехать, а стоит подняться назад наверх, сесть в третий троллейбус и проехать всего четыре остановки до указанного адреса. Так в первый день своего пребывания в столице я познакомилась не только с метро, но и с наземным транспортом столицы.

Помню, с каким трудом я вновь заставила себя ступить на ленту эскалатора и подняться назад, наверх, где толпа людей снова подхватила меня и вынесла к вокзалу. Не знаю почему, но я решила, что троллейбус – это то, что ездит по путям, поэтому, стесняясь переспросить у прохожих, я методом проб и ошибок нашла трамвайную остановку и терпеливо стала ожидать свой третий номер. Мне повезло в том, что третий номер трамвая не ходил к вокзалу, иначе бы я долго каталась по Киеву в поисках нужного адреса. После часа безрезультатного ожидания я, наконец, решила уточнить у вызывающей доверие старушки, как часто ходит третий номер. Бабушка оказалась сбита с толку моим вопросом, потому что, насколько она помнила, у третьего номера трамвая совершенно иной маршрут. Мило улыбаясь, я попыталась убедить её, что мне нужен не третий номер трамвая, а третий номер троллейбуса. От удивления милая женщина полностью растерялась и как-то неуверенно заметила, что впервые слышит о том,

что третий номер троллейбуса должен останавливаться на трамвайной остановке. Видимо, я выглядела слишком нормальной для столь ненормальных вопросов, потому что только подошедшие на остановку люди смогли мне растолковать, что остановка третьего троллейбуса находится на другой стороне улицы, а это трамвайная остановка, на которую троллейбусы не могут прибывать. Я, видимо, чуть не свела бабушку с ума, потому что, в отличие от других людей, она не смеялась над моим заблуждением, а хмуро смотрела мне вслед. Признаюсь, внученька, я ещё долго путала троллейбус и трамвай, пока случайно не услышала на остановке, как папа доходчиво объяснил своей маленькой дочери, что троллейбус – это автобус с рожками. Только после такого доходчивого сравнения я перестала часами ожидать нужный номер трамвая на троллейбусных остановках и наоборот.

Нас, абитуриентов, поселили в комнаты по четыре человека, и я оказалась в одной комнате с девушками из Львовской, Волынской и Одесской областей. Я впервые услышала природную украинскую речь и навсегда влюбилась в её мелодию. У себя на Слобожанщине мы изучали украинский язык и литературу, но говорили, в лучшем случае, на суржике. В основном наш край весь разговаривал на русском языке. Мои соседки смотрели на меня как на инопланетянку, потому что, как я по книгам изучала украинский язык, но никогда не использовала его в разговорной речи, так и они слышали русский язык от своих учителей, но за свои семнадцать-восемнадцать лет ни разу не встречали людей, которые говорили по-русски. Язык и манера разговора одесситки вообще являлись отдельной темой исследования – она говорила настолько смешно и непонятно, на свой манер переставляя ударения в словах, что без смеха её невозможно было слушать.

Мы быстро сдружились, и весь месяц, пока шли вступительные экзамены, практически не разлучались. Мы благодарили судьбу за то, что она свела нас вместе, потому что, несмотря на то, что мы приехали из разных регионов Украины, воспитывались в разных культурах и семейных традициях, имели совершенно разные характеры и взгляды на жизнь, нас объединяла общая цель – преодолеть сумасшедший конкурс и поступить в университет. И здесь отличие наших культур, традиций, методов обучения и воспитания пошло нам на пользу. Мы смогли передать друг другу лучшее из накопленного в школе и вне её, объединить разносторонность наших взглядов, поддержать друг друга, не позволить раскиснуть, расслабиться, усомниться в успехе. С утра до позднего вечера мы учили ответы на вопросы, рассматривали, что знали, и проникали в то, что упустили из школьной программы. В результате каждая из нас получила на экзаменах достойные оценки и оказалась зачислена на филологический факультет университета имени Тараса Шевченко. Из абитуриенток мы все вчетвером превратились в полноправных студенток.

Настенька, поступление в один из престижнейших университетов СССР явилось моей первой крупной победой в жизни! Я перезвонила домой и долго убеждала родителей, что я действительно не вернусь домой, потому что поступила в университет, а не потому, что боюсь или стыдно возвращаться. Как оказалось, в моё поступление мало кто верил, потому что я не училась в школе на «отлично» и не обладала яркими талантами. Я росла заурядной девушкой, только старательной, целеустремлённой и начитанной. Именно любовь к литературе, привитая мне в своё время учительницей Людмилой Васильевной, тома прочитанных книг, а также тот жизненный опыт и мудрость, которыми я смогла обогатиться из книг, позво-

лили мне попасть в ранг избранных – студенток одного из трёх престижнейших университетов Советского Союза.

Так, Настенька я стала киевлянкой, и как показало время, уже навсегда. Я ещё много раз попадала в смешные истории, мне часто приходилось краснеть за свою неловкость, неуклюжесть и провинциализм, но, в конце концов, я набралась столичных манер, привыкла к столичному ритму жизни и научилась воспринимать и быстро реагировать на увеличившийся поток информации. Киев – это не Лозовая. Хотя я это поняла сразу, но изменить себя и свои привычки мне удалось только со временем. Поначалу я сильно скучала по родителям, братьям, родным и близким, даже по городу и его спокойному образу жизни, но со временем привыкла к ритму столицы, и всё отлегло. На каникулы в Лозовую я сначала летела, как на крыльях, потом стала ездить по необходимости, а под конец вообще перестала приезжать, потому что потеряла родственную связь с этим городом. С годами Киев привязывал меня к себе, а Лозовая отпускала, забывалась. Родители и братья изредка приезжали ко мне в гости, я их развлекала, удивляла, водила по театрам и кино, а чем они могли удивить меня в Лозовой?

Настенька, со временем Киев стал моей второй Родиной.

Письмо двенадцатое

Внученька, во втором двадцатилетии я с отличием окончила филологический факультет национального университета имени Тараса Шевченко и меня оставили на факультете в аспирантуре, одновременно допустив к преподаванию. Мне выделили «малосемейку» в общежитии для аспирантов и я впервые в жизни стала жить в квартире со своей кухней и отдельным туалетом и ванной комнатой. В нашем доме в Лозовой туалет стоял на улице, а рядом располагался самодельный летний душ. Зимой мы с мамой купались в летней кухне в оцинкованном корыте, по очереди поливая друг друга из ковшика подогретой дождевой водой, а летом вся семья по очереди мылась под прохладным душем, в который предварительно братья ведрами натаскивали воду. Последние пять лет я прожила в студенческом общежитии, в котором туалет и душ находились в конце коридора, причём горячая вода давалась только по выходным дням. Поэтому «малосемейка» воспринималась мной как шикарные апартаменты, потому что в таких условиях я жила впервые за двадцать три года.

Настенька, я очередной раз хочу поблагодарить судьбу за то, что родилась в нужном месте и в нужное время. За свои семьдесят лет я многое повидала и пережила, в том числе развал некогда могущественного Советского Союза, экономическое и духовное падение своего народа, который сам себя сделал убогим и вновь подневольным.

Но я благодарна судьбе за то, что моё поколение не просто воспитывалось на идеалах коммунизма – оно на этих идеалах успело пожить. Вдохновлённые подвигом своего народа, выигравшего Великую Отечественную войну, после окончания учебных заведений мы выходили в самостоятельную жизнь и попадали в условия, в которых наша вдохновлённая и целеустремлённая психика могла полноценно реализовывать себя. Моя молодость пришлась на 1960-е годы, когда страх перед репрессиями государственных органов практически исчез, культ личности Сталина – свержен, многие из арестованных – реабилитированы, а Никита Хрущёв, как лидер коммунистической партии, указал ориентир нашего будущего – коммунистическое общество.

Настенька, ты даже не представляешь насколько важно, чтобы те идеалы, на которых воспитывался человек, та духовная основа, на которой формировалось его внутреннее «я», соответствовали повседневным реалиям. За свои пятьдесят лет преподавания в высших учебных заведениях я повидала многих людей, которые выходили из стен университета вдохновлёнными и целеустремлёнными, но, столкнувшись с безразличной или деструктивно организованной социальной средой, ломались и погибали как личности. Невостребованные и затёртые в конкурентной среде, они оказывались неспособными реализовать своё предназначение и постепенно превращались в человеко-массу, в людей, которые руководствуются минимумом элементарных потребностей: в еде, сне, общении, сексе. Представители человеко-массы потеряли *смысл* своей жизни, её возвышенность и одухотворённость, продолжая жить как биологический организм, послушно исполняющий естественные потребности в сне, еде и сексе, и чужие руководящие установки: подай, принеси, сходи сделай...

Внученька, со временем я обнаружила, что структура нашего общества строго иерархична, причём эта иерархия

лишь поверхностно связана с частной собственностью, материальным достатком, принадлежностью к родовым ветвям. Это всё внешняя атрибутика, которая не раскрывает истинных глубин существующей иерархии. На самом деле человеческое общество – это совокупность психик, *психпространство*. Именно совершенство психики, её направленность и целеустремленность, полнота реализации предназначения, устойчивость к стрессам и конкурентной борьбе определяет её истинное положение в иерархии общества.

На протяжении своей жизни я исследовала этот вопрос, проникала в особенности социальных коммуникаций и изучение структуры общества. Как оказалось, во главе социальной иерархии находятся сильные психики, психики-лидеры, которые следуют своему предназначению, направляя и регулируя деятельность многомиллионной армии более слабых психик. Психик-лидеров очень мало, меньше одного процента от общей массы населения. В силу сложности и постоянной конкуренции внутри системы они вынуждены в большей части служить организованной ими же системе, реализуя себя в управлении и организации массы. Они – на вершине иерархии, но, в силу сложности, ответственности и конкуренции, они вынуждены служить всей системе, развивая её, поддерживая сложившуюся структуру, функциональность, целостность, целенаправленность, историчность и коммуникативность внутрисистемных и межсистемных отношений.

Вторая по степени влияния прослойка общества (их не более 10 %) – это такие же сильные психики, которые в силу различных причин имеют чуть меньшую степень влияния на общество и ограниченнее возможности. Но именно эта группа психик постоянно держит в тонусе верхушку иерархии, не даёт ей расслабиться, свернуть с начертанного пути и одновременно интегрирует, направляет и обеспечивает функционирование всей системы. Каждая

из психик второй группы в любой момент готова возглавить иерархию общества и подчинить остальные психики выполнению своего предназначения в жизни. Но самое главное: именно эти 10 % психик творят историю общества, потому что, обладая внутренней силой и немалыми возможностями, они выступают в роли движущей силы, заставляющей общество эволюционировать, развёртываться, прогрессировать. Среди этих 10 % психик много творческих людей, талантливых, даже гениальных. Многие из них не стремятся к руководству системой, а видят своё предназначение в её обогащении, в начертании и объяснении *смысла* существования системы. Для системы очень важна *смыслообразующая* деятельность, которая раскрывает направленность, мотивы и содержание деятельности её элементов. Смыслообразующая деятельность консолидирует систему, направляет, обеспечивает связь между прошлым, настоящим и будущим. Потеря смысла существования психик в системе приводит к нарушению целостности системы, деструктивности, дезорганизации деятельности, разрыву коммуникативных связей, отказу от прошлого. Поэтому верхушка иерархии поддерживает смыслообразующее творчество психик, согласовывая свою активность с их проявлениями.

На самом низу иерархии, представляя собой практически девяностопроцентную массу населения, находятся психики человеко-массы, психики, которые вынуждены играть по чужим правилам, реализовывать и воплощать в жизнь чужие предназначения. Что характерно, милая, с каждым поколением, возможно в силу направленности эволюции человека, вторая группа психик становится больше за счёт уменьшения количества человеко-массы. Если посмотреть на историю общества в ретроспекции, то обнаружится очевидная закономерность: с каждым поколением процент психик, служащих своему предназначению становится больше. Я пришла к заключению, что

это закономерный процесс, связанный, прежде всего, с направленной эволюцией нейронных структур самой психики. От поколения к поколению психики рождаются более устойчивыми к стрессам, целенаправленными, организованными, ориентированными на реализацию заложенного в них предназначения. Кроме этого, совершенствуются методы формирования психик-лидеров, которые также увеличивают процент психик, выполняющих прописанное в них предназначение.

Настенька, а тебе и твоему поколению не повезло. Так получилось, что самые ответственные этапы в становлении твоей психики пришлось на годы распада Советского Союза, на период, когда к власти временно пришли случайные люди – представители человеко-массы. Такое случается в истории, когда управляющие иерархии уже не могут обеспечить смыслом деятельность общества, когда разрушается единство и целостность системы, когда психики-лидеры изживают себя, теряют в обществе авторитет, власть и силу. В социальной системе начинается хаос: психики-лидеры смещают друг друга, нарушаются иерархии, устойчивые и налаженные взаимоотношения. К власти приходят новые психики и пытаются создать систему на новых идеалах, ценностях, направленности деятельности. В такие времена смуты, пока психики-лидеры выясняют между собой отношения, к власти прорываются случайные люди, человека-массы, ценность которых заключается в умении подчиняться и быть послушными, слышать толпу и говорить нравящиеся ей слова. Это проходимцы, карлики, временно надевшие на себя царские доспехи. Они не в состоянии руководить массой, подчинять её своей воле, наполнить психическое пространство смыслом и задать ему направленность, поэтому они только на время становятся во главе толпы и также легко ею свергаются. Настенька, проблема твоего поколения как раз и заключается в том, что вашу здоровую и перспективную психи-

ку эти нелюди превратили в себе подобных – в психику человеко-массы.

Кто такой человек-массы?

Человек-массы – это опасная для здоровых психик категория людей: лощёные или неопрятные, умные или глупые, открытые или лицемеры, пьющие или ведущие трезвый образ жизни, целенаправленные или пассивные, волевые или слабые, – они составляют бóльшую часть любого общества, скрывая свою слабость в объединениях и различных общественных организациях. Внешне они мало чем отличаются от настоящих людей, но содержательно, на уровне психики – это жалкое подобие истинно человеческого начала. В них, Настенька, нет самого главного, что делает человека человеком – гармонии внутреннего «Я», уверенности в себе и потребности в служении своему предназначению. Человек-массы – это психика, которая не имеет цели и смысла для масштабной самореализации во имя блага общества и цивилизации; это отсутствие уважения к предшественникам и заботы о будущих поколениях, равнодушие к общечеловеческим ценностям, пренебрежение Честью и Долгом перед Родиной, народом и своей культурой, безразличие к качеству своего присутствия в жизни, масштабу и глубине своей деятельности. Человек-массы – это неустойчивое, противоречивое и конформистское внутреннее «я», отсутствие инициативы, боязнь взять на себя ответственность, выйти за рамки общепринятого и устоявшегося. Внешне, возможно, физически сильные, эти люди слабы внутри – слабы духом. В большинстве своём они трусы, подлизы, обманщики, лицемеры, корыстны и прагматичны. Поодиночке они ничего собой не представляют. Именно про таких говорят: один в поле не воин. В силу своей внутренней слабости и обезличенности они нуждаются в поддержке со стороны, поэтому общение и постоянная смена окружения является их внутренней необходимостью. Они ищут друг друга,

объединяются, скрепляются, образуют массу. А вот в массе они сильны: сплочены, безжалостны, бескомпромиссны. В массе они нацелены на результат: на потребление, удовлетворение и воплощение простейших насущных потребностей. Как клетки раковой опухоли они паразитируют на всём здоровом и сильном, живя сегодняшним днём, удовлетворяя насущные интересы и совершенно не интересуясь перспективой. Безудержно размножаясь, непрерывно удовлетворяясь и пресыщаясь, они разрушают общество изнутри, лишая его преемственности, масштабной смыслообразующей деятельности, стратегического планирования и прогрессивного развития.

Если в такую человеко-массу попадает сильная психика, не говоря уже о неустоявшихся психиках молодёжи, – выстоять, сохранить индивидуальность внутреннего мира, нацеленность на служение обществу и на реализацию прописанного предназначения у неё практически нет шансов. Она будет поставлена в жёсткие рамки и вынуждена следовать не своим внутренним побуждениям и природным задаткам, а навязываемым извне правилам существования. А, как я уже тебе говорила, психика, которая не находит возможности для самореализации, для воплощения внутренних потенциалов в природой предначертанной деятельности, начинает сама себя разрушать, самоуничтожаться, постепенно утрачивая связь с прошлым, свою самобытность, самостоятельность, направленность и активность, медленно превращаясь в психику-потребителя, послушного исполнителя чужой воли.

Именно поэтому человеко-масса страшна для истинного смыслообразующего начала – она направляет его на саморазрушение, мешает самоидентификации, лишает активности и свободы, направленности и смысла, подстраивает под себя и под выполнение чужих установок. Наша жизнь, внученька, – это битва за возможность обрести своё предназначение, вдохновиться предначертанным

и выполнить предписанное и заложенное в нас. *На самом деле, мало родиться на свет, нужно суметь в сложной конкурентной среде выстоять, занять свою нишу и реализовать прописанное предназначение.*

Я часто встречаю своих бывших выпускников, тех, кого я в разное время вдохновляла на жизнь, помогала обрести и воплотить предназначение. Помню, в каждом из них я видела личность, мне казалось, что в самостоятельную жизнь я выпускаю Воинов, которые будут бороться за своё предназначение, противостоять распространению влияния человеко-массы. Но, к сожалению, у многих из них я читала по глазам приговор своим надеждам и своему труду – в их глазах просматривалось безразличие и равнодушные, мелочность и стяжательство, страх перед новым и неизведанным. В их глазах не пробивался интерес к познанию, тяга к мудрости, склонность к смыслообразующей и социально значимой деятельности. В них не горел огонь души, подчёркивающий желание творить и созидать, не замечалась внутренняя гармония и самодостаточность, уверенность в своих силах и нацеленность на результат. *А ведь глаза – это зеркало души человека...*

Уже в те времена, внученька, только входя в самостоятельную жизнь, я старалась избегать общения со слабыми людьми. Я не могла притворяться и жалеть их, потому что, воспитанная на книгах о войне и на подвигах героев, понимала, что именно из-за таких сломленных и коленопреклоненных страдает моя Родина. Я сердцем чувствовала, что именно эти, безразличные к настоящему и будущему моей страны человеко-массы, возведённые волной случайности и обстоятельств на руководящие должности, продают налево и направо то, что называется национальными интересами, то, что с таким трудом завоёвывали и нарабатывали предыдущие поколения моего народа. Человек-массы живёт сиюминутными желаниями, довольствуется

простейшими потребностями и поддерживаемый не внутренними качествами и совестью, а властью, которую даёт ему должность, ломает судьбы других людей, уподобляя их себе. Слабые возвеличивают ещё более слабых, чтобы в их окружении чувствовать свою силу.

Внученька, я долгое время презирала сломленных людей, и знаешь почему? Потому что я, женщина, и в семьдесят лет продолжаю бороться за судьбу своей Родины; я, мать, не побоялась противопоставить себя загнивающей государственной системе Брежнева, до последних сил борясь за внутренний мир каждого своего ученика, а они, выйдя в самостоятельную жизнь и столкнувшись с равнодушием и безразличием, сломались, выбрали лёгкий путь, стали такими же серыми и никчемными. Они выбрали тактику соглашательства и потакания, лицемерия и подхалимства, незаметно для себя войдя в роль и уподобившись своему образу. Они сами заглушили в себе нацеленность на победу, вдохновлённость на борьбу, страстное желание достигнуть предначертанной цели. Они спивались, погружались в ворох бытовых проблем, умственно деградировали, суживали круг познавательных интересов, и я, как мать, как патриотка, не могла и не могу принять никаких объяснений. *Нет оправдания слабости. В природе слабые обречены на гибель, а в социальной среде, к сожалению, слабые люди, человеко-массы, умудряются руководить людьми сильными и достойными...*

Письмо тринадцатое

Настенька, мне и моему поколению повезло в том, что нас, выпускников школ, училищ, техникумов, а тем боле университетов, ждали в рабочих коллективах, мы были востребованы в обществе. Война вычистила слабых людей, отправив их туда, где им и следует находиться, и страной управляли прошедшие войну сильные, вдохновлённые на жизнь фронтовики. И мы, представители нового поколения, благодаря их поддержке вливались в коллективы, в которых нас ждали, доверяли и верили. Старшие поколения не боялись конкурировать с нами, потому что на тот момент в обществе преобладали люди уверенные в себе, самодостаточные, независимо от возраста одухотворенные, творящие и созидающие. Мы начинали воплощать свои мечты в благоприятной среде наставничества, взаимопомощи, взаимоуважения и взаимного вдохновения. Старшие по возрасту и по опыту люди брали над нами шефство, нас опекали, учили, подсказывали, нам помогали адаптироваться в самостоятельной жизни, определиться с выбором своего жизненного пути. Одновременно, на нас надеялись, в нас верили, и мы ощущали свою незаменимость и востребованность в обществе. Представь, Настенька, я, молодая преподавательница, принятая в прославленный коллектив ведущего в Украине университета, поощряемая более опытными педагогами, смело шла в аудитории и выполняла свою основную задачу – вдохновляла студентов на трудовые подвиги, пробуж-

дала в них желание творить и созидать. Стоя за трибуной в аудитории, среди вопрошающих и внимающих студенческих глаз, я интуитивно чувствовала, что моя задача как преподавателя заключается не только в том, чтобы обогащать их знаниями, а и в том, чтобы вдохновлять всех присутствующих на великие дела. Я не читала лекцию – я *проповедовала*, духом и проникновенностью русской литературы обогащая и укрепляя их внутренний мир, подготавливая и нацеливая их на борьбу во благо будущего нашего народа, внушая им уверенность в своих силах и в достижимости поставленных целей. Меня никто этому не учил, но я ещё в школьные годы на себе испытала разницу между теми преподавателями, которые делали ставку на знания и требовали от нас только знание предмета в границах школьной программы, и теми учителями от Бога, которые за счёт свободного владения материалом зажигали нас, в чём-то даже провоцировали, подталкивали на самостоятельное, более глубокое изучение и осмысление мира. И мне больше импонировал стиль последних, – я на себе ощутила его притягательность и пробуждающую силу. Поэтому, работая с аудиторией, я подбирала такие тексты из русской классической литературы, которые подчёркивали силу духа русского народа, его патриотизм, человеколюбие, возвышенность, независимость и свободумыслие.

И студенты понимали меня и поддерживали. Внимая и заучивая пламенные стихи Александра Пушкина, трибунную стихотворную дробь Александра Маяковского, революционный запал текстов Максима Горького, они, как выпускники военных училищ в годы войны, строем выходили на фронт самостоятельной жизни бороться за своё будущее и будущее наших детей. И я, как Женщина, как Родина-мать, вдохновляла их на борьбу против безразличия, меркантилизма, подлости и человеко-массы. Я

старалась воспитать их сильными и непобедимыми, ответственными и свободолюбивыми, активными и заинтересованными, мыслящими масштабно и на перспективу.

Но фронт самостоятельной жизни – это постоянные сражения, в которых случайность и везение занимают важное место. Кто-то из моих выпускников не выдерживал противостояния с внешним миром и погибал как личность, ломаясь на уровне внутреннего мира, угасая в желании преобразовывать и созидать, теряя запал внедрять новое и передовое. Они превращались в человеко-массу и теряли моё уважение. Но многие из моих студентов продолжали борьбу за светлое будущее моей Родины: поднимали экономику, с желанием творили, вершили и созидали, со страстью проникали в неизвестное и открывали для моего народа новые пространства самореализации. Я радовалась за каждого своего ученика, который побеждал в самостоятельной жизни, становился Воином-победителем и нёс в массы предначертанное ему судьбой. Я радовалась их светлым глазам, их обжигающему пламенному взгляду, их смелости и непоседливости, желанию познать и одарить, умению удивляться и признавать свои ошибки. Я по себе знала, как трудно противостоять безразличию и слабости, комфорту и конформизму, и поэтому всегда ценила внутреннюю силу своих учеников – силу русского духа и преданность славному роду.

Настенька, в один из дней, накануне своего двадцатитрёхлетия, после очередной пламенной и зажигающей лекции, меня вдруг осенило, что вдохновлять людей на борьбу – это и есть моё предназначение. Мне открылось, что смысл моей жизни заключается в том, чтобы готовить и выпускать в самостоятельную жизнь как можно большие потоки людей сильных духом, воинов, вдохновлённых и целеустремлённых настолько, насколько это необходимо, для противостояния с повседневными проблемами и не-

приятностями, безразличием и ленью, искушениями и слабостью. И это понимание своего места в жизни, своей миссии и предназначения настолько вдохновило меня и наполнило энергией, что я не жила – я ударной волной неслась по жизни.

Внученька, моё второе двадцатилетие оказалось заполнено многими яркими событиями. Я была легка на подъём, многое хотела успеть, увидеть, испытать, попробовать, поэтому жизнь во мне и вокруг меня бурлила, была ключом. Хочу сказать, что в годы Советской власти даже после окончания учебных заведений старшие поколения продолжали шефствовать над нами и по комсомольской или партийной линии помогали нашему становлению и закреплению в самостоятельной жизни. Например, как комсомольцы мы из одних трудовых коллективов переходили в другие и по комсомольской линии могли реализовывать себя в новых условиях. Лично я со студенческой комсомольской организации перешла в комсомольскую организацию университета и окунулась в ещё более насыщенную, богатую событиями жизнь, которая способствовала ещё большему расширению моего кругозора и обогащению моего жизненного опыта.

В СССР в 1960-е годы, если твоя жизненная позиция соответствовала направленности на самореализацию в масштабных государственных проектах, значит, это было твоё время. А я хотела творить, вдохновлять, масштабно преобразовывать окружающую жизнь, чтобы походить на тех героев войны, на подвигах которых формировалась основа моего мировоззрения. В моём втором двадцатилетии то, что заложили в меня родители, прочитанные книги, близкое окружение и система образования, начало проявляться и заявлять о себе. В круговороте жизни я чувствовала себя комфортно и счастливо: по комсомольской линии на полгода съездила в Казахстан, помогла товарищам

поднимать целину; организовывала и приняла участие в многочисленных праздничных концертах в подшефных колхозах Киевской области, и воочию убедилась в том, что мой народ может не только самозабвенно трудиться, но и от души отдыхать. Каждый мой день был расписан по часам: я преподавала, по-прежнему много читала и работала над диссертацией, вела литературный кружок, ходила на репетиции в театральную студию при университете. Я старалась успеть принять участие практически во всех научных и культурно-массовых мероприятиях университета: семинарах, круглых столах, конференциях, концертах. Я тянулась к сильным людям, и ко мне тянулись те, кто только хотел стать сильным. Я чувствовала, что во мне нуждаются, что я много отдаю, много вкладываю в людей, но взамен я брала то, что укрепляло и цементировало мое внутреннее «я» – их жизненный опыт.

Окончив университет в двадцать два года, я за последние два года преподавательской деятельности и активной комсомольской работы значительно расширила своё понимание жизни. Я начала понимать, что не всегда за красивыми словами стоят конкретные дела, потому что сталкивалась с красиво говорящими людьми, которые ничем примечательным, кроме словоблудия, не заявили о себе в жизни. Я с удивлением открыла для себя, что не всегда физическая сила человека соответствует силе его духа, потому что видела, как люди, сильные физически, попадая в сложные жизненные ситуации, паниковали и вели себя трусливо, а слабые и неприметные выходили из тени, брали ситуацию под контроль и проявляли удивительное мужество и героизм. Я убедилась в том, что очень часто внешняя красота и привлекательность человека граничит с внутренней убогостью и ограниченностью, а люди внешне непривлекательные оказывались духовно богатыми и щедро одарёнными талантами.

Возможность реализовывать себя в различных масштабных государственных проектах, в которых я встречала людей различных интересов и возрастов, позволила мне не только обогатить свой внутренний мир, но и глубже узнать себя. Я испытала себя во многих видах деятельности: на целине я научилась водить грузовую машину, работать на тракторе и помощником комбайнёра, руководила женской бригадой на элеваторе. В Киевских подшефных хозяйствах, во время праздничных концертов я пробовала петь, декламировать стихи, танцевать, играть на музыкальных инструментах, участвовать в театральных постановках, причём в драматических, лирических и комических сценах. Мне кажется, что не осталось такой культурно-массовой работы, в которой бы я не попробовала свои силы. И из всей этой разноплановой культурной и общественной деятельности, в которой я могла испытать себя и проявить, я вдруг обнаружила, что наибольший успех вызывают стихи русских классиков, которые я декламировала со сцены. Да и я сама, выходя на сцену перед многочисленной публикой, впадала в какой-то магический транс. Читая, например, письмо Татьяны Онегину из произведения Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин», я превращалась в Татьяну, которая писала эти раздирающие душу строки прямо здесь, на сцене, на глазах ошеломлённых и вдруг оторвавшихся от реальной жизни людей:

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

А когда я читала стихотворение «Письмо матери» Сергея Есенина, у всех в зале, как и у меня самой, в глазах стояли слёзы, а в душе пробуждалось что-то здоровое и светлое, вдохновляющее на жизнь:

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

*Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

Именно тогда я открыла силу русского слова, неиссякаемую пробуждающую энергию, которая запечатанной хранилась в русской литературе. И это открытие легло в основу моей дальнейшей жизнедеятельности, стало той точкой отсчёта, с которой и началась моя полноценная самостоятельная жизнь.

Казалось бы, внученька, что может сделать для развития жизни на Земле один человек? Разве возможно в одиночку изменить, или даже повлиять на течение жизни? В последнее время вас учили в школе, что «один в поле не воин», что побеждает коллектив, народ, масса. Я с этим, Настенька, категорически не согласна. Мой жизненный опыт убедил меня в обратном – историю творят единицы, конкретные люди, личности, а не масса. Для этого нужно только обрести своё предназначение, свою опору в жизни и оружие, с помощью которого ты будешь этот мир преобразовывать. И вот я, пользуясь возможностями советской системы образования, испробовав себя в различных ролях, нашла то, с помощью чего я могла воздействовать на людей, влиять на их внутренний мир, проникать в их психику и пробуждать её, открывать в ней новые источники энергии и помогать выходить за границы условностей и стереотипов. Это, Настенька, оказалась сила, заключённая в русской поэзии и литературе. Именно эта сила позволяла мне, миниатюрной, слабой женщине (метр шестьдесят

два ростом и пятьдесят два килограмма веса) выходить в залы, в которых сидело до шестисот взрослых, разных характеров и судеб людей и заставлять их плакать, смеяться и вдохновляться как целостному живому организму. Вооружённая силой русской поэзии и литературы, доставая из строк великих классических произведений энергетическую мощь предшествующих поколений, я обрушивала на зал такой поток энергии, что всё их внешнее различие срывалось и сметалось, а предо мной представала обнажённая, пульсирующая чувственно-эмоциональная плоть, которой я, как волшебница, могла манипулировать. Благодаря умению распечатать и извлечь энергию, заключённую в русской литературе, я превращалась из хрупкой женщины в воина, который влиял на судьбы людей и пробуждал в них силу духа, патриотизм, честь, долг и совесть. Я изменяла мир, донося до народа веру, надежду и любовь, которые метровыми волнами цунами обрушивались на зал, топили слабых и немощных, а вместо них возрождали к жизни сильных и достойных русских богатырей. Я разрушала в присутствующей человеко-массе страх перед жизнью и тлетворный дух униженности и оскорблённости. Вооружённая магической силой классических русских произведений, я становилась воином, который возрождал в слабых – дух победителей, в умирающих – вкус жизни и нацеленность на результат, а у коленопреклоненных – веру в себя и в свою значимость.

Настенька, я научилась пробуждать у людей гордость за принадлежность к тысячелетней истории Киевской Руси, нацеливать их на подвиг и великие свершения во благо древнего рода. Я возрождала в присутствующих вкус победы, жажду славы, желание обессмертить своё имя в великих делах. Я мастерски выковывала в них дух русских богатырей, защитников, воинов-победителей. Одновременно, словно мать Тереза, я лечила обиженных и обделённых, успокаивала возмущённых и гневающихся, под-

нимала споткнувшихся и уставших от жизни. Я укрепляла в них уважение к себе и к прошлому Великого родословия, возвращала им надежду и веру, усиливала их восприимчивость и чувственность.

Настенька, уже к двадцати четырём годам я обрела свою профессию, в которой мечтала достичь наивысших уровней совершенства – проникновение в магический мир классических русских произведений, в котором я развивалась и становилась как личность. Вдохновляясь этим миром реальных образов, событий и достижений, я чувствовала пробуждающееся во мне желание вдохновлять других. И ещё не до конца осознавая границы своего предназначения, я делала то, что у меня лучше всего получалось – я преподавала в студенческой аудитории, ездила в агитационных бригадах по регионам Советского Союза и не читала, а через русскую поэзию и литературу *доносила* до людей различных возрастов и национальностей глубокую веру в будущее своего народа и силу русского духа. Ты не поверишь, внученька, но я настолько любила свою Родину и свой народ, что каждое написанное произведение наших великих русских мастеров открывало передо мной своё междустрочное энергетическое богатство. Я впитывала его в себя, обогащалась и переполнялась им, а потом, как вулкан, просыпалась, извергалась энергией и страстью, обрушивая накопленную энергетическую мощь на людскую массу. Я росла настолько заряженной и вдохновлённой культурным богатством Киевской Руси, что мои лекции больше походили на представления, в которых я разыгрывала главную роль – глашатая истины и пробудителя совести.

Таким выдалось начало моего второго десятилетия.

Письмо четырнадцатое

Но за всей этой общественной деятельностью, за первыми проблесками понимания своего предназначения в жизни, во мне зрело и всё настойчивее заявляло о себе материнское начало, желание создать семью. Настенька, нас, девочек, в годы советской власти с пелёнок учили, что, в отличие от мужчин, женщина должна не только думать о себе и заниматься самореализацией в жизни, но и ещё выполнить две священные миссии: создать семью и воспроизвести на свет новое поколение разумной материи. Родителями, близким окружением и советской системой образования в формирующуюся психику девочек закладывалась установка о том, что жизнь прекрасна только в паре, что женская психика обретает гармонию только в союзе с психикой мужчины. Одновременно, в Советском Союзе в послевоенный период существовало два табу, которые основывались на масштабной научной аргументации. Первое табу – не приветствовались и всячески порицались ранние браки. Второе табу – резкое осуждение в обществе вызывало рождение внебрачных детей. Как сейчас помню, какой резонанс в нашей школе и во всей Лозовой вызвало рождение ребёнка старшеклассницей. Нас всех – от первого по десятый класс – собрали на линейке. Директор, а потом его заместители, один за другим произнесли пламенные осуждающие речи. Старшеклассницу заклеямили и опорочили, а на нас, школьников, нагнали такого страха, что лично у меня в дальнейшем не

возникало мыслей не то, что рожать детей вне семьи, но и заниматься половыми отношениями без штампа о регистрации брака в паспорте.

Внученька, моё поколение со школьной скамьи нацеливали на создание устойчивой семьи. Мы не знали, что такое секс, порнография, разврат, педофилия, лесбиянство, гомосексуализм. Тема половых отношений находилась за семью печатями: возможно, поэтому в Советском Союзе удалось излечить то, что процветало в обществе времен царской России – проституцию. О существовании этой злободневной проблемы в обществе я узнала только во Франции, когда мне исполнилось далеко за сорок. А в 1960-х в СССР как таблицу умножения мы знали, что семья является основной ячейкой общества, и что каждый из нас, граждан Советского Союза, должен создать благополучную семью для рождения и совместного воспитания детей. Все остальные формы половых связей наказывались законом и осуждались обществом.

Странно, как быстро за последние годы изменились взгляды на семью. Если наше поколение искало в противоположном поле гармонию духа и внутреннее совершенство, и лишь потом, в уже узаконенных отношениях открывая для себя чувственный мир плотских утех, то ваше поколение уже с подросткового периода начинает заниматься сексом, через близость тел подбирая себе партнёров по жизни. Но я до сих пор не могу понять, как можно подобрать спутника жизни через постель? Ведь отношения между мужчиной и женщиной закрепляет не плотское влечение, а гармония психик, внутренних миров. Я вышла замуж в двадцать четыре года, и твой дедушка был моим первым мужчиной. Ты не подумай, что мы вели монашеский образ жизни – меня постоянно окружали взрослые студенты-заочники, молодые преподаватели, мои знакомые, знакомые моих знакомых. Ты видела фотогра-

фии моей молодости – я была красива. Невысокого роста, женственна, с гордой осанкой, пропорционально сложенная, с выдающейся грудью, правильными чертами лица, роскошными светлыми волосами – я всегда обращала на себя внимание мужчин. Но проблема заключалась в том, что все эти мужчины не задевали меня.

Многие мне предлагали выйти замуж: ухаживали по нескольку лет, задаривали цветами и конфетами. Некоторые, выведенные из терпения моей неподатливостью, даже намекали на мой возраст – мол, опоздаю, состарюсь из-за своей переборчивости. Но вся эта суета поклонников вокруг меня только веселила и развлекала. Большинство из них выглядело представительно, с красивыми спортивными фигурами, широкоплечие, подтянутые, видные, холёные, востребованные у женского пола. Они знали себе цену и не понимали только одного – почему я не такая, как все, почему отказываю им и «не ведусь» на их внешнюю привлекательность. Но «с лица воды не пить», в своё время научила меня мама, поэтому на внешний вид мужчин я мало обращала внимания. Гораздо больше меня беспокоило не проходящее чувство равнодушия и скуки, которое я испытывала от общения с ними. Они не могли заинтересовать меня своими рассуждениями, постоянно говорили о пустяках и восхищались обыденным и мелочным, их поведение наперёд просчитывалось и прогнозировалось, а жизненная позиция казалась лишённой глубокого смысла и направленности. Я отчётливо понимала, что если уже на первых свиданиях общение с ними настолько буднично и прозаично, вызывает во мне зевоту и сонливость, то какково мне придётся в последующие годы? Жизнь прожить – не поле перейти, – о чём с ними разговаривать, чем занимать время и на какой основе выстраивать гармонию взаимоотношений?

Именно мировоззренческая ограниченность моих поклонников долгое время тормозила мой выбор, поэтому я их только самым бессовестным образом использовала: одни меня встречали с работы, другие провожали, третьи на выходные водили в кино, четвёртых я воспитывала, пятых – жалела, шестые помогали мне устраивать быт. Мужчины у меня оказывались под рукой на все случаи жизни, но дальше отведённых им мною ролей наши отношения не заходили. Возможно, они хотели от меня чего-то большего, но лично я их рассматривала только как антураж – необходимое для каждой красивой женщины окружение. Я с ними весело проводила своё свободное время: флиртовала, экспериментировала, познавала особенности мужской психики, и такое положение дел меня полностью устраивало. А чем больше они в меня влюблялись, бежали за мной и навязывали своё общение, тем быстрее переставали интересоваться, и тем скорее прекращались наши отношения.

Внученька, скажу тебе больше – чем старше я становилась, тем больше мужчин меня окружало. Но все они не впечатляли меня, – так, нравились отдельными поступками, какими-то рассуждениями, чертами характера. Но чтобы увлечь меня всю, чтобы от мужчины у меня захватило дыхание и закружилась голова – такого не было. Но я ждала, присматривалась и надеялась.

Ты спросишь, хотелось ли мне секса? Нет, внученька, в основе моего желания создания семьи лежали иные потребности – прежде всего, потребность в постоянном присутствии в моей жизни мужского начала. Я была внешне красива и сильна духом, но всё равно, мне недоставало чего-то важного и определяющего. Где-то ближе к двадцати четырём годам я поняла, что моя психика – это только одна половина природного целого, и во мне проснулось жгучее желание найти свою вторую половину, мужчину

своей мечты, который бы служил мне надёжной опорой, другом, советчиком, критиком моих поступков. Мне захотелось встретить своего принца, с которым бы я смогла зачать нового представителя общества, который бы не предал меня в трудную минуту и не оставил одну на произвол судьбы. Так получилось, что в тот период времени я прочла рассуждения великого русского мыслителя Ивана Александровича Ильина о семье, и во мне с невероятной силой пробудилось желание совершить ещё один крупный поступок в своей жизни – создать семью. Для меня это был как новый вызов, новая ступень в постоянном самосовершенствовании.

Если до этого времени события шли своим чередом, то после пробуждения желания создания семьи я стала проявлять настойчивость и активность в поиске. Я зачастила в публичные места: на танцы, в кружки художественной самодеятельности, клубы, на вечеринки. Настенька, ты не подумай, что я упростила критерии отбора своего мужчины, – я всего лишь расширила круг поиска. В это время меня всё чаще стали одолевать мысли о семье, о своей квартире, о ребёнке и особенностях его воспитания. Семья мне представлялась не просто как соединение мужского и женского начала с целью рождения нового представителя общества, а как *удвоение природного потенциала, усиление давления на жизнь*, обретение друга, спутника по жизни, и одновременно соратника по новым достижениям. Я почему-то решила, что в паре со своим любимым женщиной я стану ещё сильнее и активней, что в своём мужчине я обрету те черты характера и возможности, которые мне в силу моего пола не дала природа. И эта сложившаяся гармония мужского и женского начала нашей семьи выльется в ещё более громкие победы и достижения как в моей повседневной жизни, так и в самореализации моего супру-

га, обеспечит ещё более грандиозную реализацию *нашего* предназначения.

Ближе к двадцатипятилетию во мне проснулось и материнское начало – я отчётливо почувствовала в себе готовность стать матерью, подарить жизнь ещё одному воину, который продолжит моё дело и, возможно, принесёт человечеству ещё больше пользы, чем я. С пробуждением материнства моё восприятие жизни существенно поменялось: если до этого жизнь воспринималась мной как борьба за реализацию прописанных в психике предназначений, то теперь жизнь предстала в более тёплых и спокойных тонах: розовых, голубых, светло-зелёных. Во мне поутихла воинственность, убавилось агрессивности и напористости, снизилась ранее зашкаливающая категоричность. В душе проснулось желание любить – найти мужчину, которому бы я отдала богатство своего чувственно-эмоционального мира, которому бы посвящала стихи, открывала глубину переживаний и мыслей; мужчину, который бы прошёл со мной через всю жизнь, оберегая меня, любя и лелея. И если до этого момента любовная лирика русской поэзии вызывала во мне только сентиментальность, расслабленность и приятное внутреннее томление, то пробуждённое материнство перенастроило моё восприятие мира, и поэзия предстала как действие – целенаправленное желание создания полноценной семьи.

Настенька, я знала, что мои отношения с женщиной сложатся навсегда, до смерти, поэтому, выбирая своего мужчину, я смотрела в перспективу, на долгие годы вперед. Меня мало интересовал внешний вид женщины, вполне достаточным я считала развитие характерных мужских черт: подтянутость, выносливость, физическая сила. Для себя я установила следующие основные критерии *своего* мужчины: умный, честолюбивый, опрятный и целеустремлённый. Я представляла его вулканом, на-

поминающим меня, только ещё мощнее, содержательнее и нацеленнее на результат. Я видела в нём жожака, который знает – куда вести семью, который всегда защитит её и обеспечит достаток. И представь, внученька, в одной из агитационных поездов по Киевской области я встретила его – твоего дедушку.

Наше знакомство началось с конфликта: мы столкнулись плечом к плечу на репетиции, не уступив друг другу дорогу: он мчался на выход, углублённый в свои мысли, а я спешила по своим делам, не сильно обращая внимание на окружающих. Столкновение оказалось довольно неприятным: возмутилась я, и поначалу возмутился и он. Но когда, вернувшись из своих иллюзий в реальность, он рассмотрел меня и попытался извиниться, я не стала его слушать – фыркнув, пошла своей дорогой. Внученька, не прошло и часа, как он снова стал на моём пути – на этот раз улыбающийся, внимательный и собранный. Спросив разрешения, но, не дождавшись моего согласия, он подсел во время обеда ко мне за столик и умудрился полностью завладеть моим вниманием. Я не запомнила содержание нашего разговора, но отчетливо помню, что он быстро растопил стену отчуждённости между нами, и я с удивлением обнаружила, что мне с этим мужчиной весело и интересно.

Признаюсь, он сразу зацепил меня. Я думаю, что он понравился мне, прежде всего, своей непосредственностью и какой-то достойной мужской самоуверенностью. Он не старался произвести на меня впечатление – ему с головой хватало собственной харизмы, эрудиции и непринуждённости. Он не напрягался, не исполнял придуманную роль, он оставался самим собой – простоватый, но глубокий, умеющий рассмешить, но не шут, энергичный, но степенный и рассудительный. После обеда мы разошлись репе-

тировать свои номера, в предвкушении увидеть друг друга на концерте, в деле.

Этот день, внученька, и особенно вечерний концерт, стал точкой отсчёта наших отношений. Именно с того далёкого дня по сегодняшний вечер мы с твоим дедушкой вот уже сорок пять лет идём по жизни вместе. Ты, возможно, спросишь, а что примечательного я обнаружила в нём, почему сразу остановила на нём свой выбор? Знаешь, внученька, несмотря на свою внешнюю неказистость, рост в метр семьдесят пять, щуплость и простоватость – он оказался глубок, серьёзен и перспективен. Как и я, он декламировал со сцены стихи, причём свои, написанные в порывах вдохновения. Теперь, спустя годы, я понимаю, что до великих произведений русских классиков они не дотягивали, но на тот момент они меня поразили своим ритмом, внутренней энергией, глубиной содержания. Я из зала наблюдала за его выступлением. Читая свои стихотворения, Саша преобразился – возвеличился, превратился в гиганта, обрушившего на слушателей энергетический шквал своей поэзии. Его внутренний мир оказался настолько силён и направлен, настолько богат и красноречив, что внешняя заурядность ступевалась и отошла на второй план, а на первый план выступил образ мужчины-воина, русского богатыря: коренастого, жилистого, нацеленного на борьбу, уверенного в себе и в своей победе. Он выглядел настоящим бойцом, который с гранатой мог броситься под танк, первым подняться из окопа и ринуться в атаку, истекающим кровью проползти сотни километров по заснеженному лесу, но вернуться в расположение своих войск. От него веяло мужеством, силой, надёжностью. Все девчонки нашей агитационной бригады влюбились в него сразу после его выступления.

Но ведь я, внученька, была тоже не лыком шита. Я выступала сразу за ним, и произошло нечто невообразимое.

Я вышла на сцену и увидела, что зал ещё болеет им, что эмоции зрителей ещё пульсируют в такт парящих по воздуху слов его стихотворений, что его голос, его энергетика ещё владеет их сердцами и душами. И на мгновение я почувствовала себя лишней и ненужной, промелькнула мысль, что у меня не осталось шансов удивить аудиторию и завладеть её вниманием. Предыдущий оратор оказался настолько искусен и профессионален, что мне оставалось только отбыть свой номер и уйти, не мешая зрителю продолжать наслаждаться отголосками его стихии.

Но я не привыкла отступать. Я знала, что он наблюдает за мной из-за кулис, поэтому я вынуждена была показать ему своё мастерство и силу своего духа. *Не я избраница, а я избираю*, поэтому я должна была убедить его в том, что достойна своего мужчины. И если его стихотворения патриотизмом и накалом страстей поднимали зрителя на борьбу, зажигали на подвиги, то я впервые решила покорить зал поэзией о страсти женской души: *жаждой творить во имя любви, любить во имя пробуждения и расцвета, и жить во имя будущего детей, сжигая себя в вере, надежде и любви*. Я усилила мужское начало стихотворениями о беззаветной женской любви, подкрепила прямолинейную, жёсткую логику мужских рассуждений гибкостью и чувственностью женского разума, дополнила космический полёт мужской фантазии степенностью и взвешенностью женской мудрости – и зал взвыл от восхищения. Внученька, их души воспрянули и вырвались из тел, эмоции хлестнули через край и зал в едином безумном порыве вскочил на ноги и, бешено аплодируя, скандировал: «Бис!». Это был настоящий триумф, на ноте которого можно было завершать концерт. Это была победа, которую одержали два маленьких человека: мужчина – пробуждением мужества, героизма и долга, и женщина – вдохновляющая на веру в себя, на надежду в будущее и

на любовь к ближнему. Мы дополняли друг друга, и это дополнение настолько усиливало восприятие каждого из нас, что мы становились для всех единым целым, тем сакраментальным началом, которое природой заложено в основу человеческого существования, и которое на самом деле является его движущей силой.

Несомненный успех первого концерта, очевидное взаимодополнение и возникающая в результате нашего единения гармония, заставили обратить на нас внимание не только сторонних людей, но и мы сами почувствовали это магическое созвучие наших душ. Саша оказался учёным-физиком, уже кандидатом наук, работал в области космических исследований. Он жил космосом и во многом сам был не от мира сего. И, наверное, именно его космичность, оторванность от земных измерений, умение масштабно мыслить, оперировать вескими и глобальными категориями, как-то сразу поразили мое воображение. Мужчин с таким охватом мира, творящих на самом передовом рубеже научных исследований, я ещё не встречала.

В реальной жизни Саша оказался застенчивым, неопытным в бытовых вопросах, далёким от повседневных мелочей и ценностей, и кроме физики космоса и советской поэзии практически ничего не знал. Но всё это скорее играло ему на пользу, чем создавало минусы – он подходил на жителя из другой планеты. Его непрактичность и оторванность от земных дел, его духовная сила и, одновременно, слабость в житейских вопросах, его потрясающая эрудиция и прозрения в мироустройстве при незнании элементарных азов быта, делали его неповторимым и загадочным, интересным и сказочным, востребованным и желанным у девушек. Его хотелось ласкать и лелеять, оберегать и заботиться о нём, но взамен получать тот внеземной и уносящий в бесконечность полёт мысли, которого так не хватает практичному женскому уму.

Внученька, после того концерта мы две недели вместе с агитационной бригадой проколесили по Киевской области, но так ни разу и не решились остаться наедине. Для современной молодёжи это выглядит смешно, но он и я боялись остаться без свидетелей, потому что никто из нас двоих не знал, что в этом случае нужно делать и как себя вести. Единственно, мы больше узнали друг о друге: об увлечениях, вкусах, любимой литературе, целях в жизни. Всё новое о нём, открывшееся в ходе бесед, разговоров, коротких, но содержательных фраз, мне понравилось. Каждая новая деталь, раскрывающая его образ, характер, манеру поведения накладывалась на первое впечатление от его выступления, и я всё больше склонялась к пониманию того, что это мой тип мужчины, что это тот образ, который в принципе может дополнить мое «Я» и содержательно его обогатить. Я знала, что последнее слово останется за мной, потому что заметила, насколько глубокие я пробудила в нём чувства.

Была ли я влюблена в него? Скорее да, чем нет. Если принимать за влюблённость необходимость его присутствия рядом, какую-то внутреннюю взволнованность от его взглядов, запаха тела, случайных прикосновений, то это ощущение присутствовало во мне. Но для меня более важным оказалось приобретение другого чувства, которое я начала испытывать только после знакомства с ним – укрепившееся чувство уверенности в себе и своих силах. Он словно дополнил меня и выступил более мощным основанием, на котором я могла развернуться, смелее опереться и возложить гораздо больше нагрузки. Его уверенность в себе, рассудительность, взвешенность фраз, глубина и широта мыслей отрезвляюще подействовали на меня и дисциплинировали мой порывистый и ищущий приключений характер. Я вдруг обнаружила, что я стала более управляема и контролируема, покладиста и спокой-

на, а моё миропонимание углубилось и стало включать в себя космические масштабы. Благодаря ему я, Алла Тельная, превратилась из рядовой советской девушки в гражданку Вселенной.

Мои познавательные горизонты расширились и, самое главное, углубилось моё понимание Родины. Если до встречи с Сашей для меня Родиной являлся Советский Союз, Украина, Харьковская область, город Лозовая, то после его захватывающих рассказов об эволюции Вселенной и о законах Мироздания границы моей Родины расширились и стали начинаться с космоса и планеты Земля. Благодаря Саше я намного глубже проникла в сущность русской литературы, открыла для себя её космическую философию. Поэзия и проза русских классиков перестала восприниматься мной как достояние сугубо русского менталитета, а как весомый вклад в мировую культуру и историю цивилизации.

Саша открыл для меня мир космоса и его прямое влияние на процессы, происходящие в масштабах Земли. В увлекательных рассказах он раскрыл особенности воздействия космических явлений на человека и его психику. Я только с ним поняла содержание понятия мультиверсум, которое в своё время в университете мы проходили по философии. Тогда все мои попытки понять философию, раскрыть содержание её методов, функций, задач и целей так и остались безрезультатными, потому что большинство из нас оказались не готовы к восприятию информации такой глубины. Неправильно преподавать такую сложную и содержательную дисциплину на первом курсе университета. Многие из нас сдали философию, заучивая и совершенно не понимая её ключевые категории. Теперь же, с интересом вслушиваясь в неторопливую речь своего мужчины, я с волнением открывала для себя глубинную связь земных процессов с масштабной и совершенно не познанной

жизнью космоса. Я интуитивно начала воспринимать единение эволюции космоса, биологической жизни и человеческого общества. Саша называл это взаимодействием косной, живой и разумной материи. И мне было приятно осознавать, что я отношусь к разумной материи и являюсь составной частью космических процессов. Это воспринималось настолько увлекательно и захватывающе, что мир космических взаимодействий, который раскрывал передо мной Саша, удовлетворял меня больше, чем мысли о половой близости с ним.

Верю, что это звучит смешно, Настенька, но мы поцеловались с твоим дедушкой где-то спустя три месяца после знакомства в агитбригаде, и то, это произошло случайно. Встречаясь с Сашей, я заставляла его всё больше раскрывать для меня мир космоса и космических исследований, потому что, слушая его рассказы я глубже открывала для себя фундаментальность и основательность русской литературы, глубину и содержательность поднимаемых ею вопросов. И когда твой дедушка очередной раз пытался очаровать меня своими познаниями космоса, я вдруг открыла для себя, что именно русская классическая литература заложила основание космической философии. Меня словно озарило: глубина и содержательность проблем, которые поднимаются в русской литературе, являются ни чем иным, как философией космоса! И это открытие настолько меня поразило и вдохновило, что в порыве эмоций, совершенно бессознательно я поцеловала рассказчика. Это получилось настолько непроизвольно, невинно и естественно, что я сама не придавала бы этому поступку значения, если бы твой дедушка в ответном порыве совершенно не к месту и вне темы тут же не выдавил из себя три, как говорят, волшебных слова – «я люблю тебя». А потом ещё очень смешно и тихо добавил: «Выходи за меня замуж».

Для меня его признание оказалось таким неожиданным и так не к месту, что я сразу ему отказала, но увидев, как он сник и расстроился, поправились: «Дай мне ещё подумать, Саша».

В тот момент я плохо понимала, что творю, и что мне от него надо. Как прекрасно протекало время, пока мы оставались друзьями, но теперь всё вышло на иные тональности, приобрело иной смысл. И я, внученька, решила, что лучшего варианта, возможно, я не найду, поэтому, в конце концов, ещё через три месяца – 3 марта 1967 года, мы пошли и подали заявление на роспись, а под Пасху, в конце апреля, сыграли свадьбу.

Письмо пятнадцатое

Настенька, семейные отношения кардинально изменили мою жизнь. Мы сыграли свадьбу, на которой присутствовали Сашины и мои родители, друзья, коллеги, я переехала в Сашину квартирку, которую он получил от своего научно-исследовательского института, по-прежнему бегала читать лекции в университет, занималась творческими проектами, но ко всему этому у меня прибавился ворох бытовых и хозяйственных забот. Я сознательно отложила на потом свои возвышенные цели, потому что налаживание отношений с Сашей и создание семьи стало для меня приоритетной задачей. Несмотря на то, что мне приходилось обстирывать, кормить и убирать за двоих, я испытывала сумасшедшее удовлетворение от жизни, потому что обрела свою вторую половину, своё вдохновение и смысл новой, уже семейной жизни. Пока Саша целыми днями пропадал у себя в институте, воплощая в жизнь фантастические космические проекты, я, прибежав с работы, готовила кушать, прибирала в квартире, грела горячую воду, чтобы он мог сразу покупаться после работы. И только потом, выполнив кучу мелкой, но требующей времени работы по квартире, я, выглядывая в окно своего любимого, садилась и пыталась приготовить к своим лекциям. Голодная, уставшая, со своим ворохом нерешённых проблем, я всегда терпеливо дожидалась супруга и, как умела, старалась скрасить его «земную» жизнь.

К роли «хозяйки» и образцовой жены я относилась с такой же ответственностью и страстью, как ранее к пробуждению в своих студентах духа Воина, борца и защитника Родины. В семью я вкладывала даже больше сил и энергии, потому что считала, что создание семьи и рождение ребёнка для меня гораздо важнее и значимее, чем судьбы чужих людей, поэтому, не жалея сил, времени и энергии я служила во благо новообретённой цели. Для меня создание семьи являлось новым вызовом, новым этапом самореализации, поэтому я отдавалась этому до остатка: недосыпая, не жалея своего здоровья, удивляя окружающих своей энергией и трудолюбием.

Я ощущала грандиозную перестройку на уровне своего внутреннего мировосприятия. Я училась думать, планировать и строить своё поведение не только от себя: от «Я-хочу», «Я-могу», «Я-делаю», – но уже и от нас, всячески приспособившая своё «Я» под интересы и потребности мужа, под местоимение «мы». С одной стороны, это оказалось не настолько трудно, потому что советская система образования с первых самостоятельных шагов в жизни учила нас жить коллективно: в школах – жизнью класса, в университетах – жизнью студенческой группы, на работе – заботами коллег по бригаде. Поэтому я и моё поколение привыкли считаться с мнением окружающих людей, строить свою жизнь исходя из того, как «на это посмотрят другие», да и организация быта в Советском Союзе сложилась таким образом, что отношения между людьми проходили на поверхности, на всеобщем обозрении.

Но, с другой стороны, живя открыто и под всеобщим присмотром, каждый из нас умудрялся сохранять частичку своего внутреннего «Я» в тени, часто прикрывая истинную глубину своего внутреннего содержания второстепенным, поверхностным и нейтральным образом. Это можно было бы назвать лицемерием, если бы не одно «но» – мы

старались жить честно, при этом оставаясь ещё честнее внутри. То, что мы скрывали от глаз людских, от общестственности, как правило, не являлось порочным и не несло в себе негатив и агрессию. Его вообще можно было бы не скрывать, потому что то, что пряталось, в большинстве своём выставляло человека в гораздо лучшем свете. Но, видимо, природа нашей психики устроена таким образом, что мы не можем, а возможно и не должны находиться полностью открытыми перед другими людьми. Что-то должно оставаться в нас сугобо своё, личное, сокровенное, глубоко индивидуальное и обособляющее нас. Поэтому каждый из нас, советских граждан, живя открыто и доступно, тем не менее, в глубине души прятал, бережно выращивал и пестовал сакраментальное: своё истинное внутреннее «Я».

Этот спрятанный от посторонних глаз истинный образ нашего внутреннего «Я» рос ранимым и восприимчивым, как обнажённая плоть. Небрежное прикосновение к нему или даже лёгкое раздражение вызывало в нём бурный всплеск эмоций: негодование, обиды, агрессию, стресс. Незваное проникновение в него причиняло адскую боль в душе, панику, лютую тоску и нечеловеческие страдания. Но если к нему обращались с любовью, поливали елеем и удобряли милостью и сладостью, то он пробуждал такой голод к жизни, такой поток вдохновлённой энергии, что человек испытывал сумасшедшие порывы счастья, получал небывалое наслаждение и удовлетворение от жизни.

Так вот, сложность моих первых месяцев семейной жизни как раз и заключалась в том, чтобы тайное сделать явным: глубоко спрятанное, бережно лелеемое и с любовью взращиваемое истинное «Я» высветить и представить перед такой же непривыкшей к публичности, жизнеобразующей внутренней плотью моего Саши. Со стороны это сближение проходило незаметно и ровно, но для каждого

из нас эти шаги оказались болезненны и по-существу революционны: ведь мы открывали друг другу такие глубины своих психик, на которых хранились базовые установки наших внутренних «Я», вся та первичная, основоопределяющая информация, которая превращала наше присутствие в жизни в индивидуальное и неповторимое существование, которая возносила нас над уровнем человеко-массы и давала право относить себя к воинам, личностям, творящим историю своего народа. Мы обнажали друг перед другом смыслы своих жизней, глобальную и частные цели, мотивы поступков. Наша искренность и доверчивость в первые месяцы семейной жизни преодолели все природные запреты, и мы выставили на обозрение даже основы своего бессознательного: знаковые события младенчества, детства, подросткового периода, юности и молодости. Каждый из нас впервые сознательно допустил в святая святых – в коллекцию хранящихся образов и ярких воспоминаний из своего прошлого – чужого наблюдателя: своего спутника по жизни, человека, с которым каждый из нас планировал прожить оставшуюся сознательную жизнь, зачать, родить и воспитать нового представителя общества.

Внученька, я уже писала тебе об этом, но хочу ещё раз подчеркнуть – воссоединение женского и мужского начала в семью происходит не на уровне биологических функций организма, не на уровне тела и половых утех, а за счёт объединения психик в более сложную, многоуровневую организацию – психическое пространство семьи. Половая близость занимает минуты в совместной жизни мужчины и женщины, а все остальное время приходится на общение, на совместное и взаимодополняющее сосуществование внутренних миров мужа и жены. В пространстве семьи женская и мужская психики обнажаются до перво-зданности, до своих определяющих, наследственно под-

креплённых основ, чтобы потом объединиться и достичь в паре ещё большего совершенства и гармонии. Высвечивая друг перед другом свои истинные замыслы и цели, определяющие, уже не прикрытые установки на окружающий мир, людей и общество, женская и мужская психики словно сбрасывают с себя защитные доспехи и остаются друг перед другом в своём девственно-обнажённом, смыслообразующем состоянии. Допуская психику партнёра в свой внутренний мир, мужчина и женщина словно доверяют друг другу сердцевину своей жизни, вкладывают в руки своего избранника заветный ключ от потаённого ларца, в котором бережно сохраняется девственная нагота и кристальная чистота души. В едином порыве мужчина и женщина обнажают и выставляют на свет самые потаённые и сокрытые уголки своего подсознания, раскрывают истинные границы своего миропонимания, раскрывают творческие планы, как перед Богом исповедуются в грехах и ошибках, тем самым освобождая дорогу процессу воссоединения своих психик на самых глубоких и первичных уровнях – у основания, у корневища своего восхождения к жизни. *Настенька, глубочайшая и определяющая миссия семьи в обществе заключается в создании благоприятных условий для раскрытия и объединения женской и мужской психики, для зачатия единства этих двух структурно и функционально различающихся человеческих начал.*

Содержательная важность семьи заключается в том, что женская и мужская психики, представляя совершенно разные человеческие рода и различную наследственную информацию, на уровне первичных истоков и установок обнажаются и воссоединяются, превращаясь в новое, действенное и уже более значимое, мощное и совершенное «Я»-семьи. Переплетаясь корневищами, две психические организации со своей историей, накопленным родом жиз-

ненным опытом и информацией, при обоюдном согласии и осознаваемой значимости совершаемого поступка образуют более мощную ветвь жизни – семью. И уже семья, как на порядок сложная, но более устойчивая, активная и совершенная психическая организация, закладывает основу психического пространства человеческого общества. По отдельности ни женская, ни мужская психики не определяют вектор развития общества. В силу своей половинчатости и незаконченности, эти естественные материальные организации не в состоянии заложить взаимодополняющую и взаимоукрепляющую слаженность в развитие. Только семья как социальная организация, объединяющая на самых фундаментальных уровнях, у корневища, женскую и мужскую психику, представляющие ветви различных родов, аккумулирующая в себе энергетические потоки этих двух естественно-природных материальных организаций, в состоянии выступить движущей силой общества, подвинуть его на перманентное целенаправленное развёртывание в масштабах нашей планеты и за её пределами.

Внученька, наблюдая за тобой и твоим поколением, я с ужасом отмечала, что вы начали строить семьи исключительно на половом влечении, на рано пробуждённом желании удовлетворения похоти. В вас перестали срабатывать природные запреты, и вы, поддаваясь первичным рефлексам, обесценивая значимость своих тел, стали использовать их для беспорядочного, животного совокупления. Получая временное чувственное наслаждение, вы совершенно забыли о том, что на этой зыбкой условно-рефлекторной основе невозможно построить устойчивое основание семейных отношений. Семья и секс – это понятия несовместимые по своей значимости, потому что для создания крепкой семьи важно именно *объединение истории двух родов, созвучие предшествующего родового опыта, объединение накопленной информации во*

благо восхождения новой ветви в человеческих межличностных отношениях. Для семьи секс – это мимолётное наслаждение, а всё остальное принадлежит:

1) объединению родов у корневища и рождению-восхождению нового рода;

2) установлению гармонии между психиками мужа и жены, налаживанию их соответствия, созвучия и взаимодополняемости.

Настенька, вы не учитываете отличий в чувственно-эмоциональной природе женской и мужской психики: ведь мужчины совершенно иначе воспринимают половые отношения, чем женщины. Если мужчина, удовлетворившись от половой близости, быстро забывает о ней, то у женщины эта близость оставляет более глубокие переживания. Мужчина природой создан как осеменитель, для него секс – это возможность удовлетворить свою беспокойную плоть, при этом не важно с кем, а важно быстро и чаще. А природа женщины иная – более глубокая, трепетная и чувственная, требующая к себе внимания, определённых условий, усилий и времени. Только продолжительное общение с любимым человеком пробуждает в женщине глубину её чувственно-эмоциональных переживаний, и женщина раскрывается как половой партнёр. Только благодаря заботе и вниманию со стороны мужчины, объединению интересов и планов на жизнь, благодаря его стараниям, терпению и поиску, в женщине пробуждается истинно женские составляющие: чувственность, безоговорочная самоотдача, жертвенность, глубокая страсть, возбудимость. Поэтому во время продолжительной половой связи женщина начинает привыкать к своему половому партнёру, начинает видеть в нём своего избранника, строить на него планы, рассчитывать на детей, на создание полноценной семьи. Но печально то, что для мужчины эти отношения абсолютно ничего не значат – только удобный

секс, причём без ответственности, обязанностей и всяких перспектив.

Милая, половые отношения достались человеку от наших далёких предков – высших животных. В мире природы, у животных, половые отношения между самкой и самцом являются закономерным результатом важных эволюционных процессов: самосохранения вида и передачи качественного генотипа по наследству. К твоему сведению, из всей массы самцов не более десяти процентов получают возможность, скорее – «честь», оплодотворять самок и воспроизводить себе подобных. Остальные девяносто процентов «серой» мужской массы могут только наблюдать как сильные генные структуры, управляющие организмом, передают заложенные в них генные программы от поколения к поколению, сохраняя и обогащая генофонд биологической жизни. Поэтому, внученька, процесс совокупления даже в дикой природе избирателен и заключает в себе не просто репродукцию, а глубокое *жизнеутверждающее* начало.

Я наблюдаю за развитием общества уже больше трех двадцатилетий, поэтому могу смело утверждать, что снятие запрета с темы половых отношений не способствовало прогрессу нашей цивилизации. Доступность тела, раскрепощение нравов, разврат молодёжи на самых ранних этапах развития её психики привели общество к ослаблению семейных уз и скорому распаду семей. Но самое страшное в этих разводах – увеличившееся количество детей, воспитанных одним из родителей. Знаешь, в чём здесь большая беда? Оказывается, у детей, которых воспитал отец или мама, в основу внутреннего мира закладывается приоритет только одного начала – только одна природная составляющая, восходящая от рода по женской или мужской линии. Вторая заложенная при зачатии ветвь рода не получает своего развития и проявляется в искажённом и

атрофированном виде. Внутренний мир этих детей уже обречён на патологии, потому что лишён гармонии, полноты восприятия, богатства единой питательной среды, идущей от корневища двух родов. Психика ребёнка, воспитанного одним из родителей – это ствол дерева, питающийся только от одной половины корневища...

Как жаль, Настёнка, что ваше поколение пренебрегает этой очевидной истиной – *формирование внутреннего мира ребёнка основывается на полноценности питания от двух родовых стволов*. Никто не знает, чем это пренебрежение обернётся человечеству, и что ожидает общество, когда дети, воспитанные в неполных семьях начнут самостоятельную жизнь и их станет слишком много. Как в этом случае будет обеспечиваться единство человеческого рода?

Ребёнок – это цветок, который рождается из воссоединённого в семье мужского и женского корневища, *родословия*. Ведь *рождение* и *родословие* имеют один корень – род, который ещё в старославянском языке обозначал: кормить, растить, воспитывать. Рождение человека – это не только, да и не столько появление на свет биологического организма, это кропотливое формирование в восходящем представителе общества гармонии ума, души и тела, богатства и преемственности информации предшествующих родов, направленности сознательной деятельности. Это раскрытие и воплощение в жизнь прописанного в психике предназначения, реализация заложенных в результате единения родов внутренних творческих потенциалов, смысла и целей жизни.

Внученька, Род – это древнеславянский единый Бог, создатель всего живого и сущего. Именно Род, согласно древним славянским преданиям, начал создавать видимый мир. Всё, рождённое Родом, до сих пор несёт в себе его имя: *природа, родина, родители, родственники, ро-*

дословие. Запомни милая, в родословии человека важна не столько генетика, которая передаётся по наследству от родителей, сколько богатство и гармония психики, раскрывающаяся под воздействием психопространства семьи – внутренних «Я» родителей, дедушек, бабушек, близких родственников, друзей и членов их семей. Все представители двух родов призваны пробудить и извлечь из переданных по наследству генетических программ богатство своих родовых достижений, чтобы в формирующейся психике ребёнка в полной мере проявилась удвоенная сила пращуров, богатство родового наследия.

Письмо шестнадцатое

Настенька, открою тебе некоторые секреты семейных отношений. Развитие стабильных отношений в семье зависит от многих причин, но я бы выделила две: во-первых, многое в семье зависит от того, какую цель в этом объединении преследует каждый из партнёров, и, во-вторых, благополучие семьи зависит от умения партнёров настроить себя на сохранение и развитие семейных отношений, подчинить свои амбиции, характеры и проявляющиеся потенциалы своих родовых стволов интересам семьи. Милая моя, семейные отношения становятся праздником только в том случае, если мужская и женская психики настроены на это, видят в этом смысл своей жизни и, главное, постоянно работают над цементированием отношений, «притиркой» характеров, проявлением уважения и внимания, терпимости и уступчивости друг к другу.

Что касается первой причины – нацеленности на семью, – то нашему поколению, безусловно, повезло больше. Советская система образования уже с периода детства закладывала в мировосприятие моего поколения понимание очевидного и желаемого – жизнь прекрасна только в паре. Родителями, близкими родственниками, системой образования и социальной средой в каждого из нас закладывалась нацеленность на поиск своей пары: мужа, *супруга*. Настенька, у Александра Сергеевича Пушкина «супруг» – это сердечный и желанный друг, а у Владими-

ра Даля супруг и супруга – это сопряжённые браком люди, муж и жена, повенчанная чета.

Для моего поколения венцом взросления и возмужания становились законом скрепленные семейные отношения, в которых оба партнёра по обоюдному согласию пытались объединиться на уровне своих психик и образовать новое родовое корневище. В наше сознание закладывалось понимание того, что в конкурирующей социальной среде намного легче выстоять в паре, в устойчивых семейных отношениях, решая проблемы сообща, с учётом осмысливания информации женской и мужской психикой. Поэтому мы стремились не только к индивидуальной самореализации, но и к поиску достойного по амбициям, восприятию и целям в жизни супруга, чтобы уже вместе, сообща идти по жизни, покоряя новые вершины в творчестве и повседневной жизни. Мы стремились не просто найти свою вторую половину, а найти её навсегда, до последних дней, чтобы совместно вырастить детей и потом радоваться их благополучию, чтобы вместе нянчить внуков и наслаждаться их детской непосредственностью, чтобы в старости умереть не в одиночестве, а на руках у любимого, единственного и преданного спутника по жизни. Мы планировали семейные отношения на десятилетия вперед и поэтому гораздо легче переживали внутрисемейные конфликты, ссоры и обиды.

А ваше поколение, Настенька, в основу семейных отношений закладывает совершенно иные цели. Как откровенничали со мной твои подруги: одни из них были готовы выйти замуж из корысти, ради обеспеченного досуга и быта, другие – чтобы муж помог сделать карьеру или, как минимум, самореализоваться в жизни, третьи – потому что «предложили и казалось заманчиво», четвёртые – назло родителям, чтобы избавиться от их опеки и указаний. Я поражалась количеству, разношерстности и очевидной

мелочности называемых причин и их неубедительной, по детски наивной аргументации. Естественно, что семья, построенная на основе таких целей, не может иметь перспективы, потому что не учитывает главного и определяющего – совместимости психик, желания объединить родовое наследие в новую крепкую поросль древа жизни. Но в столь поверхностном понимании семейных отношений сложно винить вас одних, потому что формированием вашего мировосприятия занималась уже новая украинская система образования, далёкая от лучших советских и европейских стандартов.

По этой же причине вас так и не научили *настраиваться* на сохранение и развитие семейных отношений. А ведь нас этому обучали с детства, с первых проблесков сознательной деятельности. Я до сих пор помню, как папа учил меня правильно просыпаться, особенно в будничные дни, когда с самого раннего утра все спешили на работу и в школу. Милая, это целая наука, требующая усилий, навыков и желания. Оказывается, день должен начинаться не с открытия глаз, как люди обычно делают, а с приятной мысли. Папа учил, что прежде, чем открыть глаза, нужно припомнить что-то тёплое и примечательное, доброе и важное, что ожидается в наступающем дне, и лишь потом быстро открыть глаза, вскочить с постели и с улыбкой начать новый день. От того, как мы встречаем день и как на него настраиваемся, зависит наше настроение и восприятие текущих событий, наше отношение к людям и цветовая гамма ощущений.

Настенька, именно с таких мелочей мы обучались *настраиваться* на предстоящий день и встречать события, которые его заполняли. А когда мы повзрослели и дни нам стали приносить не только радости и достижения, но трудности, заботы и огорчения, в силу устоявшейся привычки мы по-прежнему вставали с постели с желанием жить,

преобразовывать, творить и побеждать. И даже если потом на протяжении дня нас преследовали сплошные заботы и хлопоты, неудачи и поражения, они всё равно не могли заглушить нашего привычного настроения – оптимизма и желания жить. Уставшие и неудовлетворённые, разбитые и опустошённые мы ложились в постель, закрывали глаза, засыпали, а просыпаясь, вновь обнаруживали, что жизнь улыбается нам, потому что в новом дне мы снова находили что-то важное и нужное для себя, что вдохновляло нас и с новыми силами заставляло творить и преобразовывать мир.

Эти секреты семейных отношений я знала ещё до замужества, поэтому, настроенная на любовь и счастье со своим единственным мужчиной, я жила на одном дыхании, творя для него, с лёгкостью жертвуя ему свое тело, чувства и лучшие годы *своей* жизни. Я воздавала своему мужу за то, что, просыпаясь, я чувствовала греющую теплоту его тела, вдыхала родной, возбуждающий аромат его волос, слышала его ровное дыхание, и мне уже не нужно было что-то придумывать и вспоминать – всё самое радостное и счастливое я могла ощутить рядом, даже не открывая своих глаз. Каждый день для меня превратился в праздник, потому что я встретила свою вторую половину, сознательно воссоединилась с нею и теперь не просто шла по жизни, реализуя свои замыслы и мечты, а я любила и была любимой, я верила и в меня тоже верили, я надеялась и мои надежды сбывались. Внушенька, я жила словно за двоих: вдохновлённая, окрылённая и как мало кто из смертных счастливая.

Я помню тысячи смешных историй, связанных с Сашей, расскажу тебе несколько. Твой дедушка, Настенька, оказался галантным и воспитанным, добрым и деликатным. Я обожала эти его качества, но сколько раз из-за них он попадал в смешные ситуации – например, оставался

на автобусных остановках в час пик. Это сейчас в столице, ожидая общественный транспорт, люди выстраиваются в очередь, а в 1960-е автобусы брали штурмом. Для того, чтобы попасть в автобус в час пик, нужно было обладать недюжинной силой, ловкостью, гибкостью и дерзостью. Твой дедушка в этом плане всегда оказывался на высоте, но в силу своей воспитанности, заняв самое козырное место у дверей автобуса, он всегда первым протиснет в автобус меня, потом остальных женщин, стариков, детей, и пока до него доходила очередь, водитель закрывал двери и автобус уезжал. Ты бы видела его выражение лица, когда он оставался на остановке вместе с мужчинами, которых он не пустил в автобус: растерянное, удивлённое, немного обиженное.

А как Саша гордился мной, когда в компаниях доходила очередь до танцев. Внученька, в школе я много лет ходила на танцевальный кружок, поэтому танцевала красиво и выразительно, впечатляя окружающих своей пластикой, женственностью и грацией. Я знала, что Саше нравилось моё тело, его манерность, гибкость и подвижность, поэтому танцевала только для него. А он в это время повернётся в мою сторону на стуле, расправит плечи, нос задерёт кверху и поглядывает по сторонам: «Мол, это моя жена! Смотри, как зажигает!». А сам танцевал, что медвежонок. Но это был мой медвежонок: послушный, преданный и любимый.

Мы часто собирались большими компаниями и устраивали вечеринки: с танцами, пением под аккордеон. Разгулявшись, наши мужчины любили побороться, выявить сильнейшего, победителя. И, несмотря на то, что мой Саша оказывался многих ниже ростом и выглядел пошуплее, он за счёт своей ловкости, подвижности и выносливости укладывал соперников на лопатки и почти всегда выигры-

вал единоборства. Сколько гордости и удовольствия это ему доставляло!

А помню, как однажды мы попали на Новогоднюю Ёлку, и Дедушка Мороз объявил детворе конкурс на лучший танец. Дети маленькие были, стесняются выйти в круг, жмутся к ногам родителей, так мой Саша упал на колени и пошёл в пляс по кругу, увлекая за собой детвору! Какой смех поднялся, визг, радость! Все дети, повторяя за ним, упали на колени и принялись выплясывать вокруг ёлки и Деда Мороза. Насмеялись до слёз.

Внученька, вот так все годы нашей совместной жизни и пролетели в любви, согласии и взаимопонимании. Оглядываясь назад, я с теплотой и умилением вспоминаю наши совместные победы и достижения, наши путешествия на Чёрное и Азовское моря, в горы Карпат, Крыма и Кавказа, наших друзей и совместные вылазки на природу. Изменила бы я что-либо из прошлого? Наверное, нет, милая, не изменила бы. Разные мы с Сашей проходили периоды, но больше в моей жизни преобладало счастья: любимый мужчина, здоровые дети, перспективная работа, благоприятные условия для самореализации. Многие завидовали мне и моей судьбе – Бог им судья, пусть завидуют. Счастье, внученька – это труд. Счастливыми становятся только те, кто трудится не покладая рук, кто не ждёт от судьбы подаяния и сам куёт своё счастье.

Письмо семнадцатое

Настенька, но за всем моим семейным благополучием крылись настоящие чёрные лебеди. Сейчас уже можно признаться в том, что по мере того, как мы с Сашей больше узнавали друг друга, проникали во внутренний мир наших психик, между нами возникали разногласия и конфликты. Одно дело – микроклимат наших отношений до свадьбы, когда я могла навязать темы для разговоров, покапризничать, удивить Сашу непостоянством своего поведения и настроения, и совершенно другое дело, когда наши отношения узаконились, и Саша тоже начал проявлять эгоизм своего «Я». Сближение внутренних «Я», Настенька, – это сложный и длительный процесс, требующий терпения, уважения друг к другу и внимания. Честно признаюсь, как раз этих качеств нам часто не хватало. Открыв друг другу глубины своих внутренних миров, обнажив своё самое сокровенное и заветное, мы не только лучше узнали друг друга, но и научились причинять друг другу невероятную боль и страдания. Поначалу это происходило случайно, по неосторожности, из-за непонимания важности, на первый взгляд, деталей и мелочей. Я уже говорила тебе, что многое из того, что мы скрывали в себе и оберегали от чужих глаз, на свету, при близком рассмотрении, в большинстве своём не представляло собой ценности. Но окружающие люди не понимали другого, более важного, – что даже если извлечённое из глубин подсознания откровение и оказывалось банальным и тривиаль-

ным, то бесценным и вызывающим уважение являлся сам порыв жертвенного откровения, обнажающей искренности и безграничного доверия к своему партнёру. На кону человеческих отношений особую ценность представляет не столько глубина и масштаб скрываемого «Я», сколько уровень доверия, открытости и высвечивания его глубин. Ведь на самом деле мы выставляем своё внутреннее «Я» не для самооценки и самолюбования, а как акт передачи другому сокровенного и заветного, бережно хранимого и бесценного.

И слишком часто, внученька, те, кому мы доверяем свои ценности, перед кем обнажаемся в порыве откровения, оказываются недостойными нашего внимания. Они попросту не подготовлены к восприятию искренности такой глубины и поэтому не в состоянии оценить и вдохновиться открывшейся перед ними красотой и великолепием внутреннего мира. И как больно потом признаваться себе в поспешности сделанного шага и осознавать непоправимость ошибки. Настенька, не знаю почему, но мне гораздо легче впустить в свой внутренний мир чужого человека, открыть перед ним кладёз накопленных духовных богатств, чем потом жить с пониманием того, что кто-то ещё кроме меня владеет моею душою, присутствует в глубинах моего внутреннего мира и в любой момент может высветить и высмеять мои потаённые образы и ценности.

Внученька, хочу признаться тебе, что, за внешним счастьем и благополучием в моей семье, я пережила с твоим дедушкой целый ряд болезненных и неприятных ссор, которые до сих пор кровавыми рубцами пронизывают память. Эти чёрные лебеди повлияли не только на ход развития наших отношений в семье, но и коренным образом изменили моё мировосприятие и выбор приоритетов в жизни. Мне кажется, что ценность моего опыта и те усилия, которые я предприняла для преодоления этих кон-

фликтов и сохранения семьи, пригодятся тебе и пойдут на пользу – лучше учиться на чужих ошибках и использовать чужой опыт, чем самой через эти испытания проходить.

Первая конфликтная ситуация, которую я хорошо запомнила, случилась через несколько месяцев после нашей свадьбы. Как всегда, конфликт возник из ничего, на голой почве и затрагивал организацию нашего быта. Саша очень любил поесть: отчасти это было связано с тем, что он довольно взрослым мальчиком пережил голодные годы войны и оккупацию, а отчасти – Шашиным активным образом жизни. Началось всё с вареников. Твой дедушка очень любил вареники с творогом. Каждую субботу он ни свет ни заря мчался на рынок за творогом и сметаной, лишь бы я налепила ему этих злополучных вареников. А ты представляешь, сколько это механического труда, сколько затраченного времени! Раньше мы с мамой лепили вареники только по большим праздникам, а тут, сразу после замужества, – чуть ли не каждый выходной. И если бы Саша помогал мне готовить, то этот труд не вызвал бы протеста, а так, снабдив меня всем необходимым, он убегал по своим делам, а мне одной приходилось до самого обеда лепить сотни одинаковых фигурок! Но самое невыносимое происходило за обедом, когда он возвращался довольный и голодный и начинал методично их улепётывать! Как он быстро их поглощал! Поначалу я сдерживала себя, наблюдая за тем, как мой труд, на который я затратила половину своего выходного дня, умирал в его желудке за считанные минуты, но однажды сорвалась и отказалась их лепить. Саша внешне спокойно перенёс мой бунт, но буквально на следующий день, вкусив мой пересоленный и действительно ужасный суп, едко заметил, что если словами я, возможно, и пробуждаю студенческую аудиторию на борьбу за правое дело, то таким супом я могу её быстро остудить. На первый взгляд ничего не значащая фраза,

но она как холодный душ обдала меня, заставила всю сжаться внутри и замереть. Ведь это он перефразировал мои откровения о смысле жизни, о том, каким я вижу своё предназначение. То возвышенное и ёмкое, что направляло и обогащало смыслом моё существование, что лежало в основе моих проектов на будущее, он самым циничным образом исковеркал, опошлил и высмеял!

Настенька, мне тяжело передать словами тот разрушительный пожар обиды, который вызвала во мне эта, на первый взгляд безобидная фраза – словно горящие угли обожги трепетную мякоть моего внутреннего мира и я скорчилась в адских муках, затрепетала в охватывающем пламени негодования. Я еле сдержалась, чтобы не застонать от пронзительной боли, от свалившегося и придавившего чувства беды, случившейся тотальной катастрофы. Но все рефлексy самосохранения ударили в набат, организм смог мобилизоваться, и я устояла, не поддавшись панике. Преодолевая внутренний хаос мыслей и смятение души, плохо отдавая отчёт своим действиям, я ответила тем же – ударом на удар. С трудом подбирая слова, но желая задеть его как можно больнее, я заметила, что если бы кто-то меньше думал о космосе, а больше занимался земными делами, как другие настоящие мужчины, то и суп можно было бы варить не из одной крупы, а на мясе и с картошкой...

Не знаю, какой бес меня попутал, но я тоже ударила его по самому больному – по амбициям, по желанию увековечить своё имя в науке. Безусловно, мы поругались: он замкнулся в себе, а я, уверенная в своей правоте, – в себе. Так из-за мелочи произошло наше первое серьёзное разногласие в семье. Обида не проходила весь день, ведь мы затронули неприкасаемые струны. Лично я в тот момент впервые засомневалась в правильности сделанного шага – стоило ли раскрывать свой внутренний мир человеку, ко-

того ещё плохо знала? А ведь следующий раз он может зацепить ещё больше...

Внученька, я впервые на себе познала, насколько больно бьют слова – они словно прожигают живую плоть, перекрывают доступ к кислороду, и ты задыхаешься, не в силах глотнуть спасительную свежесть воздуха. Не знаю, как Саша, но я не собиралась первой идти на примирение, и не из-за упрямства и принципов, а потому, что помнила – он первый перешагнул рубикон, первым покусился на запретное и сделал мне больно. И за что? За пересоленный суп? За вареники? За эту мелочь? А что от него ожидать при более серьезных разногласиях?

Знаешь, внученька, что нас примирило? Постель. Комнатка, в которой мы жили, была маленькой: кровать, стол, стул и комод – больше развернуться негде. Кроме кровати лечь некуда, поэтому, когда мы, не разговаривая почти целый день, вынужденно легли в общую постель, причина конфликта вдруг потеряла свою актуальность и значимость. Мы старались не прикасаться друг к другу, но из-за малых габаритов кровати это оказалось невозможным. Я ощущала тепло Сашиного тела, своим обострившимся обонянием вдыхала его запахи и вдруг призналась себе, что я тоже не права. И буквально за несколько минут мне открылось кошмарное будущее наших отношений. Я вдруг поняла, что если уже сейчас, в первые месяцы совместного времяпровождения мы не можем контролировать свои эмоции и поступки, то, что нас ожидает в дальнейшем? Нужно что-то решать, предпринимать, вырабатывать общие правила поведения.

Что такое обида? Это когда человек или замыкается в себе и живёт с чувством униженности и оскорблённости, навсегда лишая себя внутреннего спокойствия и равновесия, или же, не объясняя причины, начинает строить козни своему обидчику, который, возможно, даже не по-

нимает причин такой агрессии. Но разве мы создавали семейные отношения для того чтобы при первой же ссоре замкнуться в себе и не объясняя причин начать портить жизнь друг другу?

Я не выдержала и первой начала разговор:

– Саша, ты долго не будешь со мной разговаривать?

В ответ он только затаил дыхание.

– Саша, я не хочу оправдываться и тем более выяснять отношения, но мы прямо сейчас должны определиться с тобой: собираемся мы жить вместе или нет? Если нет, то давай расстанемся и не будем ломать друг другу судьбы. Но если мы собираемся жить вместе, то нужно объясниться и выработать определённые правила поведения, которые должны беспрекословно выполняться каждым из нас.

Настенька, после этих слов твой дедушка повернулся, сел рядом со мной и согласился:

– Давай.

Мне это понравилось, потому что его готовность пойти на компромисс и найти взаимопонимание между нами указывала на желание сохранить и укрепить наши семейные узы. В моём понимании семейные отношения – это когда женская и мужская психики пытаются найти общие точки согласия для воссоединения и дальнейшего сосуществования.

– Я предлагаю установить границы, которые никто из нас ни словами, ни поступками никогда не должен переступать.

– Согласен.

– Саша, никогда не высмеивай и не искажай мои мысли, являющиеся для меня святыми и определяющими. Они могут тебе не нравиться, но я выросла на них и хочу воплощать в жизнь. Мне тоже некоторые твои взгляды на жизнь не по душе, но я принимаю их, мирюсь с ними, потому что это твоё, а значит и моё тоже.

– Извини, Аллочка, я исправлюсь. Такое больше не повторится.

– Ещё мне не нравится, что ты сгрузил на меня ведение домашнего хозяйства. Я не для того выходила замуж, чтобы закопаться в бытовых проблемах. Я знаю, что многие женщины так делают, но я хочу реализоваться в творчестве, я вижу своё предназначение в воспитании и просвещении людей, а не в быту и на кухне. Поэтому я предлагаю разделить ведение нашего хозяйства по справедливости: я готова стирать и готовить кушать, при этом обещаю исправиться и не варить таких отвратительных супов, а ты, если не возражаешь, возьми на себя уборку в квартире и покупку продуктов.

– Я согласен.

После этого твой дедушка высказал свои претензии, с которыми я по большей части согласилась, и знаешь, Настёнка, наша семейная жизнь вновь вошла в колею и потекла в более спокойном русле, радуя нас и вдохновляя.

Сейчас, задумываясь над нашими первыми шагами в построении семейных отношений и обретении внутри-семейной гармонии, я прихожу к пониманию того, что всё это стало возможным только по одной причине – мы нуждались друг в друге на более глубоких и определяющих уровнях. Наше сближение и совместное времяпровождение не всегда проходило гладко, но мы выносили на семейный совет возникающие проблемы и трения, и решали их, основываясь на искреннем и бескорыстном восхищении друг другом, на взаимоуважении и понимании плодотворности нашего союза. Довольно скоро мы обнаружили разницу в наших взглядах на жизнь, выявили несовместимость поведения и мотивацию поступков. Наши суждения и оценки людей и событий при более глубоком рассмотрении оказались диаметрально противоположными, но именно эта разница позволяла нам на уровне семьи

формировать целостность и единство мировосприятия, усиливать потенциальные возможности друг друга. Эта взаимодополняемость и осознание своей значимости в судьбе другого с каждым месяцем укрепляли и развивали наши отношения, образовывали такую сплочённость и силу, которая позволяла нам добиваться гораздо больших успехов, чем, если бы мы реализовывались по отдельности. Саша, при близком рассмотрении, оказался хватким и прагматичным, и именно благодаря его умению замечать и воплощать в жизнь мелочи, я смогла быстро и успешно защитить кандидатскую диссертацию, написать ряд работ, сделавших мне имя в научной среде, стать заведующей кафедрой и относительно легко выехать преподавать за границу. Внученька, я очередной раз хочу подчеркнуть, что, несмотря на серьёзные последствия наших конфликтов, мой успех – это заслуга твоего дедушки. Именно благодаря его настойчивости, прагматизму и педантизму, мы сумели организовать довольно комфортную жизнь в Украине, помочь сделать друг другу карьеру, завоевать авторитет и уважение в обществе. Во всех моих достижениях твой дедушка принимал самое активное участие.

Настенька, ещё одна важная деталь – хорошо, что мне хватило ума с первых шагов нашей семейной жизни признавать заслуги Саши в организации своей судьбы. Запомни, милая, очень важно ценить то, что у тебя уже есть, те мелочи, которые образуют твою повседневную жизнь. Очень важно научиться их замечать и принимать, подчёркивать и благодарить. Я уже писала про китайскую студентку, которая своим отношением к жизни накануне смерти изменила поведение всей своей группы – она научила их замечать и ценить эпизоды, из которых и формируется сериал нашей жизни. Я благодарна русской литературе: Фёдору Достоевскому, Антону Чехову, Льву Толстому, Александру Kupрину, Ивану Бунину и многим другим русским

классикам за то, что именно они научили меня замечать фрагменты, из которых складывалась моя судьба. Если бы не они, то моя вдохновлённость, мой творческий полёт и желание словом зажигать людские души, объединять их, раскрывать и направлять на службу Родине, так и остались бы мечтою. Я всегда оставалась слишком воздушной, порывистой и взнезмой, чтобы достойно противостоять бытовым неурядицам. Как бы сложилась моя судьба, если бы не Саша? Не знаю.

Поэтому, маленькая моя, я хочу, чтобы ты научилась соизмерять ценность от близости с любимым человеком по его вкладу в твою жизнь и в твою самореализацию. Не важно, каких уровней достигнет твой муж или близкий тебе человек; важно, насколько его достижения помогли твоей самореализации. *Твоё общение с мужем должно быть выгодно тебе.* Кто-то захочет упрекнуть меня за неуместность слова «выгода» и пристыдить меркантильным отношением к близкому человеку. Но в данном случае это неуместно и не совсем корректно. Возможно, кто-то привык делать карьеру и обогащаться знанием и опытом за счёт близкого человека, например, держа свою жену в роли прислуги: убирать, постирать, приготовить, ублажить, присмотреть за детьми, выгулять собаку. *Но я – Женщина и мама – с такой ролью супруги в семье не соглашаюсь.* Проведя долгие годы в Европе и Китае, имея возможность по многу раз переосмыслить отношения, сложившиеся в моей семье и в семьях знакомых мне людей, хочу сказать тебе, что слово «выгода» теряет свой негатив, если ты не только что-то берёшь от своего супруга и используешь для себя и самореализации, но и возвращаешь, отдаёшь ему за помощь чем-то своим, пусть для него незначительным, мелким, но для тебя важным и максимальным. Если и ты делаешь все возможное, чтобы твоему супругу оказалось «выгодно» находиться рядом с тобой, выкладываешься по

максимуму, не жалея ни сил, ни своего здоровья, то в этом случае вы оба восходите к совершенству. Это вершина семейных отношений, в этом заключена истинная гармония между психиками мужа и жены. В этом случае нельзя упрекнуть кого-то в паразитизме и неискренности, потому что кто-то может дать больше, кто-то меньше, но главное, чтобы всё это ценилось, принималось и постоянно воздавалось, шло во благо укрепления семьи и во имя развития семейных отношений.

Безусловно, когда один из членов семьи выкладывает на благо семьи, а другой паразитирует и довольствуется готовым – это уже не семья, это нечестное и корыстное использование возможностей одного из супругов. В семейных отношениях обязательно должна присутствовать обратная связь: дающий обязательно должен понимать свою ценность и необходимость для берущего. Пусть это проявляется в мелочах и элементарном: – благодарности, поцелуе, ласке, – но это важно для понимания своей незаменимости, это поощряет к ещё большей самоотдаче и желанию выкладываться во имя близкого и любимого человека. Во всяком случае, твой дедушка именно так старался ради меня, а я, в свою очередь, творила и вдохновляла его на более серьёзные поступки во имя будущего нашей семьи. В этом и заключалась наша семейная гармония, в этом единстве мы обретали силу и относительно безболезненно преодолевали неудачи.

Настенька, испытывала ли ты такое взаимное согласие и вдохновение в отношениях со своим партнёром, из-за которого решила покончить жизнь самоубийством? Что он сделал для тебя такого, что ты на чашу весов возложила его отношения к тебе и свою жизнь? Возможно, я причиню тебе боль, но я заплатила деньги за информацию, и мне раскрыли его истинный портрет – в нём нет ничего примечательного и достойного. Он – заурядный наркоман

с плохой наследственностью. Выходит, проблема не в нём и не в ценности ваших отношений, а в тебе и в оценке значимости своей жизни – ты слишком её дёшево оценила, если променяла на очевидную бесперспективность ваших отношений.

Ну, а как же мы? Неужели никто из нас, твоих родных и близких, не смог поднять значимость твоего присутствия в жизни? Внушенька, как ты можешь лишать себя того, что, по большому счёту тебе одной не принадлежит? Ведь это *мы* – твоя семья – даровали тебе жизнь и благословили на неё... Это нечестно, милая, несправедливо, и поэтому обидно.

Письмо восемнадцатое

Внученька, продолжу рассказ о чёрных лебедях в моей жизни, ведь они только начинали слетаться. Судьба людей испытывает по-разному: одних – в первом двадцатилетии, других – во втором или третьем. Каждому человеку припасена своя порция чёрных лебедей – только распределена она неравномерно. И чем выше жизненный полёт человека, чем круче он взбирается на вершину успеха, тем сильнее стрессы и болезненнее неприятности, потому что есть, что терять и чего лишаться.

Сейчас, оглядываясь назад, я благодарю судьбу за то, что она, с одной стороны, не жалела меня, постоянно вовлекая в сложные круговороты взаимоотношений, которые требовали напряжения, усилий, поиска нестандартных решений, а, с другой стороны, оберегала и хранила в минуты безысходности и отчаянья, подталкивая ко мне спасательный круг в виде облегчения, душевного спокойствия и умиротворения. Именно благодаря пройденным мною испытаниям, стрессам и неприятностям, я почувствовала свою значимость, обрела понимание своего места в жизни и открыла своё предназначение. Сейчас, в семьдесят лет, я твёрдо знаю, что моя жизнь прожита не напрасно – я практически полностью исчерпала заложенные в меня творческие потенциалы и с чувством выполненного долга могу уходить, освобождая место молодым психикам, только входящим в самостоятельную жизнь. Внученька, я сейчас уже просто доживаю отведённое мне

время и созерцаю, подводя итоги и наблюдая за плодами своей деятельности...

Настенька, в одном из своих писем я уже писала, что, вкладывая в тебя свою любовь и ставшие доступными для нашей семьи значительные материальные средства, мы упустили важную составляющую твоего воспитания – мы не научили тебя ценить жизнь и вдохновляться теми «второстепенными» эпизодами, из которых она состоит. Мы обеспечили тебя всем, чего ты желала и только могла пожелать, но оказалось, что переизбыток воплощённых желаний – это тупиковая ветвь в воспитательном процессе. Излишества привели к тому, что у тебя притупилось восприятие радостей жизни, исчезли цели, снизились познавательные потребности, потерялся смысл присутствия в жизни, и ты стала просто праздно существовать, ожидая от нас новых подарков и развлечений. То, что других людей стимулировало, делало счастливыми и вдохновляло на жизнь, в тебе вызывало скуку и оскомины, потому что всё это тебе доставалось без всяких усилий, по одному капризу или желанию. Мы не научили тебя ставить и достигать цели, вдохновляться творчеством, наслаждаться результатами своей деятельности, замечать смыслообразующие фрагменты бытия, и ты полностью потеряла интерес к жизни, стала ленива, разбалована и капризна.

А в моей жизни всё происходило по-другому: я самостоятельно преодолевала жёсткую конкуренцию и боролась за место под солнцем. Я искала и устанавливала прочные связи с людьми, с которыми мне было приятно и полезно общаться, я покупала вещи, которые меня радовали и умиляли, открывала новые пространства для творческой самореализации, искала, пробовала, творила. В борьбе за самоопределение я проходила через многие испытания, которые формировали во мне рассудительность, терпение, мудрость и дальновидность. Бывали периоды, когда

последовательная цепь мелких неприятностей вызывала лавину проблем, – беду, которая придавливала, оглушала, пыталась разорвать целостность внутреннего мира. В эти периоды в моей голове возникали чуждые мне мысли о неудовлетворённости жизнью, разочаровании, невозможности исполнить предписанное предназначение. Но особенно невмоготу приходилось тогда, когда беда проникала в самый неподходящий момент, на пике удовлетворённости, благополучия и счастья. В эти мгновения она воспринималась особенно болезненно и эмоционально, словно смерч проносился в душе, цунами, сметающее всё живое на своем пути и оставляющее после себя разруху, хаос и горы разрушенных нервных клеток.

Настюшка, мы с тобой договорились, что из своей жизни я буду оттенять только наиболее мрачные периоды своей жизни – «чёрных лебедей». Я это делаю для того, чтобы показать тебе – моя удача построена на контрастах: я чувствовала себя счастливой только тогда, когда могла сравнить один отрезок своей жизни, с другим. Я открывала для себя значимость и смысл понятия «жизнь» только после того, как очередной раз судьба тянула меня ко дну, а я, задыхаясь и захлёбываясь в удушливой массе обид, конфликтов и ссор, уже практически без сил и сознания пыталась выгрести на берег. Только из глубин подсознания набатом раздающееся: «Надо!» не давало мне смириться, покориться и умереть. Именно мои «чёрные лебеди» постоянно напоминали мне о том, что в жизнь каждый из нас приходит только на время, поэтому нужно ценить каждый её эпизод и наслаждаться проблесками каждого мгновения. Поэтому я всегда благодарила судьбу за новое испытание, потому что, пройдя через него, выжив, я, спасённая и выбившаяся из сил, получала самую ценную награду – жизнь.

Настенька, новой вершиной в развитии наших семейных отношений стало рождение твоей мамы – Наташи. Это оказалось не просто знаковое событие, а испытание, которое мы с Сашей с душевными травмами, глубокими обидами и изменившейся самооценкой еле преодолели. А ведь никто из нас не предполагал, что рождение ребенка связано с такими сложностями и стрессами. Мы рассчитывали на праздник, радость и небывалый душевный подъем, связанный с рождением третьего члена нашей семьи. До рождения Наташи наши отношения с Сашей настолько упрочились, стали гармоничными и едиными, что со стороны казалось, что они нерушимы, неподвластны коррозии и трещинам. Начиналось всё слишком многообещающе, красиво и заманчиво...

Внученька, за годы своей жизни я сделала маленькое открытие: рождение ребёнка в семье воспринимается одинаково мужчинами и женщинами всех поколений и национальностей. Я помню, как в конце 1960-х, беременная, я гордо шествовала по Хрещатику и ловила на себе восхищённые взгляды прохожих. Я являлась центром Вселенной, царицей, повелительницей своего сказочного государства. Точно так же, гордо и возвышенно, спустя десятилетия продолжают шествовать молодые мамы по центральным улицам городов, в которых я проживала: Елисейским полям в Париже, Чананьцзе (проспект Великого Спокойствия) в Пекине, Нанкинлу в Шанхае. Образ беременной женщины совершенно аполитичен и мультикультурен. Независимо от цвета кожи, национальной принадлежности, месторасположения на планете, беременная женщина вызывает восхищение, уважение и преклонение, потому что олицетворяет собой хранительницу жизни и продолжательницу рода. Это, милая, наше предназначение, наша великая и священная миссия.

Но, как оказалось, материнство имеет и обратную сторону медали, о которой мало пишут и говорят, но которую проживает и на себе испытывает каждая женщина – это обострённое чувство ответственности за вновь рождённое существо и трудности воспитательного процесса. Каждая мама испытывает потребность дать ребёнку самое лучшее образование и сформировать в нём самые востребованные в обществе навыки, чтобы помочь ему стать счастливым и успешным. Вырастить из младенца достойного представителя общества, авторитет которого сторицей окупает годы затраченной на него жизни, требует от женщины концентрации всех её жизненных сил, воли и удачи. И вот на этом пути женщину подстерегают сотни неприятностей: недостаток средств, неблагоприятная социальная атмосфера, непонимание, а возможно, и предательство мужа, болезни ребёнка или простое невезение. Материнство – это и боль на грани смерти во время родов, ведь сколько женщин умирало и умирает во время родов; это, милая, и бессонные ночи, когда вместо покоя и удовлетворения ты получаешь постоянное беспокойство за жизнь, которую ты вдохнула в этот маленький и беспомощный организм, который лежит рядом и ещё не понимает, какие испытания ему предстоят в человеческом мире; это и обострившееся непонимание со стороны супруга, который не может смириться с фактом, что теперь на пьедестале твоего внимания не он хозяин и царь, а это маленькое существо – продолжатель, в том числе, и его рода. И весь этот комплекс боли, усталости и непонимания как-то неожиданно и незаслуженно сваливается на женщину сразу после родов, после того пристального внимания, заботы и любви, которыми её окружили во время беременности и избаловали. К удивлению, вместо облегчения и удовлетворённости от выполнения своей материнской миссии, вместо счастья, удвоенной любви и повышенного внимания, ты по-

падаешь в такой круговорот проблем, забот и конфликтов, что порой не хватает сил и терпения, рассудительности и взвешенности, мудрости и спокойствия, чтобы вынести это. Но самое страшное – этим проблемам не видно конца и края, потому что младенец только родился на свет, и сколько ещё предстоит всего сделать и пережить, прежде чем поставить его на ноги и выпустить в самостоятельную жизнь...

В этот сложный и ответственный период особо обостряется желание найти понимание, сочувствие и помощь у близкого человека – у мужа, который у алтаря клялся пройти с тобой рука об руку через все трудности, горести и жизненные испытания. Ты с нетерпением ожидаешь его с работы, потому что одна целыми днями вынуждена проводить дома с ребёнком и тебе хочется элементарного, казалось, тобою заслуженного: внимания и участия, любви и заботы, нежности и помощи. Ведь вы же семья, вы вместе принимали решение о рождении ребёнка, поэтому вы вместе, помогая друг другу, должны воспитывать его до совершеннолетия. Ожидая мужа, свою надежду и опору, ты очередной раз открываешь для себя важность семейных отношений, потому что понимаешь, что тебе одной не унести свалившийся груз ответственности и забот, не развязать запутавшиеся в узлы отношения к себе, людям и окружающему миру. Рождение ребёнка одним махом перевернуло с ног наголову устоявшиеся взгляды на мир, изменило ценности, оценку и мотивацию поступков, поэтому тебе органично необходима помощь со стороны своей второй половины. Тебе в радужных цветах представляется, как вместе с суженым вы восстанавливаете гармонию в себе и семье с одним важным и существенным дополнением – в вашем мире центральное место занимает ребёнок. Теперь *он* находится на пьедестале вашего внимания, *его* присутствие обогащает смыслом вашу деятельность и вы-

водит отношения в семье в качественно новую плоскость межличностных отношений, в которых задействовано уже не два, а три близких человека.

Но возвращается с работы муж, и ты вместо помощи слышишь о его усталости, вместо понимания он предъявляет претензии о неприготовленном ужине, а вместо участия и заботы он требует секса и внимания к себе. Настенька, в эти мгновения сотканное покрывало семейных отношений начинает трещать по швам, твоя сказка начинает рушиться, и ты понимаешь, что это конец, это катастрофа твоих планов на семью, надежд на мужа. Подступает такая слабость, обволакивает такая апатия и пробуждается такое безразличие, что хочется всё бросить, упасть и умереть, потому что из тебя словно выжали жизнь, по капле, до последних миллиграмм влаги. Нет сил даже на ненависть, на сопротивление и возмущение. Ты со всем соглашаешься, потому что тебе уже всё равно – ты не принадлежишь себе. Растерянная и на всех обиженная, разрываемая на части новыми обязательствами, ты не успеваешь даже поспать – всё твоё время уходит на ребёнка – на эту новую ветвь в твоём родовом древе, – который перевернул весь привычный для тебя мир и заполонил его до краев, до истощения и сумасшествия. Он не просто яркой звездой спустился на твои протянутые ладони, а как монстр обрушил на тебя звёздное небо, и ты в ужасе едва успеваешь уворачиваться от обрушившегося на тебя камнепада.

Милая моя, однажды, когда мне было около шести лет, я наблюдала, как нам на лошади перепаживали огород. Я не запомнила многих деталей, но даже сейчас, как живую, вспоминаю ту лошадь – худую, постоянно спотыкающуюся, с кровоточащими ранами на боках, с выступающими жилами, всю мокрую от пота, крови и усилий. И у неё на морде выступали такие выразительные, грустные и безжизненные глаза, что даже тогда, многое не понимая, я не

выдержала этого зрелища, разревелась и убежала в дом. Я не могла наблюдать за этими мучениями и страданиями. Так вот, в первые месяцы после рождения Наташеньки я представляла себя такой же: высохшей, с вздувшимися от предельного напряжения венами, постоянно потеющую от нечеловеческих нагрузок, с мёртвыми от усталости и недосыпания глазами, спотыкающуюся, но тянущую за собой воз семейных забот.

Внученька, признаюсь, первый год после рождения твоей мамы едва не сломил меня, не разрушил мой внутренний мир до основания. Был период, когда я готова была отказаться от всех своих планов и начинаний, от мужа и карьеры, даже от самой жизни. Было слишком трудно, потому что мне одной приходилось бороться за всех: за своё будущее, будущее Наташи и моей семьи. Как оказалось, в самые тяжёлые периоды жизни люди, на которых ты надеешься и рассчитываешь, подводят и предают, а на помощь приходят совершенно другие, посторонние, едва знакомые. Впоследствии я с этой закономерностью сталкивалась неоднократно, но до сих пор не могу к ней привыкнуть.

Наташенька родилась в результате нашего с Сашей огромного желания иметь ребёнка – мы приняли это решение обоюдно и сознательно. Но когда Наташа появилась на свет, паритет в наших отношениях нарушился, и нам требовалось срочно перераспределить обязанности внутри семьи, подстроить их под новые обстоятельства. И здесь мы впервые столкнулись с нерешаемой проблемой – мы с Сашей не могли договориться, найти компромисс и выработать общие правила, потому что с совершенно разных позиций оценивали ситуацию. Я перестала успевать стирать и готовить кушать, и считала, что эти обязанности теперь должен выполнять Саша. Наташа родилась болезненной и капризной, спала только на руках, ощущая тепло

моего тела, поэтому я постоянно была привязана к ней, не в состоянии уделить внимание даже себе. Но когда Саша приходил с работы и видел пустые кастрюли и горы стирки (ведь мы всё стирали вручную), энтузиазм его иссякал, он злился, возмущался и обижался. И если с работой по квартире он ещё справлялся, то позже, когда я попросила его несколько часов подежурить возле дочки ночью, его терпение лопнуло, он наговорил мне много неприятных слов и, хлопнув дверью, выбежал вон. В чём-то я его понимала – целый день на работе, потом дома вторая смена, да ещё и бессонные ночи. Но ведь я тоже жила в таком ритме!

Я даже простила ему грубость и непонимание, думала – перебесится, переночует у кого-то из друзей и снова вернётся домой. Но, Настенька, представь моё состояние, когда на следующий день твой дедушка не вернулся с работы. У нас не было не то, что мобильных телефонов – стационарный телефон считался большой редкостью. А именно в тот вечер я его с такой надеждой ждала: хотела поговорить, объясниться, ведь все мы люди и должны искать компромиссы. К тому же я сама так устала и вымоталась, что хотелось просто разрыдаться в его объятиях, ощутить теплоту и силу его мужского тела, на мгновение почувствовать себя вновь маленькой и незащищённой девчонкой, чтобы просто забыться, вдохновиться его лаской, любовью и нежностью. В холодильнике закончились продукты, и я не могла приготовить себе покушать, гора грязных пеленок ждала стирки – а Саши нет час, два, три... Я потерял покой, стала тревожиться. Время как назло тянулось и замедляло свой бег: минуты превращались в часы, а часы – в бесконечность. Моё волнение передалось Наташеньке, и она редела страшным рёвом, взрывая мои воспалённые от усталости и недосыпания мозги. А Саши нет – пропал без вести. Страшные мысли стали возникать в моей голове,

ведь эти его проклятые космические исследования были связаны с радиацией, авариями, риском для жизни. Я никогда не верила в Бога и не обращалась к нему, но именно в тот вечер я впервые открыла в комнате шторы, потом окно, стала на колени и, глядя в сереющее вечернее небо, попросила Всевышнего только об одном, чтобы мой Саша остался жив.

Настенька, представь моё состояние – я оказалась совершенно одна в Киеве: без родственников и близких друзей. К кому бежать, кого просить о помощи? Нас окружало много знакомых, но кому я нужна со своими проблемами? Отсутствие Саши сводило меня с ума. Стояла глубокая осень, на улице было сыро и прохладно. Наташа бесилась, капризничала, исходила криком, и я не могла её оставить одну в квартире. Сомнения и неопределённость разрывали логические построения мыслей, тревога колоколами была в набат, заглушая здравость рассудка, и моё сознание оказалось повергнутым. То, что всегда преобладало во мне, чем я гордилась и выделялась – трезвость и ясность рассудка, – оказалось растоптано, унижено и низведено на роль жалкой прислуги. А балом торжественно начала править чувственно-эмоциональная часть моей психики, которая захватила власть в мозге, внесла хаос, разброд и шатание. Я перестала контролировать своё поведение, не понимала совершаемых действий, не задумывалась над этичностью и нравственностью своих поступков. Я превратилась в обычную эмоциональную женщину, которая не помнила и половины событий, произошедших потом. Это спустя время, восстанавливая хронологию произошедших событий, я краснела за себя и долго не могла простить себе того безумия и паники, которые завладели и руководили мной, направляя мои поступки и вкладывая в уста слова. С большим ребёнком на руках, полуодетая, растрёпанная, как сумасшедшая, я металась из одной части Киева в дру-

гую, от одного нашего знакомого к следующему, от одной больницы к другой. Я поставила на ноги всех тех, кто хоть чем-то мне мог помочь – но Саша словно в бездну канул.

Я не помню, как я пережила вторую ночь – знаю, что совершенно не спала. Урывками помню, как Наташа уже не кричала, а охрипшим и севшим от рёва голосом подвывала, требуя внимания к себе. От бессонницы, голода и тревоги у меня пропало молоко, и ребёнок с вечера ничего не ел. Я не знала, чем её кормить, что ей дать и как успокоить. Как зомби я ходила с ней по комнате, натываясь на мебель, набивая на теле синяки и шишки. Но я не чувствовала боли – тот ад, который творился в моей душе, настолько разъедал моё восприятие и притуплял чувствительность, что я утратила ощущение физической боли.

Помню, что уже в семь утра третьего дня я стояла на проходной Сашиного института. Оставалось два часа до открытия, но я как безумная высматривала знакомые лица его коллег по работе, его друзей. Я знала их только по именам и на проходной мне ничем не могли помочь, потому что штат института исчислялся сотнями Андреев, Вань и Петь. Наконец, ближе к девяти, я увидела одно знакомое лицо, второе. Я с надеждой обращалась к ним, но эти люди, ошарашенные и испуганные моим безумием и внешним видом, только успокаивали, ничего конкретно не сообщая. Кто-то из них, видимо отпросившись, отвёл меня назад домой, и я, уставшая и обессиленная, впервые за двадцать пять лет разрыдалась от бессилия. Апатия и какое-то отупляющее чувство покорности, обречённости и безысходности сковали не только мой мозг, но и всё тело. Даже ребёнок, которого я почему-то перестала слышать, не пробуждал меня к жизни: так всё было больно и плохо, что, казалось, пришёл конец, всё разрушено и безоговорочно утрачено.

У меня поднялся жар, подскочила температура, и, помимо прочих несчастий, я почувствовала, что заболеваю,

что видимо, простудная болезнь, воспользовавшись моей слабостью и беспомощностью, решила одолеть меня и добить окончательно. Ко всем бедам прибавилась ещё одна беда, но большее мне уже просто не могло стать. Хаос в мыслях достиг своего апогея, болевой порог оказался давно позади, и я как-то вдруг совершенно перестала воспринимать события из внешнего мира – словно провалилась в глубину и забылась в удушьё чувственно-эмоциональных переживаний. Отрывками до меня доходили чудные образы, галлюцинации: то появилась какая-то женщина, потом ещё одна, чужой ребёнок, девочка... Эпизодами, кадрами, в моё сознание пробивались видения: что в моей квартире кто-то стирал, кто-то убирал, кто-то нянчил ребёнка, кто-то мне что-то рассказывал, успокаивал. Смешно. Это всё происходило где-то далеко, на поверхности, и воспринималось как бред, фантазия, иррациональность, потому что я тонула, как ненужный и сброшенный жизнью балласт опускалась на самое дно и уже не могла вернуться. Подступал конец, но в нём властвовали покой и тишина, не слышался рёв Наташеньки, прощалась моя слабость, и как должное воспринималось отсутствие Саши.

Последнее, что я запомнила – образ женщины в белом халате, которая влила в меня какую-то жидкость, после которой галлюцинации вмиг исчезли, и я зависла между жизнью и смертью. Внученька, мне кажется, это как раз то состояние, в котором сейчас балансируешь ты – состояние предсмерти. Во всяком случае, я это точно не воспринимала как жизнь, потому что, как и ты, в тот промежуток времени я уже не хотела жить.

Письмо девятнадцатое

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что лежу на диване, на подушке, бережно укрытая пледом. Наташенька мирно спала у себя в кроватке, а возле неё на стуле дремала совершенно незнакомая мне женщина лет за тридцать. Я попыталась встать, но тело оказалось настолько разбито и скованно, что у меня ничего не получилось, только вырвался стон, который и разбудил женщину. Увидев мои открытые и вопрошающие глаза, она вскочила и подбежала ко мне:

– Аллочка, ты проснулась, милая?

Эти слова, этот приятный, переполненный заботой и добротой голос, вызвал совершенно неожиданную для меня реакцию организма – я расплакалась. Не разревелась, а именно расплакалась, потому что боялась разбудить Наташеньку. Я вспомнила о тех кошмарах, которые остались позади и о тех глупостях, которые я совершила.

– Не плачь милая, всё прошло. – Женщина присела на колени возле моего изголовья, обняла меня, прижалась своей головой к моей и я ощутила на своих щеках ласкающую теплоту её слез. Мы так вдвоём и плакали, каждая вспоминая о своём.

С трудом овладевая собой, еле выдавливая из себя слова, я спросила:

– Сашу нашли?

– Нашли, милая, нашли.

– А где он?

– На работу ушел, а я пока возле тебя дежурю.

– А что с ним случилось, где он был?

Я почувствовала, как она замялась с ответом и тихо попросила:

– Только честно, с ним ничего страшного не произошло?

Женщина аккуратно опустила мою голову на подушку, выпрямилась и, вытирая платком свои слезы, как-то жёстко, хлестко, не произнесла, а словно ударила:

– Ничего с ним не случилось. Пил он милая, вместе с моим три дня пил не просыхая. Только вчера их голубков и обнаружили. Все они мужики такие.

– Где обнаружили? – ко мне вновь вернулось ощущение слабости и разбитости, неприятия действительности и отторжение очевидных фактов.

– На квартире у Воскобойниковых. Но ты не переживай, они уже пришли в чувство, сейчас на работе, вечером твой заявится.

Я не могла понять и принять услышанное: ведь не пил мой Саша как остальные, только изредка по праздникам, да и то по чуть-чуть.

– А как же работа, прогулы?

– Работа, милая, не волк, в лес не убежит. Поругают их, премии лишат, и будут дальше работать. Ведь оба они толковые сотрудники, головастые.

– Головаастые? – время вновь начало замедлять свой бег: слова доходили с опозданием, а их смысл задерживался ещё дольше. – Извините, а вас как зовут?

– Надей, милая. Я жена Игоря Тимошенко, который работает с твоим мужем, и с которым твой решил залить своё горе.

– Какое горе?

– Мужское, самое настоящее мужское горе.

– Мужское горе? – словно в бреду повторила я, совершенно не понимая, о чем идет речь.

– Милая моя, мужское горе одинаково у всех мужчин. Оно заключается в том, что мы, женщины, их не понимаем, не ценим и думаем только о себе и о детях.

– Но ведь это неправда.

– А кому нужна твоя правда, ведь она женская, а не мужская. А для мужиков это повод запить, убежать туда, где легче, где нет трудностей, меньше забот и ответственности, где покой и уют. Милая, не ты первая попадаешь в такую ситуацию, все мы прошли через это. Просто одним больше досталось, другим меньше, одни обострённее воспринимают, другие – спокойнее...

Я услышала, как открылась входная дверь в квартиру и в комнату ворвалась уже взрослая девочка:

– Мама, я хочу кушать.

– Не шуми, Лена, Наташенька спит. Сейчас пойдём. Видишь, тетя Алла уже проснулась, поможем ей встать, покушать и пойдём. – И уже обращаясь ко мне, вполголоса произнесла, – Это моя старшая, Лена, а младшая ещё в детском садике, вечером нужно забирать.

Я с благодарностью закрыла глаза и вновь попыталась встать. Было трудно, ещё кружилась голова и болело всё тело, но я уже приходила в себя – заставляла возвращаться к жизни. Беспокойное сопение и раздавшийся плач Наташеньки, о которой я так непростительно забыла, словно действие волшебное эликсира наполнило меня энергией и подстегнуло к жизни. Словно открылось второе дыхание и снизошло какое-то внутреннее просветление, озарение, понимание материнского долга, своей священной миссии – материнства. Теперь я уже знала, что мне одной, без надежды на помощь супруга, придётся противостоять ударам судьбы и тем проблемам, которые припасла для меня моя женская доля. Я почувствовала, как во мне открылся

новый источник живительной энергии, пробудился новый стимул борьбы за жизнь. Я поняла, что теперь уже не просто как женщина-мать, а как женщина-воин, я в одиночку вынуждена бороться за будущее своего ребёнка, во имя нового представителя своего рода. И, проникая в тысячелетнюю историю развития человечества, охватывая единым взором важнейшие этапы становления материнства на Земле, я увидела, как женщины во все времена, разных возрастов и национальностей, культур и социальной принадлежности, удивляя природу своей выносливостью и силой, преодолевая границы человеческих возможностей, и при этом не осознавая мужества своих поступков, жили ради своих и чужих детей. В отличие от мужчин, женщинам приходилось выживать не ради себя любимой, а во имя продолжения жизни новых поколений. Для женщин жизнь – это, прежде всего, долг материнства, обязанность продолжения рода и миссия сохранения мира и благополучия на Земле. Если мужчины погибали ради славы, зашкаливающих амбиций и в силу своей воинствующей психологии, то женщины в основном отдавали свои жизни, защищая своих и чужих детей, во имя мирного и счастливого развития новых поколений. В этом и заключался их долг и предназначение в истории человечества.

Надя помогла мне встать и сделать первые шаги. В голове шумело, всё плыло и шаталось, но я вновь становилась сама собою – внешне маленькой, хрупкой, беззащитной, но внутри уверенной, устойчивой и нацеленной на результат. Сознание проснулось, обрело опору и начало наводить порядок в мыслях. Тот хаос и беспредел, который творился в голове, поутих, эмоции, почувствовав власть вновь пробуждённого сознания присмирели, стали послушными и дисциплинированными, и я с удовлетворением отметила, что наконец-то стала похожа сама на себя.

Я подошла к кровати и взяла на руки плачущую Наташу. Оказалось непривычно тяжело, меня немного водило и подташнивало, но ощущение жизни, которую я держала на руках, осознание того, что будущее этой жизни зависело только от меня и моей воли, ещё больше укрепляли во мне те изменения, которые произошли в моём мировоззрении за прошедшие несколько дней. Почти сломленная и поставленная на колени обстоятельствами, я вдруг поняла, что судьба сжалилась надо мной и не добила, дала возможность выстоять, прийти в себя и обрести уверенность. Я с благодарностью воспользовалась этим шансом, не сильно понимая причину столь милостивого отношения к себе. Я воспрянула духом, вновь возрадовалась жизни, но при этом отчётливо прочувствовала, что моё внутреннее «Я» изменилось, стало ещё сильнее и подготовленнее, матёрее и умудрённее опытом. Я, Алла Тельная, утратила ещё одну иллюзию, навеянную книгами и мечтами – веру в супруга, надежду на любимого человека. Зато вместо этой книжной идиллии где-то на уровне внутренней информационной базы я приобрела более мощную поддержку и на порядок устойчивее основание – понимание того, что будущее моего ребёнка зависит только от меня самой и от тех возможностей, которые я сама открою для себя в этой жизни.

Настенька, достоинство женской психики заключается в том, что в отличие от мужской психики она более гибкая и устойчивая перед стрессами. Со временем я убедилась, что мужская психика, хотя бы раз дав трещину в основании, в дальнейшем, с каждым ударом судьбы будет разрушаться, корёжиться, гнуться и ломаться, неминуемо приближаясь к гибели – обезличиванию и угасанию ярких индивидуальных особенностей. Мужская психика – это как одинокий дуб, гордо возвышающийся на высокой скале. Внешне – это богатырь, настоящий исполин, который

восхищает своей силой, мощью и показательной непокорностью судьбе. И ведь действительно, если он выдержит первые испытания ветром, устоит перед ударами судьбы, значить и дальше будет расти и крепнуть, достойно противостояя ураганам и бурям. Но как только в нём появится первая трещина, начнёт проявляться слабость, то, возможно, внешне по-прежнему впечатляющий и восхищающий, внутренне он теряет все шансы выжить и устоять. Он уже обречён, его гибель – дело времени. Теперь каждый порыв ветра его может сломать, вырвать и выбросить в море, как сорняк, отживший своё сухостой.

А женская психика – это ива: роскошная, стройная, утончённая. Безусловно, внешне она не столь впечатляет, как величавость дуба, она совершенно непохожа на мужественного воина, противостоящего шквальному ветру, и в борьбе, под мощными ударами бури она не выдерживает, гнётся, прижимается к земле, вызывая жалость и сострадание у наблюдающих. Со стороны даже кажется, что её участь уже предрешена, что, безжалостно терзаемая ветрами, она уже сломлена и лишена жизни, что очередной порыв урагана её вырвет и унесёт в открытый океан... Но как только порывы ветра стихают, давление на иву спадает – она поднимается и, как ни в чём не бывало, продолжает расти дальше, вызывая удивление и восхищение своей гибкостью и устойчивостью, своим упрямством, непоколебимостью и волей к жизни. Поэтому, внученька, *не важно, кто внешне выглядит сильнее – важно, кто сильнее внутри*. Сколько раз за свою долгую жизнь я убеждалось в том, что мускулистость и показательное здоровье практически не имеют никакой ценности в жизни, разве что для эстетики и баловства. А во все века ценились люди, сильные духом, волевые, с устойчивой психикой, принципиальные, умеющие подчинить свою внутреннюю энергию поставленным целям и задачам. Именно эти люди твори-

ли историю, и именно их судьбы вызывают заслуженное восхищение потомков.

Всё это, Настенька, – философия жизни, моей жизни. Возвращаясь к той ситуации, в двух словах подытожу: мы с Надей быстро нашли общий язык. Её дочка сбежала в магазин, принесла продукты, мы приготовили шикарный обед. Надя рассказала мне, чем кормить ребёнка в тех случаях, когда пропадает молоко в груди, помогла приготовить для Наташеньки кашку. За эти полдня, которые мы провели вместе с Надей, я открыла для себя совершенно новый, ранее мне неизвестный мир существования взрослой женщины-матери. Надя перешагнула тридцатилетие, и первого ребёнка родила в двадцать лет. Несмотря на то, что мне уже исполнилось двадцать пять, я оказалась совершенно далека от понимания материнства, жила в своём мире книжных героев и, по словам Нади, именно это романтическое восприятие мира сделало меня такой восприимчивой и незащищённой перед самыми обычными и заурядными конфликтами.

Уже ближе к вечеру, накануне возвращения Саши с работы, влюблённые друг в друга мы расстались. Надя первая завела разговор о Саше:

– Я не хочу присутствовать при ваших выяснениях отношений, но прислушайся к моему совету, который в своё время подсказала одна мудрая женщина: мужики все одинаковые. Прежде, чем делать какие-то категоричные выводы по поводу своего супруга, спроси себя, а найдёшь ли ты лучше?

– Да не буду я больше никого искать. Никто мне не нужен, – попыталась возразить я.

– Милая моя, когда мой ненаглядный первый раз в самую тяжёлую для меня минуту сломался, приполз домой пьянящий и грязнящий, я, с ужасом смотря на это чучело, что-то блеющее, икающее и рыгающее на полу, просто

не понимала, куда смотрели мои глаза, и как мой сказочный принц смог так быстро превратиться в это чудовище? Но за ночь это чудовище в ванной пришло в себя, и утром я увидела пусть уже не принца, но кающееся существо, которое нуждалось в заботе и сострадании, потому что оно слишком плохо себя чувствовало. И тогда я вспомнила те золотые слова женщины и подумала, что если мужики все одинаковые, то вдруг и следующий окажется таким же? Так лучше принять своего таким, каким он есть, чем бегать искать что-то лучшее, без гарантий, что это лучшее вообще существует.

Я до сегодняшнего дня благодарю Надюшу за уроки вековой женской мудрости. Ты, Настенька, её не знаешь, но мы дружны с ней до сих пор. Игоря своего она давно похоронила, а девочки уже взрослые, все замужем, с детьми. Надя своим трудом и мудростью создала благополучную семью и сейчас почивает на лаврах. И что самое интересное, она всю жизнь проработала простым продавцом в магазине и так ни разу не выезжала за пределы Украины. А ведь сколько раз я звала её к себе – не захотела.

Письмо двадцатое

Настёнка, продолжу рассказ о своих «чёрных лебедях», специально для тебя оттеняя самые критические события своей жизни, которые закаляли меня и выводили на новые уровни внутреннего совершенства.

В тот вечер, когда Надя с дочкой ушли, у меня не осталось времени подготовиться к встрече с Сашей, поэтому всё, что случилось между нами, произошло спонтанно, на эмоциях и оказалось обусловлено только нашим воспитанием и особенностями формирования психики.

Саша пришёл домой раньше обычного. Я с замиранием услышала, как открываются входные двери квартиры, и внутренне сжавшись, с проникающим страхом стала явственно воспринимать его приближающиеся шаги. Я совершенно не знала, как себя вести в подобных ситуациях и во что может вылиться конфликт столь высокого накала. Мне не приходилось ещё видеть Сашиного поведения в критических ситуациях, и я почему-то ожидала от него агрессию, проявление ненависти, злобы, даже рукоприкладства. Но всё пошло по иному сценарию.

– Аллочка, спешил, вот купил, что ты заказала, – он робко протянул мне кульки с продуктами и виновато улыбнулся.

Я с удивлением смотрела то на него, то на протянутые кульки. И чем дольше я его рассматривала, тем быстрее обретала уверенность в себе, тем больше переполнялась верой в своей правоте и негодованием. Я впервые увидела

своего супруга в отрыве от надуманных фантазий и навязанного книгами романтизма. И то, что я наблюдала перед собой, меня не просто разочаровало, а начало бесить, заводить и выводить из себя. Преду мною находился не мужчина моей мечты, не моя вторая половина и не мой сказочный герой, а человек, который, возможно, по недоразумению, из-за моей восприимчивой натуры и богатого воображения стал отцом моего ребенка. И в этом новом для меня образе, без прикрас и ореола он оказался некрасивым, с длинным носом, большими ушами, худым, помятым и выглядевшим старше своих лет. Но самое страшное, в глубине его бегающих глаз я обнаружила знакомо просматривающуюся робость, страх и неуверенность в себе. Он боялся меня больше, чем я его!

Куда же подевался тот сильный мужчина, за которого я выходила замуж? Где делся мой принц, с образом которого я прожила почти целый год? Я не могла поверить – неужели передо мной представитель человеко-массы, которому удалось обмануть меня и скрыться за маской? Или его сломили обстоятельства, но какие и почему так быстро?

Я молча взяла пакеты и вышла на кухню. Я не знала, как себя вести, что говорить, делать? Я была ошарашена, подавлена, сбита с толку. По привычке, лишь бы не сидеть на месте, не поддаваться страшным мыслям и как-то успокоиться и отвлечься, я автоматически начала готовить ему ужин. И пока я что-то чистила, варила, прибирала, расставляла, он говорил, оправдывался, даже предъявлял претензии. Всё это происходило без моего участия – я молчала и лишь обрывками воспринимала его монолог. А он то заводился, то успокаивался, то извинялся, то обвинял – устроил целое представление, на котором я оказалась единственным зрителем. И на пике его монолога у меня вдруг возник вопрос, который, как кнопка тревоги,

загорелся режуще-красным цветом и зазвенел пронзительно тревожным зуммером – *и мне с этим жить всю оставшуюся жизнь?*

Стало страшно, неуютно и тоскливо. Я попыталась отогнать этот вопрос, задвинуть его на задворки сознания, но он сопротивлялся, цеплялся и в борьбе наоборот усиливался, разрастался, выпячивался, все настырнее заявляя о себе. Отдалённое бормотание Саши словно подпитывало его, наполняло новым ужасным смыслом, и я, не выдержав, закричала:

– Замолчишь ты, наконец, или нет!

И мой крик подействовал: кухня наполнилась тишиной – долгожданной, успокоительной и желанной. На миг мне показалось, что наступило облегчение, что тишина позволит внутренним сомнениям улечься, успокоиться, вернуться на места. Но Саша вновь все испортил:

– Алла, но ты сама виновата! – его слова словно громом разорвали тишину и подняли бурю. Я уже не могла сдерживать себя, контролировать эмоции и подбирать слова. Я выговаривалась, в истерике выбрасывая наружу свой страх перед будущим, осознание совершенной ошибки и, наконец, глубокое разочарование и отвращение поведением своего избранника. Внученька, меня довольно трудно вывести из себя, как правило, я смиренная и терпеливая, но он смог пробудить во мне дьявола и выпустить на волю моих бесов. Не подбирая слов, брызжа слюной и с презрением бросая в него всё, что попадалась под руку, я кусками вырывала из себя свою боль, из объятай пламенем души голыми руками выхватывала горячие поленья и с ненавистью метала в его лицо.

– Урод! Слюнтяй! Неудачник! Как можно было бросить нас, предать, убежать, спрятаться, как крыса в нору?! Тяжело стало? Унизили мужское достоинство? Попросили

недоспать из-за больной дочки? А мне легко? Я что, каменная?

Я реально готова была его убить, зубами растерзать на мелкие куски, растереть в порошок, потому что, внученька, передо мной открылась бездна, к подножию которой я сама себя подтолкнула. Я вдруг осознала, что мне предстояло провести свою жизнь со слабым человеком, с представителем людей, которых я боялась, и общения с которыми всячески избегала. То, от чего я пряталась и убегала, что вызывало во мне презрение и негодование, вдруг вошло в мою жизнь и предстало как очевидный и свершившийся факт. Саша, мой муж, – человек-массы. Что делать? Развестись? Все бросить? А как воспитывать дочку одной, без влияния мужской психики? Как теперь соединить свои амбиции, принципы и надежды с интересами ребёнка?

Я на мгновение пришла в себя и вдруг увидела своего «принца» – испуганно забившееся в угол кухни существо, с ног до головы облитое супом и с макаронами на голове, медленно спадающими то на штаны, то на рубашку. Внученька, вместо жалости и смеха меня пронзила такая черная тоска и лютая безысходность, что я даже задохнулась: спазмы сдавили горло и я едва не потеряла сознание.

– Из-за тебя, подлеца, я хотела наложить на себя руки, – не знаю, это промелькнула мысль, или прозвучала фраза, но именно стыд не позволил мне упасть перед ним. Поникшая и обессиленная я вышла в комнату, переложила Наташеньку из кровати на диван, свернулась калачиком возле неё и уснула. Теперь я чётко знала, во имя кого мне осталось жить.

Настенька, слабость Саши сделала меня сильнее. Я не скрывала от себя, что в той ситуации я тоже повела себя не лучшим образом, но, во всяком случае, я не пряталась от проблемы, а пошла на неё, всеми силами пытаюсь её разрешить. А мысли о самоубийстве, о крушении всех

жизненных ценностей и идеалов, картины разрушенного будущего – всё это оказалось мимолетным малодушием, проявлением эмоций, отголоском книжного воспитания. С каждым годом реалии жизни всё больше разрушали мою романтическую натуру, а на её месте возводили основательные, приземлённые взгляды на жизнь, которые защищали мой внутренний мир, делали его устойчивым к стрессам и выносливей в конкурентной борьбе.

В тот вечер я не просто рассталась со своей очередной иллюзией, но и прочувствовала свою силу над Сашей. Я убедилась в том, что мой внутренний мир более устойчив и крепок, что в критических ситуациях я всегда смогу взять инициативу в свои руки и довести дело до логического завершения. Внученька, я изменила иерархию нашей семьи, назначив себя главою. Теперь я стала вожаком нашей семьи. Я низложила с Саши его властные полномочия, оставив за ним только обеспечение семьи. Я аргументировала смену власти в семье тем, что вождь, как минимум должен обладать тремя основными качествами:

1) он должен быть сильным духом, чтобы в любой момент, невзирая на степень опасности, защитить свою семью;

2) вождь должен быть целеустремленным и нацеленным на результат, чтобы понимать, куда он ведёт свою семью;

3) наконец, вождь должен быть мудрым и щедрым, чтобы сохранять гармонию в отношениях между членами семьи.

Такими качествами в нашей семье обладала только я, поэтому дальше по жизни именно я повела нашу семью, оберегая свою дочь и открывая для неё всё новые и новые перспективы.

На тот момент, внученька, из всего произошедшего я вынесла два важных урока: во-первых, я изменила приори-

теты в жизни, удалив из них служение мужу, а во-вторых, я поняла, что в этой жизни я могу положиться только на себя и на свои способности. Поэтому я на порядок больше стала уделять внимания творчеству и литературе, сконцентрировав свою жизненную энергию на воспитании дочери и на выполнении своего предназначения в жизни.

Письмо двадцать первое

Мальшка моя, хочу поделиться с тобой ещё одним уроком из жизни – *не верь состраданию мужчин*, оно не всегда искренно. Внушенька, мужчины – это великие актёры. Обычно говорят противоположное, и это действительно так, но игра женщины в основном безобидная, лёгкая и безвредная, вызванная легкомыслием, скукой и капризом, а вот у мужчин всё намного серьёзнее. Мужчины играют по крупному, ставя перед собой реальные цели и болезненно переживая за их результаты. Для многих из них игра становится частью жизни, и они вкладывают в неё значительные материальные средства, душевные ресурсы и годы своей жизни. Я с этим сталкивалась много раз, но первый случай оказался самым запоминающимся.

Настенька, я тебе рассказывала, что уже со школы я росла видной и примечательной. Как раз в 1960-е годы в обществе очередной раз поменялись стандарты женской красоты и в моду вошли пропорции 80x40x80 – образ девушек-«пацанок»: хрупких, утончённых, коротко подстриженных, не более 40 кг веса. Так получилось, что природа наделила меня именно такими пропорциями, поэтому, не прикладывая к этому никаких усилий, я выглядела стильно, вызывающе и броско.

Я знала, что произвожу впечатление на мужчин, потому что, преподавая в университете, я постоянно ощущала на себе их восхищённые и влюблённые взгляды. Но советские нравы, родительское воспитание и моё по-

нимание женской чести наложили строгое табу на отношения с мужчинами, особенно после замужества: я общалась с ними только по работе, и хотя чувствовала себя в их компании раскованно и непринужденно, даже намёка на флирт и увлечение мной никогда не допускала. Но после моего вынужденного посещения Сашиной работы, когда я разыскивала своего мужа по всему Киеву, к нам в гости зачастил один из его многочисленных товарищей. Настенька, ты сама знаешь, насколько у нас дедушка общителен, но в молодости его общительность переходила все границы. Коллектив Сашиного научно-исследовательского института оказался дружным: вечеринки, поездки загород, совместные командировки – всё это накладывало отпечаток и на образ жизни нашей семьи. И до определенного момента я всё это поддерживала, терпела, принимая как должное.

Но после дедушкиного предательства я начала прибирать бразды правления семьёй в свои руки и, соответственно, стала устанавливать свои порядки. В шумных вечеринках до полуночи мы больше не участвовали, наша квартирка перестала выступать проходным двором и только несколько человек могли к нам являться без предупреждения и в любое время – это Надя с семьёй и Валера. Этого мужчину ты не знаешь, но именно благодаря ему я убедилась в том, что мужчина-друг для красивой женщины – это сказка для наивных девчонок. После сорока лет и старше такая дружба возможна, и об этом я тебе ещё расскажу, но до тридцати лет любой мужчина видит в женщине только объект своих сексуальных вожделений.

Честно скажу, Валера мне нравился. Он являлся полной противоположностью Саши: высокий, спортивного телосложения, с развитым чувством юмора, лёгкий и приятный в общении. Он больше дружил со мной, чем с Сашей, потому что Саша своей педантичностью, мелочностью,

дотошностью раздражал любого, кто родился под знаком Водолея, Близнецов или Весов. Я родилась под знаком Близнецов, а Валера являлся типичным Водолеем.

Со временем, когда я стала заниматься психологией и изучать характеры людей, я убедилась в том, что типология знаков Зодиака практически безошибочна – видимо, действительно, расположение звёзд оказывает прямое влияние на формирование психики. С годами я перестала удивляться тому, что люди, с которыми я сходилась легко и быстро, которые нравились и вызывали доверие, родились под знаками Водолея, Близнецов или Весов, а те, с кем отношения у меня складывались трудно и натянуто, относились к знакам Скорпиона, Козерога и Льва.

С Валерой я чувствовала себя легко и свободно. Наверное, это единственный мужчина из Сашиного окружения, который меня не напрягал. Он жил как мне нравилось: по большому счёту, не обращая внимания на второстепенные вещи, предрассудки, карьеру, быт. Но основным его достоинством являлся голос и умение здорово аккомпанировать на гитаре. Начались 1970-е годы – а это время Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Александра Галича. Авторская песня входила в нашу жизнь, захватывая воображение, пробуждая чувствительность и увлекая новой, близкой душе поэзией жизни.

Внученька, женщины любят ушами. Не все мужчины понимают эту нашу слабость, а те, кто понимает, не всегда оказывается достойным нашего внимания. Когда Валера пел, я забывала обо всём на свете: о Наташеньке, о Саше, о работе. Что интересно, часто капризничавшая Наташа после первого куплета песни в исполнении Валеры умолкала и потом долго не плакала. Он обвораживал нас, убаюкивал, расслаблял. Он писал песни без глубокого смысла, но хорошее исполнение и главное – приятный, бархатный голос с волевыми мужскими оттенками, действовали ма-

гически, влюбляя в себя, восторгая, проникая в самые сокровенные уголки ранимой женской души.

Я впустила Валеру слишком близко в сердце: между нами всё проходило без пошлости и даже любви, но он мной воспринимался как единственный и сокровенный друг. Я открывала ему свои горести и радости, делилась печалью и сомнениями, советовалась по бытовым вопросам. Я доверилась ему и открылась, не тая секретов, высвечивая потаённые мысли и желания. Благодаря ему я лучше узнала мужскую психологию, вместе с ним разбирала поведение Саши, пытаясь понять скрытый смысл его поступков и действий. И в этом взаимном откровении я находила для себя такую отдушину и вдохновение, которое позволяло стойчески переносить раздражающую близость уже нелюбимого супруга, его мелочный педантизм, желание угодить и понравиться.

В Валере я сполна находила то, чего оказался лишён Саша, и это компенсировало мне недостаток мужского общения, обогащало моё существование и, как ни странно, укрепляло отношения в нашей семье. Если бы не Валера, я даже не знаю, как сложились бы наша совместная жизнь с Сашей – не уверена, что я бы и дальше смогла находиться рядом с мужчиной, в котором полностью разочаровалась, который перестал вдохновлять меня на жизнь. Общение с Валерой помогло мне раскрыть лучшие стороны своего опального мужа, на которые я ранее не обращала внимания, одновременно, Валера смог снизить значение Сашиних недостатков, степень которых, как оказалось, я сильно преувеличивала. Возможно, не подозревая о своей роли, Валера помог мне глубже понять своего мужа и разобраться в его мужских качествах. И оказалось, что мой муж, не с моей точки зрения, а со стороны чужих людей, очень даже ничего – его любят, уважают и ценят в коллективе. Во вся-

ком случае, теперь я понимала, на что я могла рассчитывать в Саше, а про что мне стоило навсегда забыть.

В свою очередь я догадывалась о том, что нравлюсь Валере. И сам факт того, что я нравлюсь мужчине, который пользуется таким восхищением у окружающих людей, мне был приятен и льстил. Но я никогда не рассматривала наши отношения больше, чем дружеские. Я всегда помнила слова Нади о том, что все мужчины одинаковые. Да и Надя, видя мое увлечение Валерой, в нужную минуту сумела раскрыть глаза на его недостатки и рассеять тот романтический образ, который Валера так настойчиво мне прививал. Я понимала, что мой Саша со всей своей приземленностью и слабостями являлся более надёжным партнёром по жизни, чем Валера со своей лирикой, романтикой и непостоянством. А мне, как и любой женщине, хотелось стабильности в отношениях, надёжности и перспектив в общении. Я надеялась, что наши отношения так и останутся дружескими, но судьба распорядилась иначе.

Видимо, Валера начал уставать от игры в «друга семьи», и стал провоцировать меня на близость. Сначала участились «случайные» прикосновения, потом пошли разговоры на более откровенные темы, попытки уединиться, остаться в узком замкнутом пространстве. Мне это очень не понравилось. Моё воспитание не позволяло вести двойную жизнь, изменяя мужу за его спиной. Причём к изменам я относилась не только половую близость, но даже такие безобидные вещи, как поцелуи, обнимания и все те действия, на которые меня провоцировал Валера. И я, как всегда открыто, заявила об этом Валере, предупредив о неприемлемости такого отношения ко мне.

И представляешь, Настенька, этот козёл вместо понимания и принятия моих правил поведения, начал играть на публику: грубо, показательно, чуть ли не компрометируя меня. Он начал открыто приставать ко мне в компани-

ях, в которых мы в силу сложившихся правил и привычек по-прежнему с Сашей бывали. В его шутках-полунамёках начала прослеживаться та конфиденциальная информация, которой я в порыве откровения с ним делилась. Она носила сугубо личный характер, не предназначенный для широкого обсуждения. Но он настолько мастерски вставлял эти полунамёки, что публика, не совсем понимая, о чём идет речь, тем не менее, могла судить о степени доверительности наших отношений, что вызывало пикантность и неоднозначность ситуации: откуда посторонний мужчина мог узнать об этом? Неужели из откровенных разговоров после бурных постельных сцен?

Настенька, мне нечего было терять и тем более стыдиться. Единственно, я глубоко сожалела о своём вновь обманутом доверии. Но это оказался очередной урок, преподнесённый мне жизнью, и мне следовало заканчивать его, ставить жирную точку. И я её поставила, как всегда непредсказуемо, жёстко, без шансов на повторение.

На одном из дней рождения нашего общего знакомого Валера, как всегда, оказался в центре внимания и полностью владел аудиторией. Он выглядел неподражаемо: песни, шутки, прибаутки так и сыпались из его уст. И всё шло хорошо, пока он не попытался уединиться со мной на кухне. До этого я всячески избегала с ним общения тет-а-тет, но в тот вечер так сложилось, что пока я мыла посуду, остальные женщины накрывали на стол и вышли в зал. Я осталась одна, как вдруг почувствовала чьё-то учащенное дыхание за своей спиной – это был Валера, я сразу догадалась. Мне ничего не оставалось, как попытаться вырваться в зал, чтобы пресечь всякие кривотолки.

Он попытался меня остановить:

– Аллочка, останься, я хочу с тобой поговорить.

– Валера, нам не о чем с тобою разговаривать, ты компрометируешь меня, выставляешь не в лучшем свете.

– Алла, но я так многое хочу сказать тебе...

– Пусти... – я вырвалась и немного разгорячённая и взволнованная вошла в зал. Как раз навстречу мне шёл Саша.

– У тебя всё нормально? – Он окинул меня пронзительным взглядом. Мне показалось, что он ревнует и специально шёл на кухню проверить, чем я занимаюсь с Валерой.

– Нормально, не мешай накрывать на стол. – Теперь я была хозяйкой в семье и позволяла себе такой тон. Я прошла мимо мужа, но ещё долго чувствовала на себе его пристальный взгляд. И вдруг моё богатое воображение представило возможную сцену нашего объяснения с Валерой да ещё с присутствующим на втором плане мужем. Ситуация выглядела очень пикантной, и это при всём том, что я всячески старалась её не допустить.

Валера, как и многие мужчины в таких случаях, потерял над собою контроль и вместо того, чтобы сгладить ситуацию ещё больше подлил масла в огонь. Он практически сразу за мной вошел в зал, взял гитару, потребовал тишины и с пафосом произнес:

– Эту песню я посвящаю нашей Аллочке – и начал петь какую-то пошленькую, двусмысленную, дворовую песню.

Стерпеть такого унижения я уже не могла. Он пробудил во мне демона, и как всегда в такие минуты я не испугалась, не забилась в угол как серая овечка, а мобилизовалась и как волчица, защищающая свою молодую поросль, ринулась на проблему. Мне стало все равно: где я нахожусь, что делаю, и что обо мне подумают окружающие люди. Я понимала одно, что если я сейчас не пресеку это хамство и непозволительную дерзость, то в дальнейшем он перейдёт все допустимые границы приличия.

Стараясь выглядеть спокойной, без суеты и намека на скандал, я вплотную подошла к нему, приглушила струны рукой и, глядя ему глаза в глаза, спросила:

– Валера, а какое отношение имеет эта пошлая песня ко мне? Ты считаешь меня вульгарной женщиной, или я дала тебе повод унижать меня при людях?

Валера опешил. Его затравленный взгляд напомнил мне глаза Саша, когда он вот так же увидел во мне иную, совершенно незнакомую женщину-воина. Впоследствии я часто наблюдала такие глаза у мужчин, которые переходили мной установленные границы и неожиданно для себя получали отпор такой силы, что вмиг тушевались, сникали и навсегда исчезали из моей жизни. Внученька, мужчины часто заблуждаются, считая, что они режиссёры навязанной игры и что ситуация находится под их контролем. Запомни, всегда последнее слово остаётся за тем, кто сильнее духом. Так случилось и с Валерой – опешивший и растерявшийся, он явно не ожидал подобного поворота событий. Он попытался оправдаться, свести всё к шутке, но меня уже невозможно было остановить. Я интуитивно понимала, что в этих ситуациях нужно идти до конца и добивать противника. И я размазывала его, без жалости давила, словно гадину, потому что он не принял мои правила игры, покусился на благополучие моей семьи. А такого я никогда и никому не прощала.

Сохраняя внешнее спокойствие, но взбешённая внутри, в полнейшей тишине замершего зала я начала говорить то, чем он пытался меня испугать:

– Валера, в последнее время на людях ты стал вести себя довольно вольно по отношению ко мне, я разве дала тебе к этому повод? Или ты считаешь, что моё дружеское отношение к тебе – это причина претендовать на что-то большее? Валера, у меня муж, ребёнок, и тебя в списке людей, с кем я хочу общаться, уже нет – ты не оправдал

доверия. Ты как базарная баба рассказываешь то, о чём я говорила тебе в порывах откровения, обращаясь к тебе как к другу за советом, за помощью. Ты не можешь держать язык за зубами, или ты шантажируешь меня?

И уже обращаясь только к замершей публике, закончила:

– Люди добрые, вы извините меня, но мне общение с этим человеком противно, он слишком много позволяет себе. Саша, пошли, я честная женщина, и находиться в компании с человеком, который незаслуженно оскорбляет меня, обвиняет в легкомыслии, вульгарности и двуличии, мне неприятно.

Внученька, ты бы видела реакцию Валеры и окружающих людей! Произошло то, чего не ожидала даже я. Как всегда, меня поддержала Надя, а потом и её муж. Именно эти люди очередной раз показали своё отношение ко мне и к моей семье, за что я буду благодарна им до последнего своего вдоха. За считанные минуты ситуация изменилась в корне. Валера начал извиняться, божиться, стал передо мной на колени, потом полез обниматься с Сашей. Но все десять человек, находившихся на дне рождения, как один набросились на него, плечами отгёрли от нас, стали выказывать своё презрение и негодование. Кто-то даже полез с ним драться, но его остановили. То обаяние и уважение, которое к Валере до этого наблюдалось в компании, вмиг рассеялось, и на их место пришло презрение, недоброжелательность, даже озлобление. Нам не дали уйти с этого праздника, а все дружно изгнали Валеру.

Справедливость восторжествовала. С тех пор я больше не встречалась с ним. Бог ему судья. Я слышала, что он перешёл на другую работу, всё наше окружение перестало с ним общаться, потом он переехал в другой город и затерялся среди многомиллионного народа нашей страны. А я из этой ситуации как всегда сделала ряд важных выводов,

которыми впоследствии неукоснительно руководствовалась. Во-первых, я перестала доверять конфиденциальную информацию о себе и о членах своей семьи не только мужчинам, но и женщинам, и, во-вторых, я окончательно убедилась в том, что нечего искать опору где-то на стороне, особенно в сочувствующих мужчинах, её нужно возводить и укреплять в себе, на уровне собственного внутреннего «Я».

Так, внученька, с годами, я всё меньше рассчитывала на людей, а больше замыкалась в своем внутреннем мире, полагаясь только на себя и силу своего духа. Ты даже не представляешь, как мне это потом пригодилось, особенно после сорока лет, когда я больше двадцати пяти лет одна прожила во Франции и Китае. Если бы я привыкла жить среди людей, разве бы успела столько написать и передумать? Жаль, Настенька, что ты так и не открыла для себя прелесть одиночества. Возможно, познав живительную силу тишины и покоя, ты бы научилась больше и глубже ценить саму жизнь. Ведь жизнь открывает свои закрома мудрости не тем, кто суетится и спешит ею пресытиться, а проникновенно созерцающим, сливающимся с ритмом природы, познающим жизнь и конкретно к ней вопрошающим. Чтобы тебе ответили на вопрос, нужно научиться его грамотно сформулировать и своевременно задать. А многие люди ищут ответы на вопросы, поставленные в попытках, безграмотно, руководствуясь общими представлениями и ощущениями. Но каков вопрос, таков и ответ.

А я, внученька, медленно, но уверенно подходила к пониманию самого главного вопроса своей жизни: *каково моё предназначение в жизни?*

Письмо двадцать второе

Внученька, до тридцати лет я старалась больше не повторять грубых ошибок, придерживаться установленных правил и намеченных целей. И долгое время чёрные лебеди облетали меня и мою семью стороной. Случались какие-то мелкие конфликты на работе, в общении, в быту, но все они преодолевались безболезненно, быстро и без последствий. Я выросла, набиралась опыта, спешила реализовать себя в творческих проектах. Теперь значительное место в моей жизни занимало воспитание дочери – твоей мамы. Я старалась вложить в своего ребёнка все лучшее и передовое, воспитать в ней гармонию ума, души и тела: много читала ей, рассказывала, отправляла в путешествия, водила в кружки и на дополнительные занятия. Я во многом отказывала себе и сэкономленное тратила на дочь, потому что хотела, чтобы Наташа оказалась лучше подготовленной к жизни, чем я. Наташенька по несколько раз на лето ездила на Черное и Азовское море в пионерские лагеря, тогда как я впервые увидела море значительно позже. Но я воспринимала это как должное, потому что, с одной стороны, отчётливо помнила, как ради нас с братьями до полуночи работала моя мама, а с другой – потому что смысл моей жизни сконцентрировался вокруг дочери и её развития. Я с самоотдачей, граничащей с фанатизмом, исполняла свой материнский долг, любуясь подрастающей дочерью.

Вечерами я читала Наташеньки вслух сказки и детские рассказы, часто мы вместе придумывали истории и новые сюжеты для знакомых героев. Я помню, как в своё время мой папа на ходу сочинял сказки-были, воспитывая в нас с братьями лучшие человеческие качества, и поэтому во многом подражала ему, стараясь пробудить в Наташе не только любовь к чтению, но и уважение к общечеловеческим ценностям. И у меня это получилось, потому что твоя мама не просто любит читать, а в ней развиты любознательность, духовность и человеколюбие. Она до сих пор помнит те вечера, когда мы, удобно разместившись на диване, читали очередную сказку или придумывали новую историю для любимых героев. Я надеялась, что благодаря книгам не только я, но и моя дочь впитает в себя мудрость предыдущих поколений, возьмет на вооружение опыт книжных героев и это поможет ей обнаружить в себе, развить и до конца выполнить своё предназначение в жизни. Мне и твоей маме повезло, что в наше время ещё не изобрели компьютеров, интернета, социальных сетей, мобильных телефонов, не так фанатели от телевизоров, сериалов, различных шоу. Наши поколения развивались под влиянием книг, которые воспитывали в нас глубину, масштаб и трепетное восприятие мира. В наше время книги читали все: от мала до велика, и это считалось модно, полезно и хорошим тоном. И ведь действительно, книги плохому не учили, зато насколько качественно и гармонично они воздействовали на эволюционирующую психику, формируя в ней богатство внутренней информационной базы (эрудицию и жизненный опыт), расширяя кодирующие и декодирующие возможности речевых центров (словарный запас), тренируя память, развивая волю, обостряя восприимчивость и чувствительность нервной системы, дисциплинируя поведение и уже с периода дет-

ства выполняя смыслоопределяющую и целенаправляющую деятельность.

Но Наташа воспитывалась не только мной, Сашей и книгами. В наши времена трёхгодичный отпуск по уходу за ребенком не давали, поэтому я уже через два месяца после родов вышла на работу. С пелёнок воспитанием Наташи занималась государственная система образования. Воспитатели детского сада, потом учителя в школе, а в конце – преподаватели университета оказали существенное влияние на формирование её внутреннего мира. Как и всё моё поколение, я полностью доверяла государственному образованию, потому что в своё время на себе прочувствовала эффективность его воздействия. Я тесно общалась с Наташиной воспитательницей, Галиной Степановной, приятнейшей, умудрённой опытом женщиной, потом с первой школьной учительницей Наташи, Зинаидой Ивановной, педагогом старой закалки, всю свою жизнь отдавшей школе. Хорошие отношения у нас сложились и с классной руководительницей Наташи, Ниной Васильевной, несколько эмоциональным, но всё же глубоко любящим своё дело педагогом. Я всегда советовалась с ними, узнавала особенности поведения дочери, отношение к учёбе и успехи Наташи на всех этапах её развития. Мы выработывали с ними общую стратегию воспитательного воздействия, корректировали и направляли проявления её формирующейся психики, с самого раннего периода пытались обнаружить заложенные в Наташу способности.

Советская модель образования, с моей точки зрения, была очень грамотно организована и эффективна в воздействии. С одной стороны, меня – как маму – государство частично освободило от воспитания дочери и семейных забот, и я могла спокойно заниматься самореализацией и достижением поставленных жизненных целей, но с другой стороны, государственная модель образования делала

меня соучастницей образовательного процесса. Я всегда находилась в курсе всех изменений, которые происходили в эволюционирующей психике моей дочери, и через утренники, многочисленные школьные праздники, родительские собрания мы совместно с дочерью участвовали в её социальной адаптации. Поэтому я не могу сказать, что я что-то пропустила в развитии Наташи. Нет, благодаря взаимодействию с представителями государственных образовательных учреждений, их высокому профессионализму и чувству долга, взросление моей дочери проходило практически у меня на глазах.

Пока воспитанием Наташи занимались профессионалы, я уверено добивалась высот в научном мире – успешно защитила кандидатскую диссертацию, а чуть позже получила учёное звание доцента. В советские времена это являлось серьёзным достижением. А с учётом того, что и Саша к тому времени защитил докторскую диссертацию и стал главным научным сотрудником у себя в институте, государство нам выделило новую двухкомнатную квартиру в центре Киева. Как молодые учёные, мы на себе прочувствовали заинтересованность государства в нашем интеллектуальном труде, и поощряемые заботой и поддержкой коммунистической партии и советского народа продолжали покорять новые творческие высоты.

Оформлением квартиры, её благоустройством, как и организацией быта нашей семьи в целом, занимался Саша. Надо отдать должное – у него это получалось. Он решал материальные вопросы с таким желанием и охотой, как будто это составляло смысл всей его жизни. Возможно, в решении этих второстепенных, но, безусловно, важных для повседневного семейного благополучия вопросов Саша находил себя и своё место в наших семейных отношениях. Не знаю, во всяком случае, всё, что мы получили от государства и что имели из материальных благ – это

заслуга только твоего дедушки: он всё это инициировал, ходил по инстанциям, выпрашивал, оформлял, обустроивал. Я к этому не имела никакого отношения, потому что, если честно, ко всей этой суете вокруг постоянного улучшения быта относилась равнодушно. Лично я комфортно себя чувствовала и в нашей однокомнатной квартирке, к которой привыкла, и с которой меня связывало много памятных событий в жизни. По большому счету, мне для душевного комфорта хватало присутствия Наташеньки и тишины, которая позволяла мне читать и творить. Все остальные жизненные блага, за которыми люди так усильно гонялись даже в моё время, я воспринимала как излишество: приятное, но не обязательное.

С Сашей у нас установились равноудалённые, но уважительные отношения. Мы перестали с ним разговаривать по душам, делиться заветным и волнующим. Саша прилагал все усилия, чтобы растопить тот лед, который сковал развитие наших отношений. Он упорно пытался вернуть искренность и открытость в наши разговоры, окружить меня заботой, лаской, вниманием и нежностью, чтобы как раньше зажечь счастье в моих глазах, увлечь в совместный полёт, закружить в головокружительном венском вальсе. Но разрушить отчуждённость и настороженность во мне ему так и не удалось. Настенька, тень недоверия между нами пролегла глубоко и навсегда. Несмотря на все его усилия, и даже порой на моё желание, я уже не могла воспринимать его как раньше: без страха раскрывать глубины своего внутреннего мира, совместно проникать в корневище своего рода, а потом в семейном единстве восходить к жизни. Он уже не воспринимался мною как кумир и божество, воздух и жизнь, источник вдохновения и счастья. Даже при всём своём огромном желании я уже не могла рассмотреть в нём своего сказочного принца, который мог проникнуть в хрустальный замок моей души, найти и

вскрыть заветный ларец и собою обогатить смысл моего присутствия в жизни. Саша сам, своими руками сжёг мосты, ведущие к моему сказочному миру, сковав свой аватар кандалами прозаичности и будней. В какой бы теперь образ он не перевоплощался, какую бы роль не исполнял – мой внутренний мир был для него навсегда запечатан. Пытаясь представить Сашу в увлекательном и захватывающем образе своего единственного Мужчины, я вдруг наталкивалась на всплывающий в памяти образ испуганной овечки, забившейся в угол кухни и с вылитым на голову, растекающимся супом с лапшой. Только он начинал представляться как мужчина моей мечты, тут же вспоминался страх в его глазах и какая-то не мужская, подхалимская, дворовая суета вокруг меня, словно меня хотели не победить в честном бою, а охмурить, умиловить, одурачить. И все эти антагонистичные и преувеличенные образы-воспоминания почему-то не забывались, всегда держались наготове, и как преданные стражи моего душевного спокойствия возникали в самые неподходящие моменты, когда я уже оттаивала сердцем, начинала восстанавливать разрушенные мосты и открывать двери своей души для добрых вестей и желанных гостей. Но как гром среди ясного неба, неприятный до дрожи образ мужа-человекомассы, бил в набат, вызывал тревогу и звал на баррикады, что быстро отрезвляло и приводило меня в чувство. Я ментально замыкалась в себе, воинственно настраивалась и начинала оценивать поведение Саши уже трезво и расчётливо.

Настенька, я ценила Сашину заботу обо мне и дочери, и с благодарностью воспринимала его старания по созданию вокруг нас практически идеальных условий для самореализации и творчества. В глубине души я признавала, что трудно найти мужчину лучше, чем мой Саша: преданный, старательный, заботливый, послушный, работа-

щий, умный, без вредных привычек – все эти качества, собранные воедино, превращали его в мечту любой женщины. Но, внученька, печально то, что себя в этом списке поклонниц я не находила. Я перестала ему доверять, не видела в нём главу семьи – сильного духом мужчину, ведущего меня и моих детей по жизни. Разочаровавшись и обжегшись на доверии, я перестала рисковать и экспериментировать – то состояние обречённости и растерянности, которое я испытала, и особенно те страшные мысли о самоубийстве и конечности жизни, как выжженное табу навсегда сохранились в памяти. Теперь я доверяла только себе, а с остальными людьми, даже с мужем, выстраивала доброжелательные, но равноудалённые отношения. Даже с Надей, со своей единственной подругой, я всегда откровенничала в меру – так сильно боялась повторения тех ошибок и внутренних потрясений, которые уже испытала.

Настенька, если честно, то я вновь замкнулась в себе и как в далёкие годы юности начала выстраивать закрытую от окружающих жизнь своего внутреннего «Я». Только теперь, повзрослев и набравшись опыта, я строила свой внутренний мир основательно, масштабно и надолго. Мне никто не мешал, потому что муж думал, что я увлечена работой, а на работе считали, что я полностью посвящаю себя семье. Только Наташенька имела доступ в мой настоящий мир, и в этом мире ей отводилось почётное, царское ложе.

Всю мою жизнь того периода можно разделить на две неравные части: большая часть принадлежала дочери и её воспитанию, меньшая – работе. Моя работа в этот период времени представляла собой сплошные лекции, семинарские занятия, экзамены, конференции, заседания круглых столов, а также общественная и культурная работа: капустники, организация праздничных концертов, поездки в

подшефные хозяйства и многое другое. Она мне настолько нравилась, что я находила в ней свою отдушину, компенсирующую не совсем искреннее и гармоничное развитие отношений в семье. Больше всего мне нравилось общение со студентами. Я уже переросла уровень восхищённого молодого преподавателя, который учился вместе со своими учениками. Жизнь закалила меня, а обстоятельства существенно повлияли на мою философию, сделав её более прагматичной и приближенной к реальности. Настенька, я вступила в полосу зрелости. Знаешь, чем женщина отличается от девушки? Накопленным жизненным опытом и прагматизмом своего поведения. Насколько я знаю, ты рано начала жить половой жизнью, но ты так и осталась девушкой, потому что твои взгляды на жизнь остались наивными, иллюзорными и невыполнимыми. А на самом деле, внученька, *женщина – это не первый опыт половой жизни, не изменённая после рождения ребёнка физиология организма, а это приобретённый жизненный опыт, проникновение в содержание жизни, понимание своего места в семье и обществе.*

Мне понравилась роль женщины. 1970-е стали «золотым» периодом в моей жизни: я реализовывалась как учёный, как мама, как общественный деятель. Ученики боготворили меня, и я любила их. Внученька, в тот период времени в Киевский университет имени Тараса Шевченко попадала в основном талантливая молодежь, нацеленная на постижение глубин мира и основ человеческого существования, на творческую самореализацию с весомым конечным результатом. Сумасшедший конкурс отсеивал слабых и случайных. Студентами становились только целеустремлённые и эрудированные абитуриенты, иногда поступившие с третьего или с четвёртого раза, многие – отслужившие в армии и отработавшие на производстве, имеющие богатейший жизненный опыт. К студентам я

шла как на праздник, потому что они приходили на занятия не просто отбыть своё время и поприсутствовать телами, а за знаниями, умениями, вдохновением и пробуждением к творчеству. Уровень подготовки студентов оказывался настолько высоким, а настрой на знания таким зажигательным, что преподаватель находился в условиях непрерывного самосовершенствования и прогрессивного развития. Преподаватель не просто доносил информацию по специальности, а *соучаствовал* с аудиторией в совместном научно-исследовательском поиске, в проникновении в тайны мироздания, в попытках охватить целостность мира и обрести всевидение.

Своими вопросами студенты увлекали меня в неизведанные глубины познания, в которых мы вместе открывали несметные богатства классической русской литературы. Каждое новое занятие не повторяло предыдущее – я творила и пыталась подать студентам материал таким образом, чтобы они сами стали соучастниками описываемых событий. Мы всей аудиторией погружались в различные исторические эпохи, проникали в быт наших предшественников, пытались понять их нравы и настроения, мотивы поступков, аргументацию принятых решений. Словно на машине времени мы скользили от одного периода в жизни Российской империи к другому, раскрывая авторские замыслы, распутывая сюжетные линии произведений, отделяя зёрна от плевел, хорошее от плохого. Я учила своих студентов не только наслаждаться музой русской поэзии и симфонией характеров романов и повестей, но и, преодолевая магию слова великих писателей, проникать в глубину сюжетных линий, вдохновляться и обогащаться чужим опытом, мудростью и знаниями.

Моя творческая жизнь оказалась настолько насыщенной красочными событиями и проходила так увлекательно и интересно, что дни сливались в недели, недели – в

месяцы, а месяцы – в годы. Даже сейчас, перешагнув семидесятилетний промежуток своей жизни, я люблюсь тем периодом и нравлюсь сама себе – в нём нет ни одного похожего друг на друга дня, ни одного события, которое бы я отменила или же хотела заменить. Всё шло по плану – по мною написанному плану.

Письмо двадцать третье

Настенька, очередные потрясения, которые мне довелось перенести, и на которых я остановлю своё внимание, начались после тридцати лет. С тридцати до тридцати трёх лет жизнь словно испытывала мой внутренний мир на прочность, посылая одного чёрного лебедя за другим. Одна неприятность следовала за другой, трагедия менялась на беду, а за бедой приходило горе. Все эти болезненные неприятности требовали полной внутренней мобилизации сил и пересмотра мировоззренческих оснований. Не зря в народе тридцатитрёхлетний возраст считают важной вехой, которую немногие творческие люди достигают, а ещё меньше – преодолевают. Говорят, если перешагнёшь тридцатитрёхлетний возраст, значить и дальше жить будешь. Я перешагнула его, но каких усилий мне это стоило, каких внутренних переживаний, испытаний и разрушений...

Во-первых, едва мне исполнилось тридцать лет, как умер мой папа, твой прадедушка, Настенька. Но он не просто умер – он угасал долго и мучительно, в агонии, страданиях и в адских болях. Более трёх месяцев мы с мамой, братьями и близкими родственниками наблюдали за этими нечеловеческими муками, не в силах что-либо изменить и помочь ему. Все наши усилия и вмешательство врачей ни к чему не приводили, болезнь медленно разрушала его некогда сильный организм, причём делала это садистски, варварски, жестоко пытая и издеваясь над ним.

Внученька, со временем я поняла одно – нет ничего страшнее, чем наблюдать за тем, как умирает близкий человек, особенно когда ты видишь его нечеловеческие страдания, наблюдаешь за неравной борьбой с болезнью, разрушающей организм, читаешь в его глазах отчаянье и ужас, и при этом не в силах облегчить его участь. Папа с мамой много значили и до сих пор значат для меня и моей жизни. Несмотря на то, что они большую часть своей жизни отдали строительству советского государства, те редкие минуты нашего общения и единения навсегда сохранились в моей памяти. Они легли в основу моего мировоззрения, и мне кажется, что на уровне своего внутреннего «Я» я продолжаю существование своих родителей, тем самым продлив срок их присутствия в жизни. В моей памяти папа остался весёлым, жизнерадостным и беззаветно любящим меня человеком. Всё свободное время он отдавал нам, детям: играл с нами, помогал учить уроки, мастерил вместе с нами нехитрые игрушки. Что интересно, внученька, в моей памяти до сих пор свежи тысячи мелких и приятных воспоминаний, которые раскрывают глубину нашего общения, его заботу обо мне, наставления и советы. Для него я навсегда осталась единственной и любимой «дочей», которую, в отличие от сыновей, он всегда баловал и по возможности задаривал игрушками. Анализируя свой внутренний мир, я понимаю – насколько много во мне папиных мыслей, эмоций, поступков. Такое ощущение, что прежде чем уйти из жизни, папа переселился в меня и уже во мне продолжает жить, реализовываться, достигать поставленных целей. По-видимому, степень влияния родителей на детей и обеспечивает их социально-культурное бессмертие – они умирают телом, но особенностями мировосприятия, неповторимостью своих поступков, характерным поведением они продолжают жить в нас, в своих детях.

Умирая, преодолевая сильнейшую боль, разъедающую пороги чувствительности нервной системы, папа старался держаться мужественно, героически, по-мужски. Он прошёл войну, был ранен, и именно ранение привело его к этой неожиданной для нас, ранней смерти. Ведь пятьдесят девять лет для мужчины – разве это возраст? И, наблюдая за этой неравной борьбой отца с болезнью, за его желанием улыбкой прикрыть страдание и боль, шуткой подбодрить нас, стереть с наших лиц уныние и печаль, я вновь превращалась в ту маленькую девчонку, которая соперничала героям книг и кинофильмов, которая вслед за Александром Матросовым бросалась на амбразуру немецкого дзота и закрывала её своей грудью; которая как Ульяна Громова в составе подпольной организации «Молодая Гвардия» боролась с фашистами, а потом, схваченная гестапо, молчала под пытками. Я умирала вместе с Ульяной от адской боли, от жестоких пыток, с пятиконечной звездой на спине, которую гестаповцы выжигали на моём девственном девятнадцатилетнем теле, с поломанными руками и рёбрами, но так и не выдав мучителям своих товарищей по подполью.

Маленькая моя, у изголовья умирающего в муках отца, глотая слёзы и преодолевая спазмы в горле, я поклялась, что моя дальнейшая жизнь будет посвящена ему, что в этой жизни я сделаю всё, чтобы он там, на том свете, гордился мной и понимал, что свою жизнь он прожил не зря. Я поклялась, что продолжу начатое им – сделаю всё для своей Родины.

Смерть папы в самом расцвете сил заставила меня предметней задуматься о смысле человеческой жизни. Я стала чаще задавать себе сложные вопросы, которые раньше возникали в моём сознании, но как-то не задевали и не задерживались. А сейчас вопросы: «Зачем мы рождаемся на свет, и что должны сделать в благодарность за рожде-

ние?»; «Каково наше предназначение в жизни и чем оно обусловлено?» – стали насаждать, преследовать, заявлять о себе, причём как-то неожиданно, тревожно, как пронзительный звонок в дверь среди глубокой ночи. И от них становилось почему-то муторно, тоскливо, неудобно, ведь я тоже прожила больше тридцати лет, а что сделала и что оставила после себя важного и ценного для людей и жизни? Оглядываясь назад, на свой прожитый путь, я впервые засомневалась в эффективности своего существования, в плодотворности и значимости своей деятельности. Несмотря на то, что на тот момент я уже достигла очевидных и признанных в обществе успехов, во мне возникла неудовлетворённость масштабом реализации заложенных в меня творческих потенциалов. Мне захотелось углубить своё проникновение в содержание мироустройства, раздвинуть мировоззренческие горизонты и больше познать чего-то объёмного, важного, выходящего за пределы привычного и устоявшегося.

Смерть папы пробудила во мне желание окунуться в мир философии, осмыслить фундаментальные и основоопределяющие категории мира, жизни и человеческого существования. Я пришла к пониманию того, что чем масштабней я стану смотреть на мир, чем глубже проникну в перманентное развёртывание материи, тем впечатляющей и весомей окажется моя повседневная деятельность, тем значимей и грандиознее осуществится моя самореализация. Я и раньше избегала обыденности и мелочности поступков, копирования и повторяемости действий. Я всегда старалась делать то, что следовало из моего внутреннего мира, что являлось продолжением моих убеждений, выводов и взглядов. Но наблюдая за умирающим отцом и осмысливая сделанное и оставленное после себя в жизни им и мной, я пришла к пониманию необходимости ещё большей индивидуализации своих поступков,

ещё большей их свободы и независимости. Теперь мне хотелось не только постигнуть максимум доступной информации и довести собственную эрудицию до образцового совершенства, но впервые во мне пробудилась потребность отдавать – возвращать людям накопленное во мне, переосмысленное и обогащённое. Внученька, во мне зрела новая философия: не просто добиваться гармонии между высокоразвитым умом, утончённо-восприимчивой душой и здоровым, эстетически красивым телом, но и использовать богатство и совершенство внутреннего мира во благо людей, общества и цивилизации. Во мне проснулось огромное желание научиться возвращать людям сторицей то, что взяла у них, на чём выросла, что заложили в меня по ходу воспитательного процесса и развития личности.

Настенька, чтобы лучше разобраться в себе, раздвинуть внутренние горизонты и увеличить масштаб своей деятельности, я с головой окунулась в изучение русской философии. Космические идеи Саши, которые я впитала и уже связала с русской литературой, нашли свое продолжение в более масштабных и всеохватывающих философских идеях, которые существенно перекроили моё мировосприятие. Подстёгиваемая мучительным угасанием жизни отца, разбуженными сомнениями и тревогами, я пыталась найти успокоение и прозрение в текстах русских философов. Читая проникновенные рассуждения о космизме, софиологии, соборности и метафизичности мира, я открывала для себя ещё более глубокий мир духовного единения людей и понимания жизни не как планетарного явления, а как космической силы, корнями уходящей в запредельное бытие и туда же выходящей своей активностью. Работы Владимира Соловьёва, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Павла Флоренского, Ивана Ильина и многих других российских философов не только обогатили моё мировосприятие и углубили проникновение в содер-

жание жизненных процессов, но и помогли обрести новые точки опоры в жизни, прочнее связали меня с бытием, как присутствием человека в мире. Наблюдая за смертью отца, во мне очередной раз, но на порядок настойчивее пробудилась потребность в понимании *СМЫСЛА*: смысла деятельности, смысла жизни. Проникновение в смысл, соприкосновение с запредельным и основоопределяющим не только наполняло человеческую жизнь содержанием, но и направляло её, ориентировало на достижение более значимых и ценных для человечества целей деятельности. Переосмысливая свои прожитые годы и настоящее, я пришла к пониманию того, что смысл человеческой жизни заключается *в борьбе за содержательность присутствия в материальном мире, за максимальное воплощение прописанного в психике предназначения, обогащающего и содержательно наполняющего отрезок времени между рождением человека и его смертью.*

Но больше всего меня поразило открытие, что русская классическая литература и русская философия очень близки между собою, поэтому авторы классических литературных произведений признавались философами, а русские философы писали глубокие по содержанию, гениальные и неповторимые художественные романы. Я вдруг открыла для себя, что русская классическая литература настолько глубока и содержательна, что практически граничит с профессиональной философией, обогащая её сюжетами, характерами и поступками героев. Классическая русская литература примерами и доступным прочтением образов приоткрывает вход в профессиональные круги философов широким массам читающих, ищущих смысл своего присутствия в мире. Философия как знание избранных, *интеллектуальной элиты*, благодаря прозрению и глубине проникновения русской классической литературы стала доступней и познаваемей для читающей аудитории.

Люди, открывшие богатство русского языка, проникнувшие в сюжетные линии классических русских произведений, становились просвещёнными, просветлёнными и посвящёнными в тайны бытия и человеческого присутствия в нём. В народе их так и называли философами – любящими мудрость и стремящимися к всевидению. Русская классическая литература оказалась преддверьем философии, – мира, в котором знания граничат с предвидением, интуиция с фантазией, а масштаб восприятия настолько зашкаливает, что преодолевает не только планетарные границы, но и космические, увлекая в существование Мультивселенных и параллельных миров...

Во-вторых, за смертью папы, почти сразу, последовала серьёзная болезнь Наташеньки. Это как напасть: если накатилась одна беда, за ней следом ринутся другие. Только похоронили отца, справили поминки, как Наташа заболела корью, причём серьёзно, с осложнениями. Я больше месяца пролежала с ней в больнице и такого там насмотрелась, что не дай боже другим увидеть. Ночами, с тревогой наблюдая за бредящей дочкой, прислушиваясь к её хриплому дыханию, я задавала себе всего один вопрос: а вдруг и дочка умрёт, что мне одной делать в жизни?

Настенька, когда одна беда подстёгивает другую, когда ты захлёбываешься от наплыва сомнений, тревог и страха перед будущим, причём без возможности передохнуть, набраться сил – жизнь воспринимается в совершенно иных тонах, словно приоткрывая своё истинное содержание. Ты словно находишься в бушующем океане социальных коммуникаций, и набегающие волны противоречивых интересов, конкуренции, меркантильности, стяжательства, выгоды усложняют твой путь к солнцу: нравственному, ценному и смыслообразующему. Ты борешься, гребёшь изо всех сил, но силы зла сильнее. Они затягивают тебя в круговорот событий, и ты понимаешь, что идёшь ко дну,

что уже вместо воздуха глотаешь солёную воду, и, теряя сознание, за шаг от гибели, ты устремляешь последний, прощальный взгляд вверх, к своему солнцу, и в это мгновение, как прозрение, как божественное озарение, тебе открывается обнажённый, пульсирующий страстями, клокочущий событиями пласт человеческой жизни. Ты словно единым взглядом в целом и движении охватываешь поток бытия человека, запечатлевая его из глубины и со стороны. И в этот момент на тебя снисходит просветление – тебе открываются тайны человеческого существования, которые калейдоскопом выстраивают готовые ответы на многие определяющие вопросы, мучавшие тебя в критические минуты жизни. Для многих людей это просветление является прощальным аккордом их жизни, подарком судьбы, которым они уже не в состоянии воспользоваться, что-либо исправить, добавить, перечеркнуть и тем более начать сначала. Но единицам, счастливчикам, судьба иногда благоволит – они выкарабкиваются из бездны, вырываются на поверхность и, судорожно глотая настоящий воздух, начинают жить по-новому, уже *просветлёнными*. Именно такой, просветлённой, я перешагнула тридцати трехлетний промежуток своей жизни.

Но чего мне это стоило! Чтобы получить это божественное откровение, мне пришлось упасть на самое дно человеческого невезения, осуждения и презрения. Только Наташенька пошла на поправку и нас наконец-то выписали из больницы, дома меня ждала новая беда, третий «чёрный лебедь» за последние два года – твой дедушка запил. Причём не просто запил, он быстро, прямо на глазах стал превращаться в хронического алкоголика. Это потом я узнала, что психика слабых людей подвержена алкоголизму, наркомании, токсикомании и т. п. А поначалу я долго не могла понять, неужели Саше трудно удержаться, не напиваться, прийти с работы домой трезвым.

Я устраивала скандалы, лезла в драку, собирала вещи и уходила с Наташей. Он клялся, ползал за мной на коленях, вымаливал прощение. Всё это происходило на глазах у ревущего ребёнка. Наши отношения превратились в ад, а пространство семьи – в пекло. От всех этих скандалов, неопределённости, проблем я чувствовала, что схожу с ума. Я понимала, что дальше так жить нельзя, потому что всё это видит ребёнок, всё это откладывается в его памяти, отражается на чувственно-эмоциональной деятельности его психики.

Милая моя, чтобы ты лучше поняла глубину проблемы, расскажу тебе следующее: с середины 1970-х годов в истории СССР начался период застоя. Это значит, что жизнь для двухсотпятидесятимиллионного населения Советского Союза практически остановилась – мы ели, спали, творили, размножались, но всё это происходило в замкнутом пространстве отдельного государства. Нас ограничили в передвижении за границы этого государства, изолировали информационно, и мы не сильно понимали, что на самом деле происходит в масштабах земной цивилизации. Мы жили замкнутой жизнью советского государственного строя, не понимая в полной мере, что творится в мире, как живут другие народы, что их волнует, куда они идут. Нас берлинской стеной отгородили от остального, так называемого капиталистического мира, запретили думать о материальном и личном, но взамен оставили небольшой список утешений. Первое место в этом списке занимал алкоголизм. Любой праздник, любое маломальское событие сопровождалось обильным распитием спиртных напитков: водки, самогонки, коньяка, портвейна. Застолья вошли в традицию советского народа, хлебосолье стало общенациональным достоянием, водка, самогонка и горилка – культурной ценностью. Про то, как надо пить и сколько пьют советские люди, снимались фильмы, писали

газеты, говорили по радио. Мы этим начали даже гордиться, возводить в культ, потому что русского человека никто не мог перепить. Напиваться в компании обязывали всех, без исключения, без жалоб на здоровье и другие причины, иначе нарушались традиции и ты выпадал из культурной программы мероприятия. В стране пили от мала до велика, женщины и мужчины, на работе и дома, руководители и подчинённые. Я знала многих людей, которые трезвыми выглядели неузнаваемо: заторможенными, поникшими, обрюзгшими, депрессивными. Но стоило им выпить, «опохмелиться», они преображались: становились активными, деятельными, креативными.

Повальное пьянство накрывало страну, ещё больше обособляя её от культуры передовых государств мира. Алкоголизм приводил не только к умственной и физической деградации граждан СССР, но и разрушал основу социалистического общества – семью. На моих глазах из-за пьянства распадались крепкие, ранее дружные семьи. Больше всего я боялась, что эта эпидемия затронет и мою семью. И так оно и случилось. Внученька, я уже признавалась тебе в том, что твой дедушка оказался не настолько силен характером, как мне хотелось, но, тем не менее, мне долгое время удавалось уберечь его от пропасти алкогольной зависимости. Нечего скрывать, иногда он срывался, приходил домой выпившим, но зная мою принципиальность и понимая, что я в любой момент соберу вещи, заберу Наташу и уйду от него, он держался. Я знала, чего это ему стоило, потому что работа в академических научных заведениях того периода времени – это постоянные посиделки с обилием водки и минимумом закуски. Мне несколько раз пришлось сорвать их «планёрки» и «собрания», показать свой характер его коллегам, прежде чем они усвоили, что лучше со мной не связываться. Моя «стервозность» до определённого периода спасала Сашу, и «старшие това-

рищи» его не так спаивали, как других молодых специалистов. Чтобы ты понимала, в наше время компания из трёх-четырёх человек за несколько часов легко выпивала четыре-пять пол-литровых бутылок водки, закусывая одним яблоком, разрезанным на множество мелких долек. Заканчивалась выпивка, но несколько долек яблока ещё оставалось – это считалось хорошим тоном.

Но продолжительная болезнь отца, а потом и дочери, заставили меня длительный промежуток времени провести вне дома, а этого хватило для того, чтобы Саша покатился по наклонной. Он полностью утратил контроль над собой и его теперь уже ничто не пугало – ни развод, ни нищета, ни ранняя смерть. Настенька, алкоголизм, как и наркомания – это болезнь, причём страшная и коварная. В отличие от других болезней, в ней очень легко перешагнуть точку невозврата – когда нарушаются биологические процессы в психике и патология организма воспринимается психикой как норма. Алкоголик не понимает, что он больной, потому что для него это нормальное состояние. Для его психики и организма патологичным становится естественное состояние организма и общепринятые нормы здоровья.

Наблюдая, как низко пал мой супруг, пока я боролась за жизнь отца и дочери, первое, что приходило на ум – самой уйти или выгнать его из дому, развестись и поставить все точки над «и». Но я понимала, что это было самое простое и скороспелое решение, но насколько правильным являлось оно? Меня одолевали сомнения. Разве честно бросить больного? Разве можно оставить в беде человека, с которым я на тот момент прожила почти восемь лет? И как Наташе расти без отца? Наблюдая, как грязный, заросший, еле ворочающий языком муж пытался умничать на кухне, рассказывал мне о своих правах на меня и квартиру, о том какая я плохая и неблагодарная жена, я с под-

ступающим отчаянием пыталась понять: нужно ли мне втягиваться в эту новую борьбу за его спасение, или разрушить семью и дальше по жизни пойти одной? Нужны мне эти новые испытания, или пора остановиться и начать думать только о себе и дочери?

Внученька, я долго размышляла, взвешивала, но так и не смогла бросить Сашу. Как я себя не уговаривала, но развод с этим уже практически больным человеком напоминал мне откровенное предательство и бегство, а я боялась предавать, потому что знала, что меня замучает совесть. Поэтому, вопреки рассудку и очевидности, отложив в долгий ящик свои планы на жизнь, восприняв свой крест как подвижничество и долг, я стала бороться с алкоголизмом мужа. Я уговорила себя: ведь не хулиганил мой Саша пьяным, не дрался как другие, а только умничал и учил жизни. Да и Наташеньку сильно любил: каким бы пьяным не приползал домой, но обязательно, хоть конфетку, но дочке приносил. Я придумала своему нелогичному решению оправдание – ради дочери силой притушив свои амбиции и цели, я не развелась и не разрушила семью, а продолжила жить с Сашей под одной крышей и бороться за его выздоровление.

Настенька, я больше года стойко и терпеливо несла этот крест, снося оскорбления и ругань в свой адрес, перестирывая его заспаные и испачканные рвотой штаны и рубашки, пытаюсь контролировать каждый его шаг, потому что ради ста грамм он выносил из дома на продажу свои, мои и даже Наташины вещи. Мне пришлось до минимума свести время общения с дочерью и забыть о своём творчестве, потому что на меня одну свалилось решение семейных проблем и вопросов быта. Наша семья дошла практически до нищеты, потому что Сашу за прогулы выгнали с работы, и мы втроём жили на одну мою зарплату. Я впервые открыла для себя значимость денег, потому что

на содержание семьи у меня их почему-то катастрофически не хватало. В поисках дополнительных заработков я бралась за переводы и выполняла тупую механическую работу, которая вызывала во мне тошноту и отвращение. Но я нуждалась в деньгах, как кошмар меня преследовали сотни первоочередных покупок, поэтому, заставляя и насилюя себя, растапывая свою гордость и предубежденность, я переводила чужие тексты, редактировала бездарные работы, писала за кого-то научные статьи и речи. Словно робот, я бралась за любую оплачиваемую работу. Постоянно работая на износ, моя нервная система находилась на грани срыва – я никогда до этого и никогда после этого не выполняла такой объем ненавистной, раздражающей и унижающей мой профессиональный уровень работы.

Но дома меня ожидал ещё худший кошмар: требующая внимания и взрослеющая без меня дочь и поиски где-то затерявшегося в подворотне пьяного мужа. Внушенька, я изучила все значные места и закоулки в ближайших кварталах, потому что, возвращаясь с работы, мне часто приходилось обходить дворы, выискивая беспомощное, валяющееся в грязи тело своего опустившегося супруга. Водка держала Сашу крепко, превратив его здоровое спортивное тело в ослабленный, истощённый организм старца. Уставшая, вымотанная работой и жизнью, пряча глаза от пытливых и осуждающих взглядов соседей, краснея от насмешек случайных прохожих, я чуть ли не каждый день затыгивала на третий этаж сопротивляющееся и возмущающееся тело мужа. И вместо того, чтобы помочь дочери с уроками, выслушать её и вникнуть в её проблемы, я стирала испачканные Сашины вещи, готовила есть, отпаивала его рассолом, а потом, словно выжатый лимон, проваливалась в кошмарные сны, даже не успев раздеться. Внушенька, так проходили мои будни, и не только я одна,

а многие русские женщины растворялись в семейных заботах, в самопожертвовании и отречённости, убивая свои таланты и прописанные предназначения.

В конце концов, я добилась своего – вырвала Сашу из пекла болезни, спасла от верной гибели, при этом сама оказавшись на обочине жизни. Я вымоталась и устала настолько сильно, что уже просто не оставалось сил на саму жизнь. Ведь ради спасения Саши мне пришлось оставить все свои творческие проекты, вести совершенно чуждый и неприемлемый для меня образ жизни, тратить время на достижение целей, несовместимых с направленностью моего внутреннего «Я». Я вычеркнула почти полтора года своей жизни, подорвала здоровье, притупила восприимчивость своей нервной системы, разучилась радоваться новому дню. Я отчётливо почувствовала, что уже не живу, не руковожу своей судьбою, а просто существую: по наезженной колее перекаtywаясь из месяца в месяц, из года в год. Я начала жить так, как жили многие в Советском Союзе: работа-дом, дом-работа, и так изо дня в день, теряя смысл жизни, позабыв о высоких целях и предназначении, медленно, но неуклонно превращаясь в человеко-массу.

Письмо двадцать четвёртое

Но и это оказался далеко не предел моих испытаний. Ещё один чёрный лебедь подстерегал меня и выжидал удобного случая, чтобы опрокинуть меня, сломать и превратить в жалкое подобие разумной материи – слабое и безликое существо, безвольно влачащее существование от зарплаты до зарплаты, от праздников до отпуска. Теперь я понимала, что означало прожить жизнь в четыре шага: детство, работа, пенсия, смерть. Грустно, но вся моя жизнь теперь представлялась сплошной работой: в университете, в семье, по домашнему хозяйству. В университете я вынужденно отработывала свою зарплату – разменивала время своей жизни на денежный эквивалент; в семье – потому что я мама и кроме меня некому приготовить покушать, убрать, постирать, да ещё помочь выучить уроки и уделить внимание.

Погрязнув в семейных заботах и подчинившись обстоятельствам, я постепенно теряла веру в себя: прозаичней становились цели, беднее мечты, расплывчатым предназначение в жизни. Я уже не заботилась о качественной самореализации, перестала думать о высоких материях, философствовать о мироустройстве, роли русской культуры в истории цивилизации. Мои мозги решали иные проблемы: где купить мяса в пельмени, где взять деньги на ремонт обуви, как незаметно зашить порвавшиеся колготки, поиском блата для получения путевки в пионерский лагерь в Дагомыс на Чёрное море. Я превращалась в

человека-потребителя, который хватал первое попавшееся благо и сразу тянулся за следующим, не совсем понимая его предназначение и необходимость. Но так делали все, и я начала повторять за ними – так оказалась проще жить, да и времени оставалось всё меньше и меньше на осмысливание никчемности своего существования.

Саша избавился от алкоголизма в тот самый момент, когда я потеряла на это всякую надежду. Это произошло не сразу, а постепенно: то возрождая во мне надежду, то безжалостно втапывая её в грязь. Он не перестал пить – в сложившихся социальных условиях этого никто не мог сделать, потому что непьющий человек практически превращался в изгоя. Саша научился контролировать себя, включать тормоз, мобилизовывать волю и находить в себе силы останавливаться в самом начале праздничного застолья. После двух-трёх рюмок он прекращал пить, и заставить его накатить очередную «последнюю» рюмку водки уже никому не удавалось. Иногда он приходил домой выпившим, иногда просто с запахом, но чтобы напиваться до потери сознания, до судорог и рвот – такое прекратилось. В борьбе с пьянством мужа мне помогло его пошатнувшееся здоровье. Как-то в момент его прояснённого сознания мои наставления вошли в связь с очевидными патологиями, всё чаще проявляющимися в ослабленном организме мужа, и в Саше вновь проснулось желание жить. Видимо, он воочию увидел приближающуюся смерть, и решил отложить встречу с нею на более позднее время. Хотя раньше, в запое или после него, он казался совершенно невосприимчивым к смерти.

Пробудившееся в Саше желание жить вновь вернуло его в семью, и он уже трезвыми глазами взглянул на то полунищее состояние, до которого он нас с Наташенькой довёл. По большому счету, то, что он раньше заработал своим интеллектом и настойчивостью, те излишества,

которыми обставил нашу квартиру, за время болезни он сам же продал и пропил. Чайные сервизы, хрусталь, книги, бытовая техника, картины – он всё вынес на барахолку Птичьего рынка и продал за копейки. Годы жизни вкладывать в вещи, чтобы потом от них так легко избавиться – видимо, эта мысль тоже повлияла на его выздоровление. Во всяком случае, в дальнейшем, ко всем материальным ценностям, которые Саша приобретал в квартиру, он относился с большим уважением и они перестали исчезать из дому. Саша вновь устроился на работу и с ещё большим рвением, не покладая рук стал трудиться во благо семьи.

И казалось бы, жизнь наладилась: вернулись достаток и покой, накал страстей угас, обстановка в семье нормализовалась. Но не успела я оттаять душой и восстановиться, не успела вдохнуть свободу и подумать о себе, как неожиданно для себя заметила, что Наташенька стала больше тянуться к отцу. Ей уже шёл девятый год, она ходила в школу, училась на отлично, росла примерной и доброй, не по годам самостоятельной, но если раньше она всегда помогала мне, тянулась ко мне, жалела и успокаивала, то в последнее время внимание ребёнка переключилось исключительно на отца. Я действительно в последние несколько лет оказалась слишком занята семейными хлопотами и утратила душевную связь с дочерью. Я замечала, что Саша в любых состояниях – трезвый, выпивший, пьяный – баловал Наташу и тянулся к ней. Казалось, он отдавал дочери все тепло, нежность и ласку, которые предназначались мне, и которые я с завидным постоянством отвергала. Они всегда о чём-то шептались, секретничали, что-то сооружали, мастерили, решали, писали. Я могла это пресечь, но не хотела, потому что боялась, что его внимание вновь переключится на меня, а я не хотела этого: меня раздражал его вид, тошнило от запаха перегара, бесила его небритость и неопрятность, отвращало его заигрывание и лесть. Я

была готова на всё, лишь бы он только не попадался мне на глаза, потому что только я знала, на какие жертвы мне пришлось пойти, чтобы сохранить нашу семью. Вот он и прятался за дочкой, которая в отличие от меня начала его жалеть, понимать и прощать. Даже когда он выманивал у неё деньги на «опохмелиться», она не признавалась мне, и я узнавала об этом случайно, да и то не про все случаи.

Я знаю, что в сближении дочери с Сашей в первую очередь виновата я сама. Если раньше я уделяла Наташе много внимания, старалась расширить её кругозор, ездила с ней на экскурсии, ставила её в центр своей Вселенной, то продолжительная болезнь отца и необходимость находиться с ним рядом, потом его смерть, алкоголизм мужа и борьба за его спасение, свалившиеся бытовые проблемы, необходимость кормить семью и гоняться за дополнительными заработками, нас отдалили. Все эти события в общей сложности вычеркнули из моей жизни почти три года. Мне казалось, что это время длилось десятилетиями, но оно заняло три нескончаемых, кошмарных года. Я уставала, выматывалась, разрывалась на части, чтобы успеть залатать дыры в семейном бюджете, чтобы наша семья жила не хуже, чем другие семьи, чтобы моя дочь как минимум имела то, что и её одноклассницы. И пока я, загруженная работой, что ломовая лошадь пахала во благо семьи и дочери, она выросла, требовала к себе внимания и заботы, ласки и тепла. Кто это ей всё давал, кто уделял ей время и внимание – к тому она и тянулась. Как правило, этим занимался Саша, который выпивший проскальзывал в квартиру и чтобы не попадаться мне на глаза, закрывался с Наташей в детской. Он знал, что при Наташе я не стану скандалить, ругаться, поэтому, прикрываясь дочерью, долго не отходил от неё, часто засыпая на полу в её комнате. Уставшая и обессиленная укладываясь спать, я обнаруживала на полу в детской комнате храпящего мужа

с бережно подложенной под голову детской подушкой и укрытым Наташиным одеялом, а рядом свернувшуюся в калачик спящую дочку. Но почему-то меня эта картина никогда не умиляла.

Я долго мирилась с этой «дружбой» ещё и потому, что не придавала ей значения. Мне казалось, что у меня растёт далеко не глупая дочь, которая понимает место и значение в семье мамы-груженицы и пьяницы-отца, что она видит – как много и тяжело мне приходилось работать, чтобы прокормить семью. Домой я возвращалась как на каторгу, потому что знала, что дома меня ждут одни и те же проблемы: пьяный муж, грязное бельё и кухня. В таком ритме к вечеру у меня не оставалось ни сил, ни желания уделить внимание дочери: играть в её игры, разыгрывать придуманные ею истории, рассказывать сказки и делать с нею уроки. Я уставала настолько, что еле держалась на ногах. Я превратилась в зомби – что на работе, что попадая в квартиру, я день за днём выполняла одну и ту же механическую работу: там – читала лекции, проводила семинары и принимала экзамены, здесь – стирала, убирала, готовила кушать, кормила дочь, мыла посуду, а потом проходила в комнату, сваливалась на диван и, замкнувшись в себе и в своей внутренней боли, смотрела кошмарные сны. Внушенька, я не спала – ночью мой обезжизненный и избитый обстоятельствами мозг терзали кошмары, преследовали ужасы, разъедала тревога. Довольно часто я просыпалась ночью от собственного крика или страха и обнаруживала, что, вся мокрая от пота и жара, мечусь по дивану, едва не сваливаясь на пол.

Иногда я пыталась отрешиться от тяжёлой нравственной атмосферы в нашей семье, от превратившейся в рутину работы, от нелюбимого мужа и необходимости мириться с его присутствием рядом, от свалившихся на мою голову бытовых дел, на которые уходили часы моей жизни, но

которые по мере решения не только не заканчивались, а наоборот, приумножались, выстраивались в бесконечную очередь и требовали срочного решения. С каждым днём рутина засасывала меня как в болото, мелочи наваливались и распыляли мою деятельность, я постоянно что-то делала, чем-то занималась, но совершенно не замечала результатов своего труда, словно и не происходило этого ежедневного надрыва и фанатичного желания успеть сделать всё быстро и качественно. Я чувствовала, что настоящая жизнь проходит мимо меня, а я остаюсь на обочине, загруженная чем-то второстепенным и кроме меня никому не нужным. И это понимание вызывало безысходность и обезличивание, пробуждало неудовлетворённость, раздражительность и агрессивность. Я медленно превращалась в скандальную, вспыльчивую и неуравновешенную женщину-неврастеника. Повседневные события настолько приелись и надоели своим однообразием, что я перестала отмечать их и фиксировать в памяти, и дни тут же слились и потекли сплошной, неделимой чередой. Мне уже не удавалось вспомнить события прошедшего дня, я не могла выделить достижений закончившегося месяца, но самое страшное – я не знала, что выдающегося я достигла в ушедшем году. Я разучилась радоваться предстоящему дню, потому что после череды разочарований убедилась в том, что ничего нового и хорошего он не приносит. Уже к обеду я уставала настолько, что с нетерпением ожидала вечера: мечтала об одиночестве, тишине, книгах и мирно играющей на полу Наташеньке. Но вечером, иссушенная монотонными, повторяющимися и никогда не заканчивающимися хозяйственными заботами, я забывала о книгах и дочери и мечтала только о сне, чтобы остановить и вырвать из памяти этот слишком растянувшийся день. Но даже эту мечту я не могла воплотить, поэтому, не в силах заснуть из-за храпа пьяного мужа и раздражающего

запаха перегара, я с нетерпением и нарастающим отчаянием ждала наступления утра, чтобы убежать на работу, загрузить себя ненужными делами, забыться в действии и спрятаться среди людей.

Настенька, я чувствовала, что теряю себя как личность, что перестаю принадлежать себе и самостоятельно вершить свою судьбу. Обстоятельства начали руководить мной, определять мое поведение и поступки, вести по жизни, заставляя делать то, что я не хотела и не должна была делать. Потребность в реализации прописанного в психике предназначения перестала доминировать и уже давно не лежала в основе моего поведения. Я даже перестала чувствовать необходимость следования ему, потому что в моей психике уже доминировало не сознание – в ней властвовало подсознание, стадные рефлексy, инстинкты самосохранения. Уже много дней подряд я просыпалась и засыпала только с одной мыслью: только бы выдержать, не сломаться, не попасть в психушку. Вместо философии, космоса, предназначения, смысла жизни, меня преследовали вопросы: «Где бы подзаработать?», «Напѣтса Саша сегодня или придѣт выпившим?», «Где одолжить деньги, чтобы отремонтировать порвавшиеся сапоги?», «В чѣм Наташенька пойдет сегодня в школу?» И этих бытовых, мелочных, повседневных вопросов с каждым днѣм становилось всё больше и больше. Они забивали голову, отвлекали от природного и масштабного, зреющего в душе, забирали время и здоровье, и не решались, а наоборот, плодились и безудержно размножались, удваиваясь в геометрической прогрессии.

И самым обидным оказался результат всей этой суеты – предательство дочери. Со стороны оно выглядело совсем безобидно: в субботу, уже взявший себя в руки муж, в знак примирения или искупления своей вины предложил

мне сходить с ним в кино, продемонстрировав уже заранее купленные два билета.

– А Наташу куда? – с недоумением спросила я.

– К Наде отправим. Я сам её к ней отведу.

Но мне это предложение не понравилось. Я понимала, что слишком мало уделяю внимания дочери, поэтому на выходные планировала сводить её в зоопарк или в то же кино. Если идти, то нужно идти вместе. Я объяснила свою позицию Саше и занялась хозяйственными делами: стирала, убирала, готовила кушать. Я спешила закончить с делами быстрее, чтобы после обеда посвятить себя дочери. Но за обедом, сияя от счастья, дочь заявила мне:

– Мама, мы с папой вечером идём в кино.

Эта новость прозвучала как гром среди ясного неба. Я попыталась объяснить Наташеньке, что планировала провести время с ней, что ради неё отказалась от этого фильма, но Наташа закатила истерику и, не докушав борщ, собралась и ушла с папой на весь вечер.

Меня её поступок обидел до глубины души. Я не могла простить Сашу, но особенно неприятно меня поразило поведение дочери. Это случилось накануне моего тридцатитрёхлетия и совершенно выбило меня из колеи. Я не знала, как себя вести, что делать, как спастись? Я запуталась в себе и уже давно стала совершать нелогичные поступки, перечень которых тут же услужливо выстроился в памяти. Во-первых, я давно потеряла Сашу как мужа, друга и партнёра по жизни, но при этом зачем-то ради его спасения отказалась от своих планов на жизнь. Во-вторых, непонятно зачем я взвалила на себя решение бытовых проблем, выполняя по дому всю мужскую и женскую работу, но при этом все члены семьи вместо благодарности и понимания стали воспринимать моё самопожертвование как должное. В-третьих, всеми силами сохраняя семью ради дочери, я обнаружила, что дочери дороже и ближе отец, чем я со

своими проблемами и интересами. Только теперь до меня дошло понимание, что я уже давно потеряла чувственно-эмоциональную связь с Наташей, что, рассчитывая на её понимание и мудрость, я не учла главного – Наташа ещё ребёнок, поэтому папа, бездельник и пьяница, на порядок больше посвящая ей время, стал для неё ближе и роднее. А мама, которая все это время как вол тянула воз семейных забот, но при этом не уделяла дочери достаточно внимания, осталась на втором плане.

Чёрный лебедь проявил себя во всём блеске уничтожающего открытия: моё самопожертвование во имя идеалов семьи и дочери – это такая же иллюзия и самообман, как и мои предшествующие выборы. Оказывается, даже в тридцать три года, вступив в полосу зрелости, я продолжала совершать те же ошибки, что и раньше, реализуя себя в безнадёжных и далеких от реальности проектах.

Разочарование, боль, утрата как шквал налетели на уже уставшее внутреннее «Я» и словно затушили в нём огонь жизни. Внутри всё замерло, остановилось, заполнилось мраком и тишиной. И только одна мысль продолжала слабо пульсировать, отбивая SOS: во имя чего мне осталось жить? Ради мужа? Но он слабый и больной человек. Ради предназначения? Но оно представлялось теперь каким-то призрачным и недостижимым. Ради семьи? Но разве семья – это усилия одного человека? Ради дочери? Но если дочери интересен отец и совершенно безразлична мама? Тогда, что ещё меня привязывает к жизни? И с подступающим ужасом, словно всматриваясь в бездну, я обнаружила, что не могу найти ответа на поставленный вопрос. Оказалось, меня совершенно ничего не связывало с присутствием в мире жизни.

Письмо двадцать пятое

Настенька, развязка охвативших меня страданий и мучений наступила в понедельник. В субботу я с горечью и с нарастающей внутренней болью наблюдаю, как муж с дочерью вернулись поздно вечером, и как счастливая Наташа ни на шаг не отходила от Саши, заснув прямо у него на коленях. В воскресенье уже с отчаяньем и тоской я как в тумане обнаружила, что Наташа, только проснувшись, уже оделась и собралась с папой в зоопарк, даже не пригласив меня с собой. Возбуждённая и радостная, она бегала по квартире, не обращая на меня никакого внимания, а потом выбежала на улицу, даже не попрощавшись со мной. Поведение дочери с Сашей воспринималось мной как заговор, месть, и они добились своего – весь день я прорыдала, уткнувшись в подушку, оплакивая тот мир, который я возводила в себе – мою сказку с Наташенькой в центре. Наташа не захотела жить в моём мире, покинула царское ложе и как муж предала меня. Я снова осталась одна среди руин своих мыслей, планов и надежд.

Но когда в понедельник, разбитая и истощённая внутренними сомнениями, переживаниями и тревогами, я вернулась с работы и обнаружила Сашу вдрызг пьяным, храпящим прямо на полу в коридоре, я почувствовала, что силы окончательно покинули меня, и мне уже просто нет смысла дальше жить. За месяц до своего тридцатитрёхлетия мои душевные силы оказались настолько истощены и обескровлены, а внутренняя воля выпотрошена и

развеяна, что я второй раз в жизни захотела сознательно наложить на себя руки. Я настолько была потрясена предательством дочери и бесполезностью своей борьбы с алкоголизмом мужа, мне настолько стало жаль себя и своих усилий, что в моей душе что-то надломилось, замкнуло и погасло. Опустошённая и обессиленная, тут же, прямо в коридоре, я упала на колени возле безжизненного тела пьяного мужа и в голос разрыдалась. Лютая тоска от беспросветности жизни и от её безысходности сдавила сердце так сильно, что в груди запекло, заныло, заскрежетало. Рыдания переросли в истерику, и я, забывшись, в слезах и соплях, брызжа слюной и слезами, дубасила что есть силы бесчувственное тело ирода, словно пытаюсь достучаться до справедливости, пробудить в нём совесть, честь и долг. Ведь это из-за него, негодяя, я потеряла любовь дочери, из-за него, подлеца, вычеркнула из своей жизни лучшие годы. За что мне такое наказание? За что меня лишать последней надежды и опоры? Милая моя, за отчаянием и всплеском эмоций на меня накатила такая слабость и апатия, что тело, словно вата, размякло и рассыпалось по полу бисером отмирающих клеток. И я не понимала только одного – почему я ещё жива?

Внученька, пойми, у меня не осталось сил продолжать жить. Утраченными оказались смысл, цель и даже потребность присутствия в жизни, по-глупому растеряны идеалы, ценности, ориентиры. Что ни шаг, то ошибка, что ни действие, то разочарование, что ни день, то проблема – такое ощущение, что весь мир восстал против меня, взбунтовался и пошёл на меня в штыковую атаку. И отступить было уже некуда, прятаться – негде. Так может прислушаться к голосу масс и не грести против течения?

Всё, что дальше происходило со мной, случилось помимо моей воли. Я не отдавала отчёт своим поступкам – всё совершалось на уровне подсознания, словно кто-то

чужой распоряжался мной и направлял поведение. Собрав остаток сил, я поднялась, вышла на улицу, встретила Наташу из школы, дала ей немного денег и отвела к Наде. Встреча с дочерью меня не остановила и не отвлекла, а наоборот, слушая её веселый и захватывающий рассказ о том, как они вчера с папой здорово провели время, я с трудом сдерживала себя, чтобы не закричать и не ударить её, потому что перед глазами стояло безжизненное тело пьяницы-мужа, моя погубленная жизнь и очевидное предательство дочери. Невольно, Наташа подтолкнула меня к тому решению, которое только зрело в моей голове.

Я ещё несколько минут смогла поговорить с Надей – в последнее время я научилась лукавить, лицемерить и скрывать свои мысли и чувства. Мне уже не составляло труда говорить о том, что меня совершенно не интересовало, улыбаться тем, кто меня раздражал, «дружить» с теми, кого я ненавидела. После короткого разговора с Надей, фиксируя каждое происходящее событие, я села в полупустой троллейбус и поехала на Труханов остров. Почему именно на Труханов остров? Честно? Топиться. Я понимала, что в своей жизни я умудрилась растерять всё самое ценное: семью, дочь, мужа, смысл и предназначение жизни, веру в себя... Меня уже ничего не связывало с этим миром. Я ни на секунду не сомневалась, что все сражения уже мною проиграны и что ничего нельзя исправить, что это как крест, который нужно нести по жизни или умереть. Нести крест я уже не могла: устала и обессилила, поэтому осталось только одно – умереть. На Трухановом острове, Настенька, я планировала броситься в воды Днепра – настолько я себя чувствовала лишней и ненужной, чужой и отторгнутой в этой жизни.

Милая, я не знаю, что ты испытала перед тем, как наглотаться таблеток, а потом для верности перерезала вены, но думаю, что ты, также как и я, едва отдавала себе отчёт

в происходящем. Нет, ты знала, на что идёшь, ты всё совершала продуманно, взвешенно и методично, но всё это происходило без эмоций, чувств, словно не с тобой. Лично у меня это происходило именно так – я понимала, чего хочу, что делаю, но меня в этом действии уже не было. Я заранее вычеркнула себя из жизни, поэтому топить уже вела не себя, не своё «Я», а своё тело: лишённое определяющего, человеческого и смыслообразующего.

Троллейбус подвёз меня к Парковому пешеходному мосту, и я, не торопясь, стала переходить по нему Днепр, направляясь на Труханов остров. Безлюдность, тишина и спокойствие природы позволяли мне контролировать каждый свой шаг по мосту, даже отсчитывать их, потому что любой из них мог стать последним. Почему-то я решила, что именно сотый шаг должен стать последним шагом в моей жизни. Мне уже не хотелось брести на Труханов остров, а захотелось всё закончить именно здесь, на мосту, чтобы без лишнего шума, криков, без шансов на спасение. Именно на сотом шагу я запланировала броситься в воды Днепра и освободить себя от того, что называется жизнью. Я не верила в потустороннюю жизнь, но чётко поняла одно – земная жизнь мне опротивела и стала неспособна, непосильной и неподъёмной ношей.

Я не смотрела вниз, хотя всплески волн Днепра доносились до моего слуха, а запах цветущей стремнины обдавал свежестью и бодростью. На пятьдесят пятом шагу я вдруг вспомнила, что на Трухановом острове в XII столетии киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Мономах договорились о совместном походе на половцев, который завершился победой русичей. В памяти зачем-то всплыло, что Труханов остров долгое время являлся резиденцией жены князя Святополка Изяславича. Здесь же во времена Киевской Руси существовало поселение Ольжиши, принадлежащее княгине Ольге.

И именно здесь, на этом историческом месте должна обрести свой последний приют я, Алла Тельная – брошенная всеми, разуверившаяся в людях и не оправдавшая надежд на яркую, звёздную и полезную для человечества жизнь.

Только на восемьдесят шестом шагу я вспомнила о Наташе, но постаралась выжечь её образ воспоминаниями о предательстве. Хотя на девяностом шагу слово «предательство» к девятилетней дочери как-то не вязалось, резало слух и не просто привязывало, а *обязывало* жить дальше. Но я утешала себя тем, что Надя ей поможет, Наташенька не останется одна, а моя душевная опустошённость и нежелание продолжать жить и бороться только ослабит дочь, плохо повлияет на формирование её внутреннего мира.

На сотом шагу я остановилась, взялась за поручни моста и смело взглянула в своё будущее – в бездну. Настенька, видимо судьба благоволила ко мне – я стояла над крохотным островком, густо заросшим кустарником и омываемым со всех сторон волнами Днепра. Я рассчитывала утонуть, я планировала, чтобы моё безжизненное тело воды унесли в вечность, чтобы его не нашли, не оплакивали и не предавали земли. Я не хотела слёз, траурной музыки, могилы, как напоминания о неудачной судьбе. Я планировала исчезнуть бесследно, кануть в никуда и затеряться в мире живой и косной материи. Но я совершенно не готовилась разбиваться о землю, покалечиться о деревья и, возможно остаться жить инвалидом, искалеченной уродкой, постоянно помня о том, что именно моё безрассудство и слабость привели к тому, что я вместо облегчения получила ещё большее наказание от жизни.

Смотря вниз на торчащие, словно пики воинов, верхушки деревьев, я всё больше поддавалась сомнениям: можно прыгнуть вниз и выжить, оставшись калеккой, можно сделать ещё несколько шагов и броситься в воду, но

вдруг спасут? Но над всеми этими вопросами доминировал другой, более важный и привлекающий к себе внимание вопрос – почему на сотом шагу оказался этот маленький островок, о существовании которого я даже не подозревала? Может это напоминание о том, что мне рано уходить, что я ещё не всё сделала в этой жизни?

Но что я не сделала? Не долечила мужа-алкоголика? Не окончательно погрязла в семейных делах и заботах? Не до конца посвятила себя дочери, чьё сердце уже отдано другому, более слабому и требующему участия и заботы? Разве в этом моё предназначение? Разве я появилась в жизни только ради того, чтобы жертвуя собой спасти слабых и наставлять на истинный путь заблудившихся? И тут вдруг пробудилась другая, более весомая мысль – слабых? А ты сама разве не слабая женщина, не предатель, бросающая на произвол судьбы несовершеннолетнюю дочь и людей, которых ты обязалась подготавливать к борьбе во имя будущего своей Родины? Что ты обещала умирающему отцу, стоя у его изголовья? А как мама перенесёт твое самоубийство?

И тут я вспомнила всё то, к чему себя настраивала и подготавливала с молодости. С глаз словно спала пелена, мозг в момент пробудился, открылся для масштабного и всеохватывающего восприятия, и настало то просветление о котором, внученька я тебе постоянно говорила. Я вдруг увидела всю свою прошлую, настоящую и будущую жизнь как один фрагмент. Не как фильм с развёртывающимся сюжетом, а именно как мгновение, которое яркой вспышкой промелькнуло, едва зафиксированное взглядом. Я успела его охватить в движении, в том едином порыве, в котором жизнь каждого человека на самом деле высвечивается в истории цивилизации. Внученька, на своём сотом и последнем шагу к смерти я вдруг открыла, что *жить надо по большому счёту, не обращая внимания на мело-*

чи. Главное в жизни – это предназначение, которое выше семейных проблем, натянутых отношений на работе, неосознанных поступков дочери, недоразумений с соседями и близкими, пошлости, сплошных разочарований, безответственности окружающих людей, подлости и обмана. Предназначение в жизни – это единственное, что остаётся после человека в истории цивилизации. Никто не вспомнит о твоей борьбе за судьбу мужа-алкоголика, о твоей принципиальной позиции в работе со студентами, о борьбе с невоспитанными соседями, засоряющими бычками и пустыми бутылками лестничную площадку. В истории цивилизации останется только то, в чём ты смогла реализовать себя как гражданка мира, как представительница разумной материи Земли.

На тот момент я уже знала своё предназначение, но только сейчас оно предстало как целый и действенный образ, как *смыслоутверждающее начало моей жизни*. Продолжая смотреть вниз на островок и бурлящую вокруг него воду Днепра, я увидела то, ради чего появилась на свет. Моё предназначение заключалось в том, чтобы проникнуть в содержание великого русского языка и раскрыть его значение в становлении земной цивилизации. Как озарение, я увидела то, что, несмотря на все запреты и ограничения коммунистической идеологии, я должна показать миру место и значение русской культуры, представленной в русской классической литературе и философии, и сделать всё, чтобы мир признал её значимость. Моя миссия заключалась в том, чтобы показать силу русского слова, богатство русского духа, его могущество и фундаментальность. Основываясь на богатой истории Киевской Руси, я должна сконцентрировать и экстраполировать её мощь в будущее, чтобы аргументировано доказать возможность преодоления человечеством планетарных масштабов за

счет софийности, трансцендентности и космичности русской философии.

Возможно, Настенька, это звучит пафосно, сложно и громко, но нужно знать особенность нашей эпохи – в отличие от прагматизма и утилитарности современной системы образования, нас учили жить будущим. Лет до сорока я жила и творила во имя светлого коммунистического будущего. Причём, милая, мы строили это будущее не для себя, а для Вас, своих потомков.

И когда я увидела своё место в жизни, когда я вдруг снова обрела *смысл* своего существования, мне стало настолько стыдно перед собой, перед умершим отцом, перед дочерью и перед своим народом за свою слабость, что я раз и навсегда поклялась забыть о таком лёгком способе прервать своё присутствие в жизни. Я поклялась жить до последней секунды, отведённой мне судьбою, и никогда больше не принимать решения столь глупые и безответственные.

Внученька, я отвела взгляд от воды и уже другая – *просветлённая*, зашагала по мосту обратно. Я словно заблудившаяся, но отыскавшая спасительную тропу, возвращалась в жизнь, чтобы исправлять ошибки, чтобы жить по большому счёту, выполняя свое предназначение. Я решила раз в неделю приходить сюда на Парковый мост, и здесь, на сотом шагу отчитываться в том, что я сделала во имя достижения своей миссии и что еще планирую сделать. Настенька, до самого отъезда за границу я не нарушала своего обещания, и именно здесь, на Парковом мосту я приняла решение уехать из Советского Союза и продолжать воплощать прописанное в моей психике предназначение в ведущих государствах мира.

Письмо двадцать шестое

Малышка моя, ты до сих пор не приходишь в сознание. Врачи предрекали тебе смерть ещё неделю назад, но ты продолжаешь жить, удивляя врачей и обнадеживая близких, продолжающих верить в твоё выздоровление. Значит, ты борешься, маленькая, значит, ты слышишь мои истории, и они помогают тебе выживать в этом сложном и противоречивом мире. Во имя тебя, внученька, и твоего спасения продолжу рассказ о своей жизни.

Настенька, когда человек понимает смысл своего существования и открывает для себя своё предназначение в жизни, ему намного легче найти способы его воплощения и реализации. Я помню, как долгий период времени в моей жизни каждый значимый шаг давался мне с огромными усилиями и потерями: нервными срывами, изнурительным трудом и преодолением предубеждённости окружающих. Мне постоянно приходилось что-то доказывать людям, убеждать, настаивать. И пока у меня хватало сил, пока на моей стороне выступала молодость, я шла этим сложным путем. Но годы брали своё: силы уменьшались, забот становилось всё больше и больше, на первый план стали выходить предметные, сиюминутные задачи, которые требовали решения и одновременно отодвигали на второй план то определяющее и главное, что лежало в основе моей жизни. И в результате я практически остановилась во внутреннем развитии и росте, в суе, заботах и

тревогах растеряла смысл своего присутствия в мире, позабыла о необходимости реализации прописанного в психике предназначения. Я с головой зарылась в надуманные задачи и цели, которые не вытекали из направленности моего внутреннего мира, а навязывались мне извне: через телевидение, масс-медиа, радио, рекламу. Оказалось, что в последнее время я жила по чужим правилам, превратившись в подобострастную марионетку, которой умело управляли и манипулировали. И это ловко взваленное на меня бремя проблем, совершенно чуждых и неестественных моей сущности, придавливало, угнетало, суживало масштаб восприятия мира. Я практически превратилась в зомби, который послушно выполнял прописанные и установленные действия, следуя чужой логике и чужим правилам. Я стала механизмом чужой системы, в которой моя природная сущность оказалась сведена до уровня удовлетворения естественных потребностей: в еде, сексе, сне, безопасности. Ни одна моя высшая потребность – в умственном развитии, духовном совершенстве, нравственной зрелости – не принималась к исполнению. Всё это было не нужно тем, кто строил общество потребителей, кто превращал личности в послушную, не амбициозную, роботизированную человеко-массу.

И чтобы освободиться от кукловода, порвать нити зависимости и вновь обрести свободу, мне потребовалось воочию столкнуться со смертью. Возможно, именно поэтому я считаю, что соприкосновение со смертью является необходимым условием для качественной самоидентификации, потому что, только чётко осознавая предельность и конечность жизни, человек обретает свободу и желание выяснить сущность своего предназначения в жизни и максимально полно реализовать его. Лично меня смерть вернула к жизни, избавила от предрассудков и навязанных обществом стереотипов. Я вновь обрела масштаб и глубину прозрения, чуткость восприятия и свободу мышления.

Снизшедшее на меня просветление словно приподняло моё мировосприятие над повседневным бытием, и я получила возможность охватить жизнь в движении, большими кусками, запечатлевая её не фрагментами, а целыми фильмами.

Настенька, просветление представило жизнь в новом образе – как пространство, *благоприятствующее* самореализации. Оказалось, что если не погружаться в детали и не отвлекаться на решение второстепенных задач, то даже в условиях сложившихся социальных коммуникаций можно вполне следовать своему предназначению. Важно только понимать, что после человека в истории цивилизации остаются не его земные дела и светские достижения, а квинтэссенция его жизни – материальные или виртуальные следы его стремления преодолеть границы рутинного и навязанного, выйти на просторы возвышенного и космического. Человеческая жизнь – это должествование, необходимость служить кому-то великому, господствующему, возможно, сверхъестественному. Реализовать неуловимое и грандиозное практически невозможно, но вот приблизиться к нему, попытаться дотянуться и соприкоснуться с ним – это вполне по силам каждому. Устремлённость человека к Богоподобному, потребность соприкоснуться с возвышенным и сакраментальным возносит человека над суетой обыденности, придаёт масштаб и глубину его деятельности. Но самое главное, добытое и материализованное на этом сложном и тернистом пути к священному Граалю, остаётся в бытии после смерти тела и на века запечатлевает значимость, авторитет и глубину прозрения создателя.

К тридцати трём годам я на высоком профессиональном уровне знала русскую литературу, но только после того, как я начала изучать русскую философию, мне открылась глубинная особенность русской культуры – её миролюбие, человеколюбие и стремление к всеохватыва-

ющему единству – Софийности. Я вдруг поняла, что воинственность, которая долгое время составляла основу моего мировосприятия, не характерна для русской культуры, что это скорее патология, чем закономерность в русском характере.

Получив откровение, прозрев жизнь вне мелочей, суеты и обыденности, я начала находить ответы на многие ранее недоступные и закрытые для меня вопросы. Так, однажды, я обнаружила причину противоречивости своего мировосприятия, которая проявлялась в непостоянстве моего поведения, непоследовательности поступков, сомнениях и неудовлетворённости. Оказалось, что, с одной стороны, я воспитывалась поколением, которое прошло кровопролитнейшую в истории человечества войну и выиграло её, но, с другой стороны, моё воспитание проходило в культуре, корни которой уходили в христианскую этику, которая проповедовала *миролюбие, жизнелюбие и человеколюбие*. Именно поэтому, с одной стороны, я мыслила себя воином-победителем, нацеленным на подвиг во имя Родины, на борьбу с врагами, но, с другой стороны, воспитанная на традициях русской культуры, в глубинах своего подсознания я тяготела к слабым людям, борясь за их исцеление, спасение и выздоровление. Во мне с переменным успехом боролась сильная, свободолюбивая и непримиримая к слабостям окружающих личность, и одновременно всепрощающая, тяготеющая к милосердию, альтруизму и жертвенности сущность. Именно поэтому я то вычёркивала из своего круга общения слабых, несостоявшихся учеников, презирая их и демонстративно не здороваясь при встрече, то больше года занималась подвижничеством, посвящала себя спасению мужа-алкоголика. И как в первом, так и во втором случае, я шла до конца, забывая о себе и о своих личных интересах.

Получив просветление, я осознала смыслоопределяющую сущность своей жизни. Все события вокруг меня

словно расставились по своим местам: острые углы сгладились, непонимание людей перешло в дружелюбие и отзывчивость, а те промежуточные цели, которые раньше давались мне с таким трудом и внутренними потрясениями, стали легкодоступными и приносящими удовольствие. Я научилась убегать от неприятных мелочей и жить только по большому счёту, совмещать жертвенность и терпимость с проявлениями силы и воли. Я вновь обрела уверенность в себе, и в основу моих поступков вернулось содержание.

Настенька, понимание цели и смысла своей жизни сделало меня настолько счастливой, что этим счастьем я стала заражать окружающих людей. Если раньше они отменяли во мне безудержность энергии, которая с годами всё более и более истощалась, то после озарения я начала испытывать такое удовлетворение от жизни, что его с лихвой хватало, чтобы обогреть других людей. Я окончательно освободилась от тягот повседневности: потребительства во взглядах, рутины на работе, хлопот в семье, стяжательства в быту, суеты в досуге. Все эти события в действительности мало зависели от моих возможностей, а происходили в большинстве своём по случайному стечению обстоятельств. Моё внимание переключилось исключительно на восприятие творчества и результатов моей интеллектуальной деятельности, на проявления креативности, харизмы, рефлексии. В этом я находила вдохновение, потому что все эти события зависели только от меня: от моей усидчивости, начитанности, эрудиции. Чем больше я созидала, чем полнее выкладывалась в своих исследованиях, тем более впечатляющими для меня самой оказывались результаты моей творческой активности. Я словно вернулась во времена своей беззаботной молодости, когда, поощряемая высокими идеалами и целями, подстёгиваемая здоровой конкуренцией и духом соревнования, я творила на радость себе и людям.

Что интересно, внученька, чем больше я углубляла свои знания в исследовании русской литературы и философии, тем больше во мне пробуждалось любви к труду, людям, знаниям и жизни. Я переполнялась *трудолюбием*, *человеколюбием*, *любознательностью* и *жизнелюбием*. Во мне вновь возродилось желание созидать, преобразовывать, отдавать и доносить людям. Проникновение в глубины русской культуры оказалось настолько интересным, захватывающим и поучительным, что я с головой окунулась в этот мир информации, наслаждаясь и обогащаясь новыми открытиями, знаниями, опытом. Внученька, я перестала работать – я начала творить. Если в последнее время в своей работе я видела только денежный эквивалент, возможность прокормить семью и решить насущные материальные проблемы, то полученное откровение превратило не только мою работу, но и всё оставшееся время в сплошной акт творчества, в котором время перестало делиться на «рабочее» и «личное». Оно стало единым и целенаправленным – *временем творчества*. Каждый новый день превратился для меня в новый акт творения, в котором я, наслаждаясь, созидала, воплощала и вдохновляла. Трудности и препятствия по-прежнему преследовали меня, но теперь они не задевали моего внутреннего состояния комфорта и удовлетворённости, а оставались за пределами моего восприятия, зато творчество и все связанные с ним события вышли на первый план и проходили ярко, празднично, показательно, вызывая восторг и душевную благодать.

Вдохновлённая творчеством я перестала различать рабочие и выходные дни, праздники и будни. Теперь каждый день для меня проходил как сплошное исследование, с новыми открытиями, написанием книг, выступлениями на конференциях и семинарах, общением со студентами, аспирантами и коллегами. Не замечая сложностей, я защитила докторскую диссертацию, к сорока годам стала

профессором, заведующей кафедрой ведущего университета Украины. Вокруг меня стала группироваться молодёжь, образовываться научная школа. В своих исследованиях я старалась показать, что русская литература, начиная с самых истоков и до последних лет, сосредотачивает в себе, как писал Николай Гаврилович Чернышевский «всю умственную жизнь народа», и именно по этой причине она тесно переплетена с русской философией. Основателями ведущих школ в русской философии являлись классики русской литературы. Так, основателем школы русской исторической философии является публицист, автор произведения «Философические письма» Пётр Яковлевич Чаадаев; среди основателей школы философии западников и славянофилов видное место занимает русский публицист и писатель Александр Иванович Герцен; школу философии «русского зарубежья» представляет, в том числе, и писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский; в совершенно отдельные направления русской философии выделяют творчество двух титанов русской литературы Фёдора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого. Как оказалось, все эти направления русской литературы и философии в той или иной степени оказали влияние на развитие мировой культуры.

Мой поднявшийся авторитет в научном мире помимо внутреннего удовлетворения самым невероятным образом повлиял на благополучие в моей семье – Саша нашёл в себе силы и окончательно отказался от спиртного. Мои успехи в науке, та слава, которую приобрели мои лекции и мои идеи, пробудили в нём самолюбие, и он, собрав оставшуюся волю, окончательно избавился от алкогольной зависимости. Он стал ведущим специалистом в своём институте, и те, кто уже поставили крест на его карьере, с радостью вновь приняли участие в его судьбе и впоследствии способствовали его продвижению в академики. Благодаря Саше мы получили новую, более просторную квартиру,

купили машину, дачу под Киевом. И таким образом к сорока годам я имела то, о чём многие в советском государстве только могли мечтать.

Что касается Наташеньки, то она росла не по дням, а по часам, радуя нас своими успехами. Признаюсь, внученька, теперь я мало занималась её воспитанием, возложив эту обязанность на советские институты образования и Сашу. Я доверяла им, потому что знала, сколько талантливых людей самозабвенно отдавали лучшие годы своей жизни воспитанию чужих детей. Для многих из них чужие дети становились ближе и роднее, чем свои. Я и себя относила к таковым: отдавая лучшее своим студентам и аспирантам, я практически ничего не оставляла для своей единственной дочери. Но я считала, что так поступают все педагоги, потому что в этом и заключается их призвание и предназначение. Что касается взаимоотношений дочери с отцом, то, не встречая с моей стороны сопротивления, они тяготели друг к другу всё больше и сильнее. Не знаю, откуда у них взялась эта привязанность друг к другу, но Наташа в точности копировала поведение отца, говорила его словами и часто совершала поступки, которые больше подходили под мужской тип поведения. Но я уже не ревновала, потому что старалась больше находиться в своём мире творчества и масштабных идей. Абстрагируясь от реальной жизни, я понимала, что тот тип поведения, который прививал нашей дочери Саша, больше подходил к советскому обществу и, соответственно, опираясь на него, Наташа могла достичь больших успехов в повседневной жизни.

Я замечала, что с каждым годом мы с дочерью становились всё больше разными и непохожими друг на друга. Но я и не стремилась к установлению сходства, потому что понимала, что Наташа должна выбрать свой путь в жизни. Возможно, благодаря своему пути она добьётся больших успехов, чем это удалось мне. Но, тем не менее, многое в её поведении мне не нравилось. Мне не нравилась её мер-

кантильность, прагматизм, расчётливость, мне не нравилось то, что она мало читает и, соответственно, как-то скудно мечтает и воображает. Довольно часто у нас возникали конфликты, когда я запрещала ей смотреть телевизор – она могла делать это целыми днями. Мне не нравилась музыка, которую она слушала – мне казалось, что она слишком громкая, бессмысленная и в ней напрочь отсутствует поэзия. Очень сильно меня раздражали перепады в её настроении: то она как заведённая спешила выполнить заданные работы, то часами просиживала в кресле и бездельничала. Но, одновременно, хочу отдать ей должное: если она что-то задумывала, то всегда доводила дело до конца. В работе проявлялись её лучшие черты характера: неординарность, эрудиция, интуиция, стремительность в принятии решения, ответственность и полная самоотдача. И пусть со стратегическим планированием у неё поначалу возникали проблемы, зато все текущие цели и задачи, которые она перед собою ставила, достигались в кратчайшие сроки.

Мы не только внутренне, но и внешне выглядели с дочерью по-разному. Она всё взяла от Саши: рост, осанку, телодвижения, манеру поведения. Многие считали её симпатичной, но не красивой и, к сожалению, в ней слишком мало просматривалось женского обаяния, такта и мудрости. Хотя стандартам советской идеологии она соответствовала полностью: спортсменка, активистка, комсомолка, могла и коня на скаку остановить и в горящую избу войти, но это уже из Некрасова.

Письмо двадцать седьмое

Малышка, вот мы и добрались до рассмотрения моего последнего, третьего десятилетия. После тех знаменательных событий, которые произошли со мной в промежуток от тридцати до тридцати трёх лет, ничего примечательного до сорокалетия не произошло, кроме одного – я всё больше отрывалась от внешнего мира и замыкалась в своем новом, заново отстраиваемом хрустальном замке. Я убедилась в том, что спасение от чёрных лебедей можно найти только в себе и в нерушимости внутреннего мира, поэтому, несмотря на то, что в реальной жизни я обладала всем: красотой, умом, достатком, благополучной семьёй, перспективной работой, влиятельными друзьями и благодарными учениками, с каждым годом я всё больше замыкалась в себе, предпочитая общению одиночество.

Я часто спрашиваю себя: «А что такое одиночество?». Я жила в столице Украины – Киеве, трёхмиллионном городе поразительной красоты и тысячелетней истории. Меня окружали добрые, открытые, гостеприимные и отзывчивые люди, которые традиционно встречали гостей хлебом и солью, усаживали за стол и угощали всем, что хранилось в закромах. Я воспитывалась в государстве, в котором праздники шли с таким размахом и проходили настолько часто, что жизнь воспринималась как сплошное торжество и развлечение. И я со своей семьёй, с друзьями и коллегами во всех этих застольях принимала участие,

даже организовывала, но всё это, Настенька, не согревало душу, не доходило до глубин, а оставалось где-то на поверхности чувственно-эмоционального восприятия.

С одиночеством я столкнулась после снизошедшего на меня откровения о том, что жить нужно по большому счету, не отвлекаться на пустяки, посвящать себя не решению заполняющих день текущих вопросов, а служению прописанному предназначению. И я попыталась воплотить открывшуюся мне истину в повседневный быт, но всё оказалось намного сложнее, чем мне представлялось. Советский Союз как государство уже вступил в стадию своего распада. Социальная обстановка в обществе изменилась: господствовало безразличие, показательность, лицемерие, безответственность. Моё желание сделать что-либо для Родины, спасти её, вдохнуть в неё жизнь, наталкивалось на отчуждённость, серость, непонимание представителей власти. Пока я занималась решением своих семейных проблем, в обществе многое изменилось, в том числе поменялись руководители – старое поколение умерло или ушло на пенсию, а на их место пришли люди с совершенно другой идеологией: конформисты, демагоги, бюрократы, протекционисты. Они уже назывались – номенклатурой, управленцами, получившими пожизненное право руководить людьми. Номенклатурщики в большинстве своём боялись всего нового, революционного, воспринимали мир через окна своих кабинетов и передовиц партийных газет, поэтому судьба Родины их волновала меньше всего. Они жили своими проблемами, держась за руководящую должность и за те привилегии, которые давала им власть. Поэтому, наткнувшись на стену непонимания и невосприимчивости своих идей, я стала вновь перед дилеммой: биться об стену без шансов на успех или вывести свою настоящую жизнь в тень – продолжать жить по большому счету, достигая вершин совершенства внутри себя.

Настенька, умудрённая опытом, я без колебаний выбрала второй путь, ни секунды не сомневаясь в том, что не за горами то время, когда я смогу проявить достигнутое внутреннее совершенство с пользой для своего народа и Родины. С этого момента моя жизнь разделилась: для окружающих людей я продолжала играть роль советского обывателя, ничем не выделяясь и не привлекая к себе внимания, зато внутри себя я развернула грандиозное строительство, обогащая внутренний мир требуемыми знаниями и умениями. Пока окружающие меня люди праздно и расточительно прожигали время своей жизни, я совершенствовала свой английский язык и для более глубокого понимания русской культуры стала на языке оригинала читать конкурентов – классиков Великобритании и США. Я ушла в мир книг, неделями пропадая в библиотеке и поглощая лучшее из богатейших фондов научной библиотеки имени Максимовича – структурного подразделения Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, и библиотеки Института философии Национальной академии наук Украины. Эти две библиотеки стали моим вторым домом, в котором я проводила большую часть своего времени.

В Советском Союзе люди любили читать, и я с удовлетворением отмечала переполненные читальные залы университетских и городских библиотек. Меня это радовало потому, что я понимала, что именно в библиотеках и её залах сосредоточена интеллектуальная элита моей Родины, которая день за днём выводила свое умственное и духовное развитие на новые уровни совершенства. Я надеялась, что многие из присутствующих, с головой окунувшись в волшебный мир мудрости и знаний, так же, как и я, обретают гармонию и наполняются силой, чтобы в установленное время «Ч» высветить своё внутреннее богатство, воплотить его в масштабных преобразованиях во имя сво-

его народа и Родины. Настенька, только в библиотеке, в атмосфере витающей мудрости, тишины и оторванности от масс, меня покидало чувство одиночества, и я ощущала себя сопричастной к чему-то великому и грандиозному – к передаче и преумножению знания от поколения к поколению. Именно в библиотеке я написала первые свои научные работы, потому что однажды почувствовала непреодолимое желание донести до людей ряд важнейших жизнеопределяющих мыслей. Без лишней скромности, имея возможность сравнивать и сопоставлять, я понимала, насколько далеко я оторвалась от своих коллег, насколько обширны, масштабны и глубоки мои знания, и насколько неординарны, свежи и актуальны мои мысли. Во мне вызрела необходимость донести до людей свои идеи, рассуждения, открытия.словно беременная на сносях, я почувствовала, что плод вызрел, требует свободы и воли, и я не могла ему в этом отказать. Я начала писать из потребности, по природной надобности родить, выдать в свет своё детище, обогащающее и раздвигающее границы человеческого совершенства.

И родив, завершив первую книгу, я уже чувствовала, что во мне зреет плод второй книги. Не найдя удовлетворения в семье, муже, ребенке, работе и общении, я обрела себя в написании книг – в своих детях, которых я рожала по нескольку в год, и которые впервые позволили мне испытать чувство облегчения, удовлетворённости и полезности. Только реализовав себя в написании научных монографий и художественных книг, я с удовлетворением обнаружила, что занимаюсь близким по духу и нужным делом, что приношу пользу своему народу, государству и цивилизации. И понимание полезности и необходимости своего присутствия в жизни наполняло прожитые дни содержанием и смыслом, и я расставалась с ними уже без сожаления и горечи. Время шло, но я тратила его с пользой

для своего народа, выполняла прописанное во мне предназначение и наслаждалась результатами своего труда.

Но, как ни парадоксально это звучит, чем больше я окуналась в свои творческие проекты, тем больше отдалялась от людей. Моё одиночество обуславливалось не тем, что люди отворачивались от меня и не хотели со мной общаться, а тем, что я сама убегала и пряталась от них в библиотеках и парках, цenia своё время, бережно его расстрачивая и используя главным образом на чтение и написание книг. Внученька, что мне могли предложить люди? Общение? Но книги мне дарили такое феерическое и содержательное общение, в сравнении с которым «общение», предлагаемое моими знакомыми, казалось скучным, утомительным и навязчивым. Развлечения? Но я научилась развлекаться в своём внутреннем мире, довольствуясь и наслаждаясь переливами образов, мыслей, идей, суждений. Разве могли реальные образы людей сравниться с виртуальными аватарами моих героев? Конечно же нет, потому что разбуженные полётом моего воображения характеристики книжных персонажей затемняли прозаичные и прогнозируемые поступки реальных людей, и мои аватары представляли богатырями и воинами, в которых я влюблялась, с которыми жила и вершила подвиги. Чувства? Но разве можно сравнить примитивную гамму эмоциональных переживаний обычных людей с красочной палитрой возвышенных чувств, запечатлённых на страницах классической русской литературы? Разве могла современная девушка влюбиться в мужчину так, как влюбилась простая девушка с Полесья – Олеся – в своего барчука Ивана в одноимённой повести выдающегося русского писателя Александра Ивановича Куприна? А какое богатство чувств смог изобразить в своих историях любви нобелевский лауреат Иван Алексеевич Бунин, уже в зрелом возрасте, в эмиграции, во время Великой Отечествен-

ной войны, на юге Франции написав свои выдающиеся рассказы «Тёмные аллеи»!

Окружающие меня люди не выдерживали конкуренции с виртуальным миром книг, поэтому я всё больше отдалялась от них. И что самое удивительное, это отдаление шло мне на пользу: семья и близкие родственники считали, что я полностью отдаюсь работе и поддерживали меня в моих начинаниях, а на работе меня принимали за добропорядочную жену и постоянно ставили в пример. Невольно, прячась в библиотеке и углубившись в прочтение и написание книг, я стала образцовым работником и идеальной женой. То, чего я так и не смогла добиться, пропадая в молодые годы в командировках, или чуть позже взвалив на себя решение семейных забот, я одним махом решила, отказавшись исполнять служебные инструкции и женские «обязанности» в семье.

И меня это устраивало. Я жила насыщенной внутренней жизнью, дожидаясь своего времени и реализуя богатство внутренних потенциалов и гармонию внутреннего «Я» в своих книгах. Для меня читать и писать книги не являлось работой – я этим дышала, питалась и вдохновлялась. В таком творческом полёте и глобальном строительстве внутреннего мира я и перешагнула свое сорокалетие.

Письмо двадцать восьмое

Сорок лет для женщины – это много или мало? Многие называют этот возраст «бальзаковским». Кстати, внученька, а ты знаешь, что известный французский писатель Оноре де Бальзак 2 марта 1850 года был венчан в городе Бердичеве в костёле Святой Варвары с русской поданной Эвелиной Ганской и последние три года своей жизни прожил на территории современной Житомирской области в Украине? Но задолго до этого, в 1831 году он написал нашумевший в Европе роман «Тридцатилетняя женщина», в котором показал независимость суждений и свободу проявлений чувств французской дамы из высшего общества виконтессы де Боссеан. Этот роман ввёл в повседневный оборот выражение «бальзаковский возраст», который в шутивно-иронической форме, иносказательно раскрывает особенность поведения женщин в период от тридцати до сорока лет. Но время меняется, продолжительность жизни людей увеличивается, и если за основу взять продолжительность жизни во времена написания Бальзаком своего романа и нашим периодом времени, то период «бальзаковского возраста» сместился почти на десять-пятнадцать лет. Средняя продолжительность жизни в середине XIX столетия по разным оценкам составляла 40–50 лет, а в конце XX столетия она уже перешагнула период 60–70 лет. Отсюда, бальзаковский возраст для нашего поколения занимает период от 45 до 55 лет.

Но я бы сказала, что дело не в бальзаковском возрасте, а в том как каждый из нас воспринимает свои года. Милая моя, лично я после сорока лет обнаружила в себе одно важное изменение – я полностью избавилась от категоричности суждений, стала терпимее, сдержанней, толерантнее, прощать людям слабости, ошибки и недостатки. Мне кажется, я стала мудрее в своих решениях и гораздо добрее и благосклоннее в поведении. Безусловно, я знала, что тот внутренний мир, который я в себе строю, и тот образ жизни, который веду, нетипичен и не распространён в Советском Союзе, что если бы мне пришлось сбросить личину и обнажить свою истинную сущность, то я бы выглядела белой вороной в стае чёрных собратьев. Но я не делала этого, во-первых, чтобы не подставлять и не травмировать себя, а во-вторых, чтобы не раздражать привыкшую к стереотипным образам окружающую публику. Я перестала бороться с массой непохожих на себя по образу жизни людей, потому что научилась уважать их выбор. Каждому своё – и не нам смертным судить других.

Внученька, мой сорокалетний возраст стал проявляться в том, что теперь я с гораздо большим уважением начала относиться к людям, живущим одним днём, радующимся мелочам, заботящимся о насущном и бренном. Кому-то удалось открыть в себе предназначение, кому-то нет, важно, чтобы человек нёс добро в жизнь и здоровое начало. Я открыла для себя правоту женщин, которые посвятили себя любви и которые вели себя, как подобает красивым, дорогим и ухоженным кокеткам. Кстати, а ты знаешь милая, что кокетка в переводе с французского – это женщина, сильно желающая нравиться? Кокетки в моё время часами просиживали в модных салонах у косметологов, парикмахеров, визажистов, доводя свой внешний вид до образцового совершенства. Как дорогие фантики шоколадных конфет они привлекали покупателей своим

блеском, яркостью и эпатажем, и их покупали как подарок на праздники, яркие события, торжества. Моё восхищение стали вызывать и женщины, которые посвятили себя семье и детям, ущемляя свои интересы и сознательно подавляя свои таланты. Примером такой женщины для меня навсегда осталась Надя, жизнь которой прошла в верном служении семейным идеалам, мужу и детям. Долгое время наблюдая за ней, я видела, с какой радостью она воплощала себя сначала в муже, потом в своих девочках и, наконец, во внуках. В этом заключался смысл её жизни, и она честно и с достоинством выполняла свой супружеский и материнский долг. Настенька, я стала уважать женщин, которые отдали себя работе и своим примером создали идеал советской женщины-труженицы. Они представляли разные специальности: бухгалтера, секретарши, учителя, проводницы, крановщицы и многие другие. Каждая из них отличалась целями, масштабом мировосприятия, интересами, но своим профессионализмом и самоотдачей они подняли престиж своих сфер деятельности, указали на возможность самореализации в любых пространствах. Человек может реализовать себя в любой работе, главное поставить стратегическую цель и понимать, во имя чего ты эту работу совершаешь.

Моё изменившееся отношение к окружающим людям и повседневной жизни произошло не случайно, ведь мне самой в разное время довелось побывать в их образах. Всякое можно говорить о людях, легко критиковать со стороны, но когда ты сама начинаешь тянуть их ношу и на себе испытывать ответственность и непосильность их труда, наступает прояснение и понимание, что не всё так просто, как кажется. А ведь мне тоже хотелось нравиться мужчинам, и я до сих пор хожу в салоны, слежу за собой; я на себе испытала, насколько неподъёмен и тяжёл воз семейных забот, поэтому при первой же возможности вернула роль

«хозяина» мужу; у меня и по сей день хранятся грамоты за «ударный труд», но сколько времени, жизненных сил и здоровья мне это стоило. Поэтому, внученька, перешагнув свои «сорок», я начала уважать выбор каждого человека – в нём просматривалось его предназначение. Я стала понимать, что разнообразие выборов образует колорит, насыщенность и цветовую гамму сферы присутствия разума на Земле – ноосферы. Даже я со своей любовью и преданностью миру книг в ноосфере занимала свою нишу и выполняла возложенные обязанности.

Что интересно, моё служение книгам и творчеству самым прямым образом отразилось на моём отношении к своему возрасту. Если для многих женщин возраст – это изменение физиологии и внешнего вида, привлекательности и спроса у мужчин, то для меня возраст – это совершенство психики, увеличившийся объём знаний, повышенная эффективность самореализации, более взвешенное и глубокое отношение к миру. Внученька, возможно, это удивительно услышать из уст женщины, но на самом деле, мои года меня радовали, потому что являлись моим богатством. Я много читала и писала, много впитывала в себя и отдавала людям, поэтому для меня время измерялось не количеством морщин на лице и целлюлита на теле, а масштабом самореализации, выполнением пунктов своего творческого плана. Я жила по совершенно другому графику, чем иные женщины, не переживая за наступление «бальзаковского возраста», а только торопясь глубже проникнуть в содержание жизни и работая над тем, чтобы открывшиеся мне истины доходчивей и впечатляющей донести людям. Я уже давно поняла крылатую истину: *мало знать – важно суметь донести до людей свои знания*. И именно это меня тревожило и волновало, именно над этим я работала, не покладая рук, стараясь в своих книгах выстроить слова и словосочетания в такой последователь-

ности, чтобы они не просто сообщали какую-либо информацию, а *воздействовали* на чувственно-эмоциональную составляющую психики человека и на его сознание. Мне хотелось, чтобы мои книги врывались в жизнь читателя и пробуждали в нём активную мыслительную деятельность, приводили к переосмыслению своего места в масштабах Земли и космоса, к переоценке смыслов и ценностей жизни. Я мечтала и работала над тем, чтобы моя жизненная энергия, запечатанная в каждой строке моей книги, вдохновляла людей на созидательный труд во благо своего народа и Родины.

Внученька, в своих фантазиях я представляла себя дирижёром, управляющим чувственно-эмоциональным отношением человека к миру; я мечтала, как словом – «логосом», я пробуждала людей ото сна, объединяла их и направляла на освоение космоса. Как маг, из планетарного явления я превращала человечество в космическую силу и презентовала его в масштабах Вселенной. Мои книги, Настенька, – это моя симфония, написанная для людей разных возрастов и поколений, разных социальных слоёв и эрудиции. В книгах я не просто воплощала свои знания и опыт, чувства и эмоции, но и одновременно мечтала, чтобы они разжигали в душах моих читателей такой же, а возможно, больший накал страстей и чувственных переживаний. Чтобы слова ссыльного поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского, написанные еще в 1828 году стали вещами:

*Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.*

Внученька, я хотела, чтобы мои книги оказались «искрами», а моя внутренняя энергия, запечатанная в них,

смогла пробудить пламя. *«Из искры возгорится пламя»* – здорово сказано!

Настенька, для меня мои книги – это живьём вырванная плоть. Признаюсь только тебе – я не могу их перечитывать, потому что в моей душе они пробуждают такую бурю и хаос, что боль смешивается с наслаждением, а страдания переходят в удовольствие, и я коллапсирую, проваливаюсь в чувственно-эмоциональную бездну, которую своими же руками и произвела на свет. Наверное, это сумасшествие, милая, полное безумие, но я мечтаю и надеюсь, что мои книги вызывают такой же коллапс и у моих читателей, только если для меня он смертельно опасный, то для них он как лечебный душ, омовение, прозрение и просвещение. В идеале я мечтаю о том, чтобы люди прониклись моей болью и приступили к лечению; чтобы они озадачились моими вопросами и посвятили свои жизни поискам ответов на них; чтобы они приняли мои цели и дружно направились к ним, как на свет маяка идут корабли в бурю.

Поэтому, Настенька, моё время жизни измеряется не годами, а количеством написанных книг. Причём это количество ограничено, потому что я заранее знала, о чём мне предстояло написать. Я неотступно следовала заранее прописанному и утверждённому мною творческому плану, и это позволяло мне форсированным маршем, преодолевая океанские просторы жизни, идти строго по курсу к поставленной цели.

Письмо двадцать девятое

Внученька, пришло время рассказать тебе, что подвигло меня к решению выехать за границу. Скажу тебе сразу – выехать во Францию я решила не из-за каких-то новых проблем и конфликтов в семье или на работе, а потому что захотела полнее реализовать свое предназначение в жизни. Я поехала преподавать в Сорбонну только ради того, чтобы раскрыть перед европейскими студентами масштаб и глубину проникновения русской литературы и философии в мировую культуру. Я выехала из Советского Союза не как беженец, диссидент или эмигрант, а как посланец, миссионер, который видел свое предназначение в поднятии авторитета своего государства в глазах «буржуазной» Европы. Я подписала контракт на пять лет и для меня эта поездка стала частью моего творческого плана: с одной стороны, я планировала расширить свои знания европейской культуры и отыскать в ней влияние русской философии и литературы, с другой стороны – донести до европейских коллег результаты своих исследований.

Возможно, ты снова не поймёшь меня и не поверишь, но именно благодаря своим исследованиям русской литературы и философии, а также с годами сложившемуся мировосприятию, мой патриотизм зашкаливал до таких значений, что наши партийные деятели не сомневались в моей способности поднять пошатнувшийся имидж нашего государства в одном из престижнейших университетов Европы. И, как показало время, я оправдала их надежды.

Киевская Русь, впоследствии представленная Русским царством, Российской империей, а потом и Союзом Советских Социалистических Республик, за свою многовековую историю переживала разные периоды: подъёма, упадка, распада, интеграции, предательства и заблуждений. Но меня как человека, который профессионально знал возможности русской культуры и масштаб её воздействия на цивилизацию, всегда интересовало только одно – степень авторитета русской культуры на международной арене. Меня воспитали не просто патриоткой своего государства, но и человеком, который видел своё предназначение в том, чтобы русская культура заняла достойное место в истории цивилизации, чтобы русский язык стал интернациональным, межгосударственным языком общения, а русская литература и философия – самыми читаемыми и уважаемыми в мире. А ведь конкурентов у нас хватало, особенно в Европе, и все они являлись достойными и авторитетными, с не менее богатой историей и возможностями.

Я довольно посредственно владела французским и английским языками, но моего уровня знаний вполне хватило, чтобы в один из светлых летних дней после собеседования в республиканском комитете партии мне предложили преподавать русский язык как иностранный в Сорбонне. Это шикарное предложение я восприняла как подарок судьбы, как презент за долгие годы самоотверженной работы. Удивительным являлось то, что я не состояла в членах коммунистической партии, меня совершенно не интересовала политика и коммунистическая идеология, единственное, что безоговорочно выделяло меня на фоне остальных претенденток на это место, так это то, что в Украине уже не осталось равных мне в исследованиях русской классической литературы и философии. Я действительно любила своё дело, жила им и считалась лучшим специалистом в этой области в СССР.

Настенька, не выходя из кабинета высокого партийного деятеля, я без колебаний согласилась на эту поездку. Контракт подписывался на пять лет, но я не могла даже представить, что эти пять лет обернутся в двадцатипятилетний период моей заграничной карьеры. Всю оставшуюся жизнь, вплоть до сегодняшних дней, я провела за пределами своей Родины.

Что повлияло на моё согласие? Много факторов. Во-первых, я уже давно стала чувствовать себя лишней в своей семье. Наташа подросла, стала взрослой и самостоятельной. С годами близости и привязанности между нами осталось ещё меньше. Она по-прежнему тянулась к отцу, решала с ним свои вопросы и проблемы, но меня это уже совершенно не касалось, потому что я полностью отдалась творчеству и выполнению своего творческого плана. С Сашей наши отношения стабилизировались, протекали ровно, без стрессов, но также и без увлечения, страсти и особой близости. Я давно ему простила свои страдания и пробивающуюся в волосах седину, испытывала к нему благодарность и уважение за его вклад в сохранение и развитие наших семейных отношений. Мы жили без скандалов, дружно, всегда помогая друг другу, но при этом взаимной теплоты и, особенно, вдохновения лично я в нашей семье не испытывала.

Во-вторых, я давно почувствовала, что переросла рамки своей университетской карьеры, что моё углубленное познание уже не мог удовлетворить тот круг профессионального общения, в котором я вынужденно проводила своё время. Настенька, не подумай, что мои коллеги меня раздражали и напрягали, ни в коем случае. Это были милейшие, отзывчивые и добропорядочнейшие люди, которые давно бросили заниматься научно-исследовательской работой, но при этом оставались хорошими педагогами и надёжными товарищами. В профессиональном плане я уже ничего не могла взять от них, поэтому наше общение

проходило в рамках приятных разговоров о мужьях, детях и здоровье. Но я чувствовала, что мне катастрофически не хватает качественного общения, ярких впечатлений, новых знакомых, которых бы я могла слушать часами. Мне хотелось новизны, приятных стрессов, впечатляющих событий. Причём, чтобы ты понимала, малышка, я их не просто ждала, я их искала по всему Советскому Союзу. Я не сидела на месте и не ждала свою Птицу Удачи, а много ездила по стране, выступала на различных конференциях, международных семинарах. Я побывала во всех пятнадцати республиках Советского Союза, завязала много личных знакомств и полезных связей, установила тысячи творческих контактов, но потребность в новизне, информационный голод не отпускал меня, поэтому возможность попасть в европейское государство, да ещё в Сорбонну, да ещё на пять лет – о таком я даже не мечтала.

В-третьих, внученька, у меня никогда не было близких подруг, с которыми бы я с удовольствием проводила своё время. Мои личные контакты ограничивались домом, работой и библиотекой. Была Надя, но я её берегла для души, для лечения душевных травм и волнений. А так как в последние годы моё душевное состояние оставалось стабильным, потребности в откровенных излияниях с Надеей я не испытывала, поэтому мы виделись с ней крайне редко, с трудом находя темы для разговоров. Я не надоедала общением своей единственной подруге, потому что хотела сохранить ту свежесть и вдохновлённость от наших задушевных бесед, происходящих в тяжёлые для нас обоих промежутки времени. К тому же я знала, что расстояние ещё крепче свяжет нашу дружбу, ведь Надя оставалась у меня единственной и на всю жизнь, и она об этом знала и ценила мое отношение к себе.

И четвёртой, наименее важной причиной, повлиявшей на моё согласие выехать во Францию, явилось предчувствие грядущих изменений на моей Родине. Шли 1980-

е годы, наконец-то умер погубивший страну безразличием и застоём Леонид Ильич Брежнев, к власти пришли новые, более амбициозные и ответственные руководители, которые называли себя реформаторами, и мне захотелось своими знаниями и опытом помочь им. Я выезжала во Францию с просветительской миссией, с желанием не столько что-то взять новое для себя, сколько отдать, вложить и вдохновить людей другой культуры на общение с русскими.

Все эти причины, собравшись воедино, и привели к тому, что буквально за три месяца я оформила документы, собрала свой нехитрый скарб и выехала во Францию, в Париж. Мне настолько кортило приступить к своей новой миссии, что я буквально заряжала своей энергией чиновников, и они по всём вопросам шли мне на встречу. Как потом оказалось, никто так быстро не оформлял заграничные командировки, как это удалось сделать мне. Видимо, и здесь судьба ко мне благоволила...

Письмо тридцатое

В Париже начался новый этап моей жизни и творческой карьеры. Настенька, как-то твоя мама, будучи еще двадцатилетней девушкой, призналась мне, что она очень боится перешагнуть сорокалетний промежуток времени, потому что за ним начинается старость. Я долго смеялась над её «страхом», потому что на тот момент мне шёл сорок пятый год, но кем-кем, а старой женщиной я себя совершенно не считала. Наоборот, Настенька, только после сорока лет я начала ощущать настоящий вкус жизни. Чтобы ты знала, милая, во Франции «француженками», в том вычурном и манерном смысле этого слова, женщины становятся только после сорока лет, потому что до сорока они живут для других: занимаются самореализацией, делают карьеру, достигают определённых материальных и социальных вершин в обществе, доказывая себе и другим свою значимость, создают семью, рожают и воспитывают детей. И только с началом пресловутого «бальзаковского возраста» они открывают новую страницу – *жить для себя*: заботиться о своём здоровье, уделять пристальное внимание красоте лица и тела, яркости и подчеркнутой оригинальности своих нарядов, баловать себя, развивать таланты и потакать слабостям, т. е. превращаются в настоящих женщин. Наверное, в душе я оказалась француженкой, потому что Женщиной с большой буквы я почувствовала себя только преодолев сорокалетний рубеж. Милая, после сорокалетия я вновь ощутила свободу в принятии решений

и совершении поступков, причём это воспринялось не как призыв к разгулу, а как драгоценный подарок, к которому требовалось особо трепетное отношение. Перешагнув сорокалетие, у моих ног во всей своей красоте и заманчивости раскинулись бескрайние просторы жизни – бери – не хочу, но мой накопленный жизненный опыт из всего богатства выбирал самые изысканные, утончённые и вдохновляющие меня удовольствия. Это переполняющее ощущение себя как ЖЕНЩИНЫ оказалось настолько ярким, тёплым и возбуждающим чувством, что я поняла – в сорок лет для меня жизнь только начинается. Настюшенька, это как вторая молодость, только уже осознанная, ожидаемая и более впечатляющая, – *молодость, которую женщина проживает бережно, стремительно и красиво.*

Во Франции мне пришлось изменить свой привычный образ жизни: отказаться от тишины библиотек, единения с книгами, написания новых монографий. Теперь я больше времени проводила со студентами и своими новыми коллегами, через личные отношения, приватное и неформальное общение пытаюсь проникнуть в сокровищницу их мировосприятия и дополнить её богатством русской культуры. Но моё миссионерство оказалось непростым делом, потому что противостояние между «капиталистическим» и «социалистическим» строем достигло апогея, и как нас, в Советском Союзе, учили видеть в европейцах своих врагов, так и рядовые французы с подозрением высматривали в каждом гражданине СССР своих потенциальных противников. Но, милая, где обаянием, где умом, где шуткой, я постепенно разрушала стену отчуждённости между нашими культурами, на примерах русской литературы и философии показывая, что Россия, несмотря на свои особенности, – это Европейское государство. Я обнаружила и в качестве аргументации использовала тот факт, что многие ведущие русские писатели, поэты и философы в раз-

ное время получали образование в Европе, и своим творчеством, полётом мысли и проникновением в глубины мироустройства способствовали интеграции передовых европейских идей с русской культурой. Например, образование писателя Льва Николаевича Толстого начиналось под руководством гувернёра-француза Сен-Томá, заменившего собою добродушного немца Ресельмана. Философ Владимир Сергеевич Соловьёв проходил стажировку в Лондоне, в Британском музее, другой философ – Иван Александрович Ильин – больше года находился в научной командировке в Германии и Франции, занимаясь изучением новейших течений европейской философии, включая философию жизни и феноменологию. А что говорить о плеяде выдающихся писателей, поэтов и философов, депортированных советской властью осенью 1922 года на теплоходе «Пруссия». По разным оценкам после Октябрьской революции 1917 года в изгнании оказалось более 500 выдающихся русских учёных, которые впоследствии внесли существенный вклад в развитие мировой науки, техники, культуры и искусства. Сергей Булгаков, Иван Ильин, Семён Франк, Николай Бердяев, Владимир Набоков, Иван Бунин, Питирим Сорокин, Фёдор Степун, Игорь Сикорский и многие другие настолько мощно представили русскую ментальность на мировой арене, что рассматривать ту же европейскую культуру вне русского контекста – глубокое заблуждение.

Я умела преподносить материал и заинтересовать студентов. Моя эрудиция и профессиональное владение текстами из русской литературы и философии, многие из которых я цитировала наизусть, заставляли моих студентов пересматривать свои взгляды на русский народ. Они спорили, пытались возразить, приводили свои примеры, но я непременно побеждала в дискуссиях, потому что моя аргументация оказывалась более убедительной – ведь дей-

ствительно, с одной стороны, русская культура много брала от своих европейских соседей: Германии, Англии, той же Франции, но с другой стороны, она всегда оставалась самобытна и неповторима. Мы, русские, всегда удивляли европейцев тем, что не просто копировали их достижения, не становись апологетами, а перестраивали заимствованное на свой лад, ассимилировали, вдыхая в их идеи новый смысл: свою самобытность, оригинальность, свой менталитет.

С Францией Россию связывали пусть сложные, но зато многовековые отношения. Ещё в середине XI века дочь великого князя Киевского Ярослава Мудрого Анна стала королевой Франции, выйдя замуж за короля Генриха I. После его смерти Анна стала регентшей при его сыне – будущем короле Франции Филиппе I, и фактически несколько лет правила Францией. В 1717 году по указу царя всея Руси Петра I во Франции открылось первое русское посольство. Именно это событие стало отправной точкой для установления дипломатических отношений между двумя государствами. В истории межгосударственных отношений между Францией и Россией было много сложных периодов – чего стоит только одна Отечественная война 1812 года, когда войска под предводительством императора Франции Наполеона Бонапарта вслед за покорением многих европейских народов попытались завоевать Россию. И именно поражение «Великой Армии» в войне 1812 г. против России положило начало крушению империи Наполеона I.

Кульминационной точкой в российско-французских отношениях стал конец девятнадцатого столетия, когда в октябре 1896 года российским императором Николаем II в ознаменование Франко-русского союза был заложен одноарочный мост, перекинутый через Сену в Париже между Домом инвалидов и Елисейскими Полями. Чтобы не заслонять панораму Елисейских Полей, высота сооружения

не превышала шести метров, что на момент его создания считалось удивительным достижением. Мост Александра III стал символом дружеских отношений между двумя государствами. У моста Александра III есть «брат-близнец» в Петербурге – спроектированный французами Троицкий мост через Неву. Он строился в одно время с мостом через Сену, и его возведение также подчёркивало культурно-политическую близость двух государств.

Возможно, из-за близости наших культур Франция мне понравилась сразу и безоговорочно. Я не влюбилась в неё, что ты, мои чувства навсегда принадлежали моей родине – Украине, Советскому Союзу. Но действенная связь между нашими культурами существовала, потому что, несмотря на разницу в политическом строе и несводимости «коммунистической» и «буржуазной» идеологии, я с первых дней пребывания во Франции почувствовала себя комфортно, свободно и безопасно. Хотя обнаружили и отличия, которые лично меня неприятно удивили и даже расстроили. Это обилие продуктов в магазинах, более высокий уровень жизни рядовых французов, количество и качество автомобилей, а также условия организации труда. Благодаря усилиям твоего дедушки, лично я не ощутила своей материальной ущемлённости во Франции, но вот за свой народ мне стало обидно.

Но кто особенно меня удивил, так это французская молодежь – студенты Сорбонны. Они выглядели словно инопланетяне: любители яркой и пёстрой одежды, непосредственные и независимые в поведении и суждениях, открытые и свободные в проявлении чувств, постоянно совершенствующие свои личностные качества и уважающие чужие проявления индивидуальности, не признающие голословности и ценящие только факты. Внушенька, такой открытой и здоровой конкуренции за знания и лучшую оценку между студентами, такой усидчивости и целеу-

стремленности к изучению новой информации я давно не встречала у студентов советских университетов. У себя на Родине я как-то успела привыкнуть к тому, что с каждым новым потоком ко мне в аудиторию попадали более пассивные, безразличные и незаинтересованные в своём образовании студенты. Большинство из них училось не ради получения новых знаний и умений, а для оценки, поэтому, выдержав экзамен и получив заветную тройку, четвёрку или пятёрку в аттестат, они тут же забывали пройденный материал и больше к нему не возвращались. Многие из них равнодушно соглашались с оценкой преподавателя, даже не пытаясь оспорить её, и тем более доказать свой более высокий уровень знаний.

А в Сорбонне я неожиданно наткнулась на выражение открытого несогласия студентов с моим оцениванием. Меня сначала неприятно поразила, от неожиданности возмутила, но потом, после длительных размышлений, вдохновила роль преподавателя во французской модели высшего образования. В Сорбонне я впервые за свою педагогическую карьеру прочувствовала, что студентам совершенно безразличен мой статус преподавателя. Мало того, оказалось, что во французской образовательной системе он не предусматривает никаких привилегий и властных полномочий – преподаватель выполнял свои обязанности так же, как и любой другой студент, при этом судьбы каждого зависели друг от друга. Студенты имели право самостоятельно выбирать преподавателя, тем самым оказывая на его карьеру и достаток прямое влияние, зато преподаватель мог развернуть перед студентами перспективу своих научно-исследовательских проектов и вовлечь в них потенциальных партнёров.

Настенька, впервые мои преподавательские способности оценивались не по регалиям и статусу, а по уровню совершенства моего внутреннего мира. Студенты Сорбонны

оценивали меня только по двум критериям: насколько я харизматична в донесении информации, и какого качества информацию я до них доношу. В отличие от советских студентов, они приходили на занятия не просто отбыть время и получить заветные балы, а за новыми и глубокими знаниями, которые не встретишь в учебниках и дополнительной литературе. Преподаватели интересовали студентов не как ретрансляторы, пересказывающие доступные и заезженные тексты учебной литературы, а как личности, реализующие себя в конкретной области исследований и достигшие в ней высоких результатов и авторитета. Студентов не удовлетворяло даже доходчивое изложение – они требовали современной информации, самых свежих открытий, новейших методов и передовых теорий. И такой ответственный подход к получению знаний, их требовательность к качеству и новизне изучаемого материала импонировали мне, вызывали восхищение и желание выводить их на ещё более тонкие уровни изучения проблемы. Меня радовало то, что студенты не просто заучивали предлагаемый материал, а проникали в его содержание, выискивали глубинные связи и пытались составить более фундаментальное и смыслообразующее представление о рассматриваемой проблеме. Та творческая и доброжелательная атмосфера, в которой проходили наши занятия, способствовали тому, что я с удовлетворением отмечала, как постепенно растаивает их предубеждённость по отношению к моей Родине, как они медленно, но всё глубже проникают в особенности русской культуры.

Внученька, я старалась вдохновлять молодое поколение французов лучшими работами из русской литературы и философии. Не всегда это проходило гладко, потому что в основах нашего мировосприятия лежала разная философия жизни, и мы по-другому воспринимали своё место в семье, обществе и мире. Но, с моей точки зрения,

особенность русской литературы и философии как раз и заключается в том, что она по своей сущности является всепроникающей, всеохватывающей и мультикультурной. Её неповторимость и сила состоит в том, что она ориентирует развёртывание внутреннего мира человека не на эгоистичное потребление даров жизни, не на обособленность и разобщённость индивидуальных проявлений, а на формирование софийного – выражающего особое представление о мудрости и олицетворяющего мудрость – восприятия мира. Русская философия несёт миру соборное мировосприятие, охватывающее весь уклад жизни, весь комплекс морально-этических норм внутри сообщества. Поэтому русская литература и философия служат объединению цивилизации, примирению всего многообразия мировоззренческих позиций и религиозных конфессий; она призывает к терпимости, открытости и милосердию к ближнему. Прагматизм и позитивизм европейской философии действительно выигрышен и эффективен в узко-временных рамках, но в перспективе, в своём объединяющем вселенском охвате русская философия и русское прозрение мира не имеет себе равных.

Письмо тридцать первое

Настенька, во Франции у меня значительно расширился круг знакомств. Моя миссия заключалась в проповедовании русской культуры, поэтому я с лёгкостью заводила знакомства и большую часть времени проводила с новыми друзьями. Через время руководство из Москвы поставило меня во главе ассоциации преподавателей, которые читали русский язык как иностранный в университетах Франции. Наша ассоциация состояла сплошь из одних женщин, причём не только из Советского Союза, но и из братских социалистических государств: Болгарии, Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии. В ассоциации нас насчитывалось до ста женщин, причём я оказалась самой великовозрастной дамой. Мы довольно часто встречались вместе, организовывали пикники, совместные семинары, туры, которые затягивались на несколько дней и позволяли нам ближе раскрыть таланты друг друга, перезнакомиться и подружиться. Практически со всеми девочками из ассоциации я до сих пор переписываюсь, созваниваюсь и поддерживаю дружеские отношения. На тот момент мы практически все вступили в пору своей второй молодости, поэтому относились к открывшимся возможностям трепетно, бережно и вдумчиво.

Настенька, во Франции я оказалась настолько открыта новым отношениям и нацелена на восприятие ярких событий, что ходила, постоянно излучая мощные заряды позитива. Люди слетались на меня как мотыльки на свет,

и я излучала этот свет, обогревая окружающих радостным восприятием жизни, лёгкостью отношений, чувственностью восприятия и вдохновлённостью своих мыслей. Я настолько свободно и комфортно чувствовала себя во Франции, что всё богатство внутреннего мира, скопившееся во мне и не реализованное в условиях государственного строя СССР, сторицей стало проявляться в Париже, в работе с людьми разных национальностей. То время «Ч», к которому я так усиленно готовилась, просиживая в киевских библиотеках за книгами, наступило. С меня спали оковы условностей, навязанных стереотипов, тенденциозных правил поведения, и я стала вести себя так непосредственно, беспристрастно и доверчиво, что люди видели во мне не состоявшуюся сорокапятилетнюю женщину, а ребёнка, который искренне и радушно встречает всех, кто дарит ему улыбку и излучает добродушие. И, что удивительно, моя внутренняя открытость и бесхитрое отношение к людям, моя пробудившаяся внутренняя свобода и оптимистичное восприятие мира прямым образом отразились на свежести моего тела. Стоя на пороге сорокапятилетия, я выглядела настолько здоровой и активной, настолько подвижной и непоседливой, что никто не только не давал мне моих лет, но и не мог угнаться за стремительностью моего образа жизни.

Наша большая, интернациональная и дружная женская ассоциация постоянно притягивала к себе поклонников и почитателей из числа преподавателей-французов, которые, стараясь закрепиться в нашем разношерстном обществе, соглашались часами слушать наши споры и профессиональные разговоры о возможностях русского языка. Открытое общение с коллегами других национальностей и народов, с которыми мы преподавали один предмет, но для которых русский язык не являлся родным, открывал для меня новые нюансы в изучении и препода-

вании русского языка и литературы. Я проникалась рассказами профессионалов-иностранцев о методике изучения и преподавания родной для себя речи, сопоставляла особенности преподавания русского языка и литературы в Польше, Румынии, Чехословакии и в других государствах «социалистического лагеря». И что самое интересное, я слышала порой противоположные ответы на один и тот же вопрос, что доказывало нетипичность восприятия русской литературы и философии каждой нацией и народом.

Я с интересом наблюдала, как французы-преподаватели пытались вникнуть в сущность наших дискуссий. Возможно, они понимали, насколько каждой из нас, представительниц разных народов и культур, важно разобраться, по крайней мере, в двух вопросах. Во-первых, понять допустимую и безопасную для национальных интересов глубину проникновения русского языка в другие культуры с вытекающими изменениями в мировосприятии. Во-вторых, разобрать защитные действия культур малых народов, по отношению к которым осуществлялась экспансия русского языка и русской культуры. Лично для себя я пыталась понять, вызывают ли русские идеи и ценности отторжение и неприятие у людей других национальностей, воспитанных на совершенно иных культурных традициях и вероисповеданиях? И однажды, в самый разгар наших дискуссий, кто-то из французов-интеллектуалов поделился с нами поистине бесценными наблюдениями из колониальной истории Франции: оказывается, экспансия со стороны страны «победительницы» не всегда приводит к замещению национальных культурных ценностей и традиций. Африканские колонии Франции уже долгий период времени зависели от французской культуры, разговаривали преимущественно на не родном французском языке, но при этом продолжали придерживаться традиций своей африканской культуры. Эту новую информацию я с жад-

ностью приняла к сведению и попыталась глубже переосмыслить, потому что в последнее время мою Родину часто обвиняли в экспансии и навязывании своей идеологии другим народам. Мне важно было разобраться, насколько эти обвинения обоснованы, потому что исторически русская культура, рождённая и развиваемая в православии, не являлась агрессивной и не заключала в себе угрозы насилия и принуждения. Русская культура – это преимущественно культура терпимости, доброты, человеколюбия и подвижничества.

Мои коллеги и знакомые французы часто задавали мне один и тот же вопрос: «Кто вы такие – русские?» Причём под русскими на Западе в конце XX столетия понимали почти все славянские народы СССР: русских, украинцев, белорусов. И меня, чистокровную украинку, на тот момент этот вопрос не обижал, не вызывал оскомины, потому что я выросла на понимании того, что действительно, мы – русские, потому что у нас единый род – Киевская Русь, в каждом из нас общий генетический код – мы потомки славян. А кто из нас «великоросс», «малоросс» или «белорус» – это всё второстепенно и неважно. Это уже следующий виток истории Руси, второй этап развития нашего корневища со своими следствиями и особенностями...

Настенька, так получилось, что ты родилась накануне распада могучей державы, и твой внутренний мир формировался уже в условиях становления независимой Украины. Я считаю, что тебе и твоему поколению не повезло, потому что периоды кризиса, распада и революций – это хаос, беспорядки, эксперименты в обществе и межличностных коммуникациях, которые из внешней среды переносятся в умы подрастающих поколений, формируя в них неустойчивое, депрессивное и несистематизированное мировосприятие. Многие из вас так и не смогли понять: украинец – это кто?

Маленькая моя, самоидентификация и определение своих истоков – корневища родового дерева, очень важны для смыслообразующей и целенаправленной деятельности каждого человека. Чувство Родины, как и вера в Бога – это интегрирующая сила, сплачивающая внутренний мир человека, делающая его целостным и устойчивым к стрессам. В Советском Союзе нас лишили веры в Бога, но мы могли в своём самосовершенствовании опираться, по крайней мере, на чувство Родины, которое, безусловно, не заменяло влияние православной церкви, но хотя бы позволяло ощущать свою принадлежность к славному многовековому роду. И для нас – русских, украинцев и белорусов – Родиной являлась земля, на которой в девятом веке в результате объединения восточнославянских племён под властью князей династии Рюриковичей образовалось средневековое государство Восточной Европы – Русь. Вплоть до монгольского нашествия в 1237–1240 годах город Киев формально продолжал считаться главным столом Руси, а Киевское княжество оставалось в коллективном владении русских князей. Я помню, как ещё в старших классах школы я с наслаждением читала в учебниках истории: «Первые сведения о государстве русов относятся к первой трети IX века: в 839 году упомянуты послы кагана народа Рос, прибывшие сначала в Константинополь, а оттуда ко двору франкского императора Людовика Благочестивого». Настенька, оказывается, наши корни идут от народа Рос, а город, в котором я жила, и в котором родилась твоя мама и ты сама, существует больше тысячи лет! Милая, как важно понимать, что за плечами твоей культуры насчитываются тысячелетия и что ты не просто украинка, не просто гражданка СССР, а ты преемница древнего народа Рос.

К сожалению, Настенька, внутренний мир вашего поколения формировался вне русского православия и чувства Родины, поэтому многие из вас не знают – кто такой

украинец и к чему обязывает принадлежность к этому родословию.

А я гордилась и знала, что означает быть русской. Настенька, я отвечала на этот вопрос, опираясь на глубокие рассуждения выдающегося русского педагога Александра Михайловича Новикова, который указал на три характерные особенности русского менталитета: *духовность, народность и державность*. Внученька, оказывается, быть русской – это значить иметь высокоразвитую *духовность*. Под духовностью понимается, прежде всего, зашкаливающая доброта, которая прощает недостатки, пороки и слабости людей, и которая часто воспринимается как слабость, потому что русские, в отличие от других европейских народов, на удивление долго терпят угнетения и мирятся со страданиями от угнетателей. Но на самом деле, русская доброта – это непостижимая сила духа, которая позволяет русским людям оставаться независимыми, самостоятельными и свободными, даже находясь под чьей-то властью. Возможно, в этом кроется сила русского духа, которая основана на умении оставаться добрым, терпимым и свободным, даже в неволе. Это как у спартанцев – даже в рабстве, они умирали как Воины, потому что на уровне внутренних убеждений они оставались свободными людьми, не испытывая страха даже перед лицом смерти. Доброта русских – это сила варягов, которые бесстрашно покоряли морские просторы и в качестве особого отряда состояли на службе у византийских императоров с XI века; это сила русских богатырей, слава о которых сохранилась в летописях многих европейских народов; это неувядаемые победы русских войск под командованием Александра Васильевича Суворова в XVIII веке, Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова в XIX веке, Георгия Константиновича Жукова в XX столетии. Не зря ещё один выдающийся полководец XIII столетия, великий князь

Киевский Александр Ярославич Невский после победы над шведами и немецкими рыцарями Ливонского ордена сказал вещую фразу: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». Возможно поэтому народ Рос – русов, несмотря на всю его доброту и терпимость, почти за полтора тысячелетия так никто и не смог покорить.

Внученька, духовность русских – это гуманное мировоззрение, причём настолько завышенное, что в системе ценностей русских на первом месте стоит судьба всего человечества, цивилизации Земли, на втором месте – судьба своего народа, и лишь на третьем, последнем месте – судьба своей семьи и собственная судьба. Русских людей отличает софийность мировоззрения – стремление к всеединству, упорядочению, установлению гармонии и равновесия в мире с одновременным преодолением условных границ, выходом в запредельное существование. Русская литература и философия пронизана человеколюбием и миролюбием, желанием устроить судьбу человечества, даже во вред себе, путём самопожертвования и самоуничтожения. Русские часто игнорируют мирские дела, с пренебрежением относятся к условиям быта. *Предназначение русских, прописанное в их генетике и передающееся по родовому дереву, – размышлять о глобальных проблемах и вершить великие дела в масштабах целой планеты и космоса.* Неслучайно первый искусственный спутник Земли 4 октября 1957 года запустили на орбиту русские; первый человек в мире, совершивший полёт в космическое пространство 12 апреля 1961 года – русский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин; первый человек, вышедший в открытый космос 18 марта 1965 года – русский, сибиряк, Алексей Архипович Леонов. Если человеческая цивилизация и перейдёт в состояние космической силы, то к этому её подвигнет влияние русского менталитета, космическая философия русских.

И последнее. Духовность русского человека – это высокоразвитое чувство подвижничества, самосовершенствование путём самоотречения от повседневного и насущного. Русским людям нет равных, когда надо поднять неподъёмное или вытерпеть нестерпимое, когда надо «растворить» свою жизнь в жизни других людей или целиком посвятить себя делу, которому служишь верой и правдой. Среди русских людей встречается много аскетов – личностей, отказавшихся от временных мирских благ во имя служения вечному и полезному человечеству.

Настенька, вторая главная особенность ментальности русского человека – это *народность*. Что она означает? Во-первых, народность – это общинность. В досоветский период её называли соборностью, а в советский – коллективизмом. Общинность, внученька, – это всеобщность, целостность, внутренняя полнота, множество, собранное силой любви в свободное и органическое единство. Общинность русских людей осуждает индивидуализм, как стремление отдельного человека противопоставить себя общности. Общинность – это сила коллектива, активность масс, потенциал целого рода. Именно здесь русские особенно сильно разнятся от европейцев и американцев, чья вера проповедует жёсткий индивидуализм – «каждый за себя, только Бог за всех». А в русском православии – «один за всех и все за одного»; «с миру по нитке, голому – рубаха». Народ Рос силён миром – общинностью, когда можно рассчитывать на милость ближнего, когда в трудную минуту можно положиться на соседей и они не подведут – помогут. На Руси все дела вершились общиной, основанной на взаимопомощи и взаимовыручке.

Народность, Настенька, – это и уважение к традициям своего народа. На Руси всегда было принято опираться на народную культуру, народные традиции, народную педагогику, народные обряды, народные ремёсла, промыслы

и т. д. Глубокое переосмысление опыта прошлого, постоянное обращение назад, к своим истокам, красной нитью проходят через русскую литературу и философию. У многих европейцев складывается мнение, что русские живут не столько настоящим, сколько своим прошлым, резко переходящим в будущее. Наверное, так оно и есть – русский почитает своё прошлое и скрупулёзно, дотошно и многократно его переосмысливает. Русский живет во имя будущего, проникая в планетарные процессы и пытаясь охватить мыслью развёртывание космоса. Но вот настоящее, повседневное и обыденное его совершенно не интересует. Отсюда и аскетизм, и альтруизм, и граничащее с презрением пренебрежение к материальному, мирскому, будничному.

Народность русских – это и открытость, способность русской культуры поддаваться внешним влияниям, впитывать ценности разных народов, духовно обогащаться и преобразовывать их, но при этом сохраняя свою неповторимость, самобытность и единство.

Наконец, быть русской, внученька, означает обладать третьим важным качеством в своём менталитете – *державностью*. Державность русских – это зашкаливающий патриотизм, проявляющийся в любви к Отчизне, в любви к малой и большой Родине, в любви к своему дому и готовности до последней капли крови защищать его. Патриотизм русских отличается от патриотизма других народов тем, что в нём не просто любовь, а *фанатичная любовь к земле русской*, граничащая с безмерной тоской, лютой кручиной и нечеловеческими страданиями. Только русские могут умереть от тоски в неволе, и только русские могут отказаться от благополучной жизни на чужбине ради страдальческого и полунищего существования на родине.

Державность, милая – это и признание необходимости сильной государственной власти, о чём сегодня мечтают

и говорят подавляющее большинство русских, украинцев и белорусов. Исторически сложилось так, что Русь развивалась скачками, и эти скачки приходились на периоды сильной государственной власти. В истории Руси можно выделить пять таких основных этапов, связанных со знаковыми событиями в величии русского рода:

1) с 1462 по 1505 – годы правления Ивана III Васильевича, Великого князя московского;

2) с 1696 по 1725 – годы государственной деятельности последнего царя и первого императора России Петра I, тоже прозванного Великим;

3) с 1762 по 1796 – годы властвования императрицы Всероссийской Екатерины II Алексеевны – Великой;

4) также, как это не горько признавать, с середины 1920-х по 1953 – годы тоталитарного режима Иосифа Виссарионовича Сталина.

Теперь, с 1999 года настала эпоха Владимира Владимировича Путина – Президента Российской Федерации, который, в отличие от украинских президентов, поставил национальные интересы выше собственного обогащения. *Ведь в гробу карманов нет...*

Таким образом, Настенька, русский – это человек, в менталитете которого преобладают духовность, народность и державность. Корни русских, украинцев и белорусов уходят в народ Рос и мы должны знать не только свою историю, но и те основные характеристики, которыми наш народ отличается от других народов мира.

Письмо тридцать второе

Внученька, все женщины нашей ассоциации состояли в браке, но во Франции проживали одни, вдали от семей, потому что согласно заключенным контрактам университеты Франции оплачивали жильё только приглашённому преподавателю. Настенька, за время зарубежной командировки я насмотрелась, как женщины разных национальностей и культурных традиций реагируют на вынужденную разлуку со своими семьями: для одних оторванность от семьи превращалась в трагедию, и их постоянно приходилось успокаивать и отвлекать от хандры и тоски; для других командировка во Францию представлялась как возможность отвлечься от рутины семейных обязанностей; у третьих Франция пробудила желание флирта и лёгких любовных интрижек. Причём многие женщины нашей ассоциации выносили свои переживания на всеобщее обсуждение, где мы разбирали их, принимали решения и отслеживали их выполнение. Мы практически ничего не скрывали друг от друга, жили единой общиной – прямо как народ Рос. Мы искренне переживали и радовались друг за друга, поддерживали и выручали в трудную минуту. Мы представляли собой сплочённую группу единомышленниц, в которой действовал мушкетёрский принцип: один за всех и все за одного. Не сладко приходилось французским мужчинам, которые пытались проникнуть в нашу ассоциацию и «увести» от нас нашу подругу. Они наталкивались на такой дружный отпор, попадали под такой

прессинг красивых, умных и свободных женщин, что пугались и трусливо сбегали, очередной раз доказывая слабость и вырождаемость мужского рода.

Каждая из женщин нашей ассоциации выглядела по своему красивой, умной и впечатляющей. Тип славянских женщин действительно выделяется красотой, обаянием и трудолюбием – во Франции я в этом убедилась. Мы любовались друг другом и помогали совершенствоваться друг другу. Мы тянулись за лучшими из нашей ассоциации, а лучшие старательно делились своими секретами, подтягивая «отстающих». Внушенька, а сколько у нас оказалось поклонников! Мы завели специальную тетрадку, по которой каждый месяц составляли рейтинги: кто из нас больше всех искусит и соблазнит мужчин. Причём мы не заигрывались, не опускались до пошлости и грехопадения – допускался только лёгкий флирт и желание кавалера предстать перед нашим коллективом. Поэтому со временем наши семинары превратились в многолюдные грандиозные сборища, потому что каждая из нас старалась представить уже не одного, а нескольких кавалеров. Это была безобидная игра взрослых женщин, которые прощались со своей первой молодостью и стояли на пороге балзаковского периода. Нам хотелось развлечений, новых и ярких ощущений, интересных разговоров и сумасшедших поступков, и мы не отказывали себе ни в чём, одновременно храня верность своим мужьям и сохраняя любовь и глубину чувств к родному дому.

Внушенька, хочу признаться тебе, что, несмотря на то, что в ассоциации я оказалась самой старшей, в составленном нашими девочками рейтинге я несколько раз занимала первые места. Мне тяжело судить, почему мужчины так тянулись ко мне, – я никогда не давала к этому повода, и тем более не собиралась изменять твоему дедушке. Я ни от кого не скрывала, что замужем, что у меня муж академик

и взрослая дочь, но почему-то мужчин это не останавливало. Они наперебой пытались увлечь меня, удивить, покорить, влюбить в себя. И чем меньше я на них обращала внимания, тем настойчивей становились их ухаживания, тем покладистей, преданней и терпеливее становились сами мужчины.

Настенька, анализируя подходы и способы ухаживания своих кавалеров, которые представляли собой разные национальности и возраста, я поражалась одному: насколько мужчины далеки от понимания женской психологии. Даже пресловутые французы, воспетые как лучшие в мире любовники, и те, по большому счёту, мало чем отличались от наших русских бабников и волокит. Если отбросить малозначимые детали, каждый мужчина, который норвил ухаживать за мной и соблазнить, думал, прежде всего, о себе: о своих потребностях, желаниях, чувствах. Многие из них воспринимали моё тело, в лучшем случае – мою общительность и коммуникабельность, но никто из них не поинтересовался моей мечтой и моими целями в жизни, привычками. Все они надеялись превратить меня в свою наложницу, чтобы я удовлетворяла их похоть, развлекала на досуге, выступала дорогим украшением в их жизни. Но что взамен эти донжуаны могли предложить мне? Секс? Но лечь в постель с незнакомым мужчиной ради удовлетворения его похоти? – я слишком уважала себя, чтобы опуститься до уровня беспутницы. Настенька, никто из моих кавалеров даже не попытался доказать, что он лучше моего Саши, все думали только о себе, а не о том, чтобы поставить меня в центр Вселенной и окружить совершенством, пробудить во мне желание, страсть и целый букет других чувственно-эмоциональных ощущений, сохраняющихся во мне не раскрытыми супругом. Чувства? В этом вопросе французы меня действительно удивили, потому что в Советском Союзе как-то не принятым было от-

крыто проявлять свои чувства. Во Франции же, наоборот, чувства не скрывались, проявлялись по любому поводу, но они показывались настолько демонстративно и откровенно, что вызывали не симпатию, а неприятие и недоверие. Крайняя чувствительность французов поначалу удивляла и обращала на себя внимание, но потом, когда мы все убедились в их непостоянстве и непоследовательности, стала вызывать лёгкое раздражение и нервную улыбку. На фоне фонтанирующей и переменчивой чувствительности французских искателей любовных приключений, спокойные, ровные и стабильные отношения с мужем выглядели намного приятнее и перспективнее. Возможно, лет двадцать назад мне бы и захотелось испытать изысканный флирт и яркую влюблённость, но сейчас я предпочитала чувствовать стабильность и уверенность в человеке, с которым бы смогла достойно встретить старость и умереть, не испытывая одиночества. А во Франции, как нам стало известно, тысячи французов умирали в домах престарелых забытыми и одинокими. Поэтому твой дедушка мог не переживать за мою верность – наши семейные традиции мне нравились больше.

Но самое интересное: ни один казанова не попытался раскрыть во мне сакраментального – сложившуюся внутреннюю систему взглядов, через призму которой не только я, но и любая взрослая женщина воспринимает окружающий мир. Внученька, чем старше я становилась, тем больше ощущала зависимость от своих привычек, устоявшихся стереотипов, отработанного до автоматизма поведения. И когда очередной сластолюбец пытался навязать мне себя и своё общение, я воспринимала его через свои привычки и через то, насколько он подходит под мой распорядок дня. Я привыкла укладываться спать не позже десяти часов вечера, но зато вставала всегда рано – в пять утра, поэтому полуночники, любители дискотек и ночных

тусовок отпадали сразу, потому что я знала – в котором бы часу я не легла, мой организм проснётся в пять утра и я весь день буду ходить не выспавшаяся, чумная. Кроме того, я любила тишину, и лет с тридцати вообще не смотрела телевизор, поэтому шумных мужчин, любителей футбола, бокса и музыкальных каналов я никогда даже не приглашала к себе в гости.

Внученька, ещё я обратила внимание на то, что если я каждого нового своего знакомого исследовала как под микроскопом и уже после нескольких «свиданий» знала о его привычках, целях в жизни, глубине и масштабе мировосприятия, то большинство мужчин явно недооценивали меня. Почему-то во Франции к русским женщинам относились легкомысленно, воспринимали их как уступчивых, покладистых, поверхностных и глупых дам. Возможно, сами русские эмигрантки дали этому повод, значительно занизив планку своих требований к иностранцам. Но я не относилась к таковым, поэтому, возмущённая эгоизмом и легкомыслием своих иностранных кавалеров, я отвергала любые знаки внимания и продолжала наслаждаться своим привычным образом жизни, сохраняя верность мужу и семейным идеалам.

Настенька, во Франции я впервые увидела, как плачут мужчины. Замечу, это пренеприятнейшее зрелище, когда, получив очередной отказ, мужчина начинал рыдать, словно женщина. У себя на родине я никогда не видела плачущих мужчин, кроме как в состоянии сильного алкогольного опьянения. Но то плакали не они, а водка. А для французов слёзы являлись таким же атрибутом к проявлению чувств, как цветы, вино и рестораны.

Поклонники-французы меня интересовали только как посредники между моей культурой и их народом. Я плохо говорила по-французски, и только жаждущий любви и чувств француз мог растолковать мне особенности своей

культуры, разницу в мировосприятии, менталитете, вероисповедании. Я не отказывалась от общения с французами, потому что хотела как можно больше узнать об их культуре, истории, образе жизни и системе взглядов. В свою очередь, я делилась с ними особенностью жизни в Советском Союзе, раскрывала богатство русской литературы и философии. Я пыталась провести параллели, чтобы понять, где наше восприятие мира одинаково, а где обнаруживаются отличия. Благодаря широкому кругу своих знакомств и эрудиции собеседников, мне удалось установить, что, действительно, мировосприятие наших народов сильно отличается, что существуют культуры, которые ориентированы на близлежащую перспективу, на удовлетворение потребностей здесь и сейчас, а есть культуры, в которых принято жить будущим. Французы относились к первому типу культур, а я и мой народ – ко второму. Настенька, ни один мой знакомый француз так и не понял, зачем во имя абстрактного и далёкого будущего он должен отказаться от благ настоящего. Пытаясь разъяснить французам, что моё общество живёт ради светлого будущего наших детей, что мы строим коммунизм, в котором, по всей видимости, пожить не успеем, я видела, как глаза моих собеседников округлялись от удивления, и они начинали смотреть на меня как на чудо природы. Каждый из них задавал похожий вопрос: а зачем тратить свою жизнь на то, чтобы кому-то жилось лучше? А вдруг то, что мы строим, тому другому не понравится, тогда для кого мы строили, во имя чего отдавали свою жизнь? Они не понимали, зачем нашему поколению нужно отказываться от радостей жизни и достижений современных технологий, ведь мы же не монахи, не люди каменного века?

Сложность их вопросов, их искреннее непонимание, но самое главное – *их сытый и барский образ жизни*, сеяли во мне зёрна сомнения. А ведь действительно, я прожи-

ла большую часть своей жизни, посвящая её достижению кем-то придуманных идеалов. А что я видела за эти годы? Насколько наше общество приблизилось к коммунизму, и будет ли жить при коммунизме моя дочь? А вообще, наступит ли когда-нибудь обещанная эпоха коммунизма? Я всё чаще задавала себе эти вопросы, и ответы, которые напрашивались, которые я находила в повседневной жизни французов, заставляли меня пересматривать те определяющие взгляды, которые лежали в основе моего мировосприятия. Невольно моё последнее нерукотворное детище – хрустальный внутренний мир, заново отстроенный после отдаления дочери, – вновь стал давать трещины. Годами впитанная коммунистическая идеология начала замещаться новыми прописными истинами, которые диктовала повседневная жизнь Франции и других европейских государств.

Письмо тридцать третье

Настенька, сейчас, вспоминая прошедшие годы, я поражаюсь контрастности жизни: чем шире становился круг моих знакомств, чем больше времени я проводила со своими подругами по ассоциации, тем чаще мне хотелось уединиться и побыть в одиночестве. Я вдруг поняла, что моя общественная деятельность, мое предназначение – вдохновлять людей русской культурой, это моя работа, это смысл моей жизни. Но для того, чтобы день за днём выкладываться в полную силу, пробуждать окружающих людей, вкладывая в них свою веру, энергию и позитив, мне требовалось самой постоянно находиться в тонусе, вовремя восстанавливаться, отдыхать и набираться сил. К сожалению, с годами я всё чаще стала ощущать усталость от общения с людьми, чувствовать истощённость, слабость, раздражительность. Отдавая свою энергию людям, я не успевала пополнять свои внутренние источники жизненной силы, поэтому периодами меня одолевала апатия, которая вносила напряжённость в общение, сковывала мысли, притупляла желания. Я иногда ловила себя на желании то резко оборвать монолог очередного французского поклонника, то остановить совершенно не интересующую меня исповедь подруги по ассоциации, то грубо ответить на случайный толчок зазевавшегося прохожего. Суэта, мелочность и поверхностные суждения окружающих людей начали доводить меня до тошноты, до первых позывов ненависти. Мне всё труднее становилось сдер-

живаться, заставляя себя улыбаться, оставаться учливой, вести себя в рамках приличия и хорошего тона. Я чувствовала, что мне срочно требуется сменить обстановку, найти условия, в которых бы я смогла расслабиться, отдышаться, прийти в себя. Я искала место, в котором бы смогла уединиться и не спеша осмыслить полученную информацию, привыкнуть к новым образам, подвести итоги, наметить планы на будущее и вновь включиться в выполнение своей миссии, поддерживать тот темп жизни, который я сама себе задала.

И эту среду я нашла, причём случайно, даже не подозревая о её близости. Моей отдушиной, источником, восстанавливающим внутреннюю гармонию и равновесие, стало одиночество, причём не как замкнутость и отстранённость от людей, а как вхождение в первозданный мир природы; одиночество как воссоединение с естественной средой, питающейся из космоса...

Женской ассоциацией мы часто собирались на морских курортах Франции, но, как правило, эти встречи выпадали на жаркие дни, спокойное море и массовое нашествие отдыхающих, вальяжно развалившихся вдоль побережья. Естественно, ничего вдохновляющего для себя я в этой обстановке не находила. Да, морская свежесть и шум прибоя успокаивали, расслабляли, но не более, поэтому мои посещения французских курортов являлись скорее вынужденной уступкой желанию женского коллектива, чем потребностью моего внутреннего мира. Но как-то осенью меня неожиданно потянуло в Ниццу – слишком многое этот город связывало с моей Родиной: здесь находилась могила русского публициста, писателя и философа Александра Ивановича Герцена, в Ницце нашёл своё последнее пристанище наследник русского престола, старший сын императора Всероссийского Александра II – Великий князь Николай Александрович. В своё время я читала, что на

него возлагались большие надежды в управлении Россией, и если бы не его ранняя и нелепая смерть, то неизвестно, какая бы судьба ожидала Русское государство. В начале XX столетия в Ницце погибла известная танцовщица, жена русского поэта Сергея Есенина, Айседора Дункан. Из справочной литературы я узнала, что в своё время в Ницце часто отдыхали: русский поэт, князь Пётр Андреевич Вяземский и классик русской литературы Антон Павлович Чехов. Наконец в Ницце существовала целая колония русских, насчитывающая до шести тысяч человек. К тому же, мне, совершенно неверующему человеку, захотелось побывать в одном из достопримечательных мест Ниццы, самом большом в Западной Европе православном храме – Соборе святителя Николая Чудотворца.

Моё желание посетить Ниццу оказалось настолько сильным, что, невзирая на довольно прохладную и сырую осеннюю погоду, я поздно вечером выехала из Парижа и уже ранним утром оказалась в Ницце. Так получилось, что никто из моих знакомых не смог составить мне компанию: одни сослались на занятость, других испугала погода, третьи не смогли совладать со своей ленью, поэтому в Ницце я оказалась одна. И знаешь, внученька, только теперь Ницца меня очаровала. Стояла поздняя осень, курортный сезон давно закончился, город успокоился, местные жители готовились к зиме, поэтому я никого не интересовала: ко мне никто не приставал с услугами, кавалеры давно угомонились и разъехались по своим семьям, а влюбленные парочки переехали в более тёплые края. Осенняя Ницца оказалась совершенно не похожей на Ниццу курортную, летнюю. Вместо гомона и рокота заполнявших набережную и городские пляжи масс людей и спокойной, изредка вздыхающей волнами водной глади, я оказалась в тишине мирно спящего города на берегу вышедшего из-под контроля, беснующегося, безумно мечущегося моря. Этот

контраст оказался настолько разительным, а сама Ницца и Средиземное море предстали настолько неузнаваемыми, что я замерла, поражённая и восхищённая увиденным.

Настенька, несмотря на то, что я выросла на книгах и по-прежнему в глубине души продолжала усердно выстраивать свой сказочный замок, после сорока лет острота мировосприятия стала притупляться, а окружающие события меньше радовали и вдохновляли. Одно время мне стало даже казаться, что я разучилась удивляться: с одной стороны, я слишком многое за свои годы повидала, прочитала и познала, а с другой стороны – устоявшиеся мировоззренческие стереотипы фокусировали многообразие внешнего мира под одним и тем же углом, представляя его в повторяющихся, привычных и уже приевшихся красках. Но представшая передо мной утренняя осенняя Ницца словно встряхнула меня, разбила условности и стереотипы, открыв взгляду давно не виденную палитру цветов. Набережная, на которой я стояла, вдруг превратилась в хрупкую разделительную линию между разъярённой, в пене бьющейся стихией, и только просматривающейся в дымке рассвета рукотворной красотой человека-зодчего, градостроителя. И я почему-то возомнила, что именно мне – Алле Тельной – выпала честь стать заградительной стеною между необузданными силами природы и таким беззащитным, милым, родным, только возрождаемым человеческим миром. Мне представилось, что именно я – повелительница стихии, что именно во мне заключена та спасительная сила, которая оберегает человечество от гибели и сохраняет его во имя предстоящих грандиозных свершений. Внученька, нарисованная моим воображением картина пробудила меня, восхитила и пленила. Именно здесь и сейчас я вдруг нашла для себя то, чего мне так давно не хватало – созвучие внешней среды с потребностями моего внутреннего мира. И, несмотря на то, что в

Нище проживало более трёхсот тысяч населения, что это прославленный курорт, ежегодно посещаемый миллионами туристов, в этом городе моя мечущаяся и не находящая покоя душа почувствовала себя как дома. Стоя на набережной совершенна одна и наблюдая за наступающими, грозно накатывающимися массивами волн, я испытала такие переливы ощущений, что голова пошла кругом, и я задохнулась и расплакалась. Я то чувствовала себя брошенной и одинокой в этом безумном и клокочущем мире, то всеильной и преодолевающей границы Вселенной, то робкой, потерянной и плачущей, то пробуждающей, укрощающей и повелевающей.

Милая моя, стоя лицом к морю, а спиной к городу, широко открытыми глазами наблюдая за масштабной мощью беснующихся сил природы, вслушиваясь в рёв волн, набегающих друг на друга, я полюбила это открывшееся мне новое чувство одиночества, потому что оно не угнетало и не разрушало гармонию моего внутреннего мира, а наоборот, заряжало меня, мобилизовывало и вдохновляло. Ощущая себя песчинкой на берегу Вселенной и сущим мгновением в четырёхмиллиардной истории вод океана, я, тем не менее, не замечала своей отверженности от процессов эволюционирующего мира. Меня не раздавливали и не пугала дикая страсть разбушевавшейся стихии, а наоборот, каждым нейроном своего мозга я не только чувствовала, но и *понимала* свою принадлежность ко всему происходящему вокруг меня. Словно проникая в содержание 13,7 миллиардов лет развёртывающейся структуры Вселенной, я высвечивала и познавала закономерность и необходимость своего присутствия в естественных процессах и явлениях, которые ежесекундно изменяли мир вне меня и внутри меня. Я воспринимала себя частью сложной природы, которую кто-то до меня создал и благословил на непрерывное и поступательное развитие. Моя

задача заключалась только в том, чтобы с максимальной ответственностью и полнотою в отведённом промежутке времени выполнить своё предназначение и исчезнуть в небытии, как падающая с неба звезда, лишь на мгновение обнаружив своё присутствие на небосклоне жизни.

Стоя на берегу Средиземного моря и пропитываясь мощью природных сил, я настолько отрезилась от внешнего мира и соединилась с бытием вечного, *дочеловеческого*, что время, измеряющее ход человеческой жизни, остановилось, и я перешла в иное измерение – основоопределяющее и смыслообразующее. И в этом новом измерении существования дочеловеческого, определяющего формирование и развитие нашей цивилизации, я, наконец, успокоилась, обрела умиротворение и покой, и начала наслаждаться потоком сил, которые людской разум только пытался осмыслить. Я растворилась в космосе, обретя сверхчеловеческое наслаждение и прозрение, которое умные люди называют мудростью. От увиденного и испытанного в Ницце я получила настолько сильное эмоциональное и духовное наслаждение, что, возвращаясь назад в Париж, я заснула таким глубоким сном, что меня с трудом разбудили на конечной станции.

Настенька, Ницца стала тем местом, в которое я часто стала сбегать из Парижа. Именно в Ницце, простаивая целыми днями на берегу штормящего моря, я научилась растворяться в природе, отдаваться влиянию космических сил и далеко со стороны наблюдать за тем, как они играют моим телом, проникают сквозь меня и, разбирая на элементарные частицы, уносят в глубины своего бытия, которое для основной массы людей представляется как небытие, потому что в нём невозможно привычное существование человека. Я научилась мыслями соприкасаться с бушующей водной стихией и вместе с нею проникать в пространства, в которых человек только предполагался

и намечался, в которых только зарождались первые признаки живой материи. Эти путешествия в первозданность Вселенной вызывали дикий восторг и душевное омовение! Мой мозг, переполненный знаниями русской философии и философии русского космизма, в обстановке проникновения и единения с природными силами находил среду, в которой он восстанавливался, обогащался новыми идеями и ассоциациями и вновь обретал гармонию, переплетая передовые мысли с глубокой духовностью и благодатным восприятием здорового тела. Только теперь как откровение мне открылось, что в крылатом латинском выражении «в здоровом теле – здоровый дух» совершенно отсутствует приоритет здорового тела, речь идёт о более определяющем и существенном – о гармонии, благодаря которой ум, душа и тело переплетаются как ветви родового дерева и выступают единым, целостным стволом человеческого рода.

Внученька, в одиночестве простаивая на набережной Ниццы, я выходила не только за пределы человеческого существования, но и преодолевала границы нашей планеты. В привычном мире человеческого существования я оставалась только телом, присутствуя на берегу как одинокая, хрупкая фигура, сжавшаяся от холода и не обращающая внимание на редких любопытствующих прохожих, но на уровне своего внутреннего мира я уносила в пространства Вселенной, воссоединяясь с космическими силами. А в космосе, милая, властвовали иные временные измерения, в которых наша жизнь – это мгновение, а наш вклад, дело всей нашей жизни – капля в море. Возможно именно поэтому, возвращаясь в свое тело, очнувшись от проникновения в глубины бытия, я часто обнаруживала, что стою совершенно одна на берегу бушующего моря, а позади меня уже глубоким сном спит зимняя Ницца – в состоянии трансцендентности часы пролетали как минуты. Добираясь до набережной Ниццы ранним утром, я

покидала её поздней ночью, не испытывая ни голода, ни холода, ни усталости. Наоборот, вернувшись в своё тело, я обретала такую внутреннюю уверенность в себе, такую заряженность на результат, что повседневные проблемы и неурядицы, которые раньше меня легко выбивали из колеи, расстраивали и ставили в тупик, решались легко, непринуждённо и даже с удовольствием. Я осознала, что дело всей моей жизни – моё предназначение – является важным и незаменимым вкладом в историю человеческого существования, и это понимание окрыляло, вдохновляло и увлекало меня на покорение новых вершин в творчестве.

Побережье Ниццы стало для меня той благодатной и вдохновляющей средой, в которой я воссоединилась с природой и обрела долгожданное умиротворение и прозрение. На набережной Ниццы, как в своё время на Парковом пешеходном мосту через Днепр в Киеве, рождались мои новые замыслы и грандиозные творческие проекты, корректировалось их выполнение, составлялся отчёт о проделанной работе. Гуляя вдоль берега беспокойного и возмущенного зимнего моря, такого же одинокого в это время года как и я, я с наслаждением изучала себя, открывая новые грани внутреннего мира, удивляясь совершенству мыслей и богатству собственного воображения. Задуманные беседы с самой собой, проникновение в глубины своего подсознания и извлечение оттуда масштабных и содержательных мыслей с лихвой компенсировало многогололье и суету Парижской повседневности. И если бы не предрассудки, страх показаться сумасшедшей в глазах окружающих, я бы полностью отдалась созерцанию своего внутреннего мира и его предшествующих состояний. Ведь наше сознание возникло намного позже того нейронного образования, которое мы называем подсознанием, поэтому, проникая в подсознание и выходя за его пределы, мы

попадаем в доисторическое бытие – во временные измерения, в которых живая и разумная материи только зарождались.

Никто из женщин нашей ассоциации не верил, что в Ниццу я езжу одна. Поначалу они обижались моей скрытностью, а после привыкли, считая, что именно в Ницце я встречаюсь с богатым и влиятельным любовником, чьё имя нельзя называть вслух. Моё стремление к уединению было воспринято ими в прозаичном и ошибочном свете, который, впрочем, ещё больше укрепил мой авторитет. А в действительности я нашла для себя нечто более важное и определяющее, чем простые человеческие отношения – возможность соприкоснуться с вечным. И это настолько углубило и расширило границы моего мировоззрения, настолько обострило и обогатило моё восприятие жизни, что я увидела людей и их отношения в совершенно ином свете. Мне стало интереснее жить, но, одновременно, и печальнее. Я обнаружила, что в вечности от человека остаётся только содержание – стусок наиболее весомого и впечатляющего из его деятельности. А за пределами своего тела я убедилась в мизерности людских квинтэссенций, поэтому с невыносимой грустью и печалью приходилось наблюдать за расточительством и мотовством людей по отношению к отведённым годам земной жизни...

Письмо тридцать четвёртое

Настенька, я наслаждалась уединением в Ницце до самой весны, иногда по несколько раз в неделю приезжая на побережье Средиземного моря. Но весной появились первые туристы, которые стали обращать на меня внимание, отвлекать своими глупыми предложениями, навязчивым вниманием. Причём с каждым днём их становилось всё больше и больше, а море, словно укрощённое дикое животное, на радость прибывающим зрителям на глазах превращалось в покорную и заигрывающую мелкой волной водную гладь. Оно, словно дождавшись чего-то своего, важного, успокоилось, перестало роптать и возмущаться, и от грозных штормовых наездов перешло к сонливому штилю, изредка пропуская по своей поверхности волнистую зябь. И наблюдая за этим преображением, за укрощением строптивой и непокорной водной стихии, в один прекрасный момент я поняла, что я потеряла Ниццу, что это уже не место моей мечты, в котором я могла воссоединиться с дочеловеческой мощью природы и окунаться в игру диких естественных сил. Весенняя Ницца меня разочаровала – в ней оказалось слишком много из присущего современному человеку: сытости, лени, праздности...

И в поисках новой отдушины я обратилась на запад Франции, туда, где властвовали воды Атлантического океана. Я много слышала о тех местах, но зимняя Ницца меня не отпускала, я вполне удовлетворялась её природным

безумием, страстью и буйством. Но когда я впервые увидела океан, то поняла, что волнение Средиземного моря – это шалость ребёнка. Меня настолько впечатлила сила, мощь и огромные просторы водной среды Атлантики, что я пожалела о потерянном времени в Ницце. Теперь я могла только догадываться, каков океан в осенне-зимний период года, если даже весной он затмевал мою зимнюю Ниццу. Стоя на скалистом берегу Атлантики, я вновь, как и в Ницце, отрешалась от привычного мира. Из хрупкой и практически беспомощной женщины я перевоплощалась в Монстра, который мощными ударами океанской воды крошил скалистое побережье, в пене морских пучин разбрасывая свою злость на презренных людишек, недавно появившихся на планете, но так масштабно её преобразующих. Океан вновь вернул мне спокойствие, удовлетворил мой энергетический голод, и своим величием и мощью поддерживал тонус моей нервной системы, толкая на новые открытия и достижения.

Стоя на берегу Атлантики или медленно прохаживаясь на фоне грозных набегов волн, я явственно ощущала не только свою принадлежность к природе и ко всем естественным процессам, происходящим в масштабах Земли и космоса, но и то, как воздействие естественных сил расширяет границы моего мировосприятия: я научилась абстрагироваться, прозревать, преодолевать границы тела и даже планеты. Я многое передумывала за долгие часы воссоединения с природными силами, переосмысливала и даже переоткрывала. Я задавала себе сложные вопросы и, используя своё внутреннее состояние перевоплощения, в поисках ответов уносилась в историю Мироздания, обозревая события прошлого и высвечивая тончайшие нити, связывающие существование человека с процессами эволюционирующего мира. На уровне интуиции, озарения и фантазии я старалась прозреть доисторическое существо-

вание нашей планеты, понять причинно-следственную связь современных процессов и сформулировать ответы на свои вопросы, используя определяющую и смыслообразующую аргументацию.

Длительное общение с океаном вводило меня в состояние психического транса, благодаря которому я научилась наблюдать за собой со стороны. И не просто наблюдать, но и разговаривать, задавать философские вопросы и отвечать на них. И однажды, взглядываясь в хрупкую фигуру одиноко стоящей на скале женщины, укутанную в тонкий плащ, с развевающимися на ветру длинными светлыми волосами, я решила разузнать о ней больше, вникнуть в то, насколько глубоко она сама себя понимает.

«Кто ты такая, Алла Тельная и что здесь делаешь?» – задала я себе первый вопрос.

– Обретаю гармонию, – ответила я и, подумав, продолжила. – Я женщина, созданная для вдохновения людей, для поддержания их в трудную минуту, для пробуждения в них творческих потенциалов и стимулирования к полной и осмысленной самореализации. Но, посвящая себя людям, без остатка раздавая сокровища своего внутреннего мира, я сама нуждаюсь в восстановлении: во вдохновении, в накоплении новых эмоций и всплесков чувств. Я долго искала и, наконец, обнаружила среду, в которой мой внутренний мир узнал свои корни, с которой он воссоединился и обрёл целостность. Эта среда – стихия первозданной природы и философия космоса, в которой я оздоравливаюсь, избавляюсь от недугов и сомнений, пополняю запасы живительной силы и обретаю веру в себя. Здесь, у океана я перевоплощаюсь и обогащаюсь, нахожу своё родовое корневище и становлюсь посредником между дочеловеческим существованием и будущим людей. Через меня природные силы входят в повседневную человеческую жизнь и становятся мощным источником для вдохновения, по-

рождающим в людях желание творить, преобразовывать и созидать. Я – женщина, которая живёт ради людей, нацеливает их на будущее, раскрывая возможности и содержание земного и вселенского существования.

«Ты – женщина для вдохновения?»

– Я думаю, да. Сколько себя помню, я вдохновляла своих знакомых, друзей, поклонников, учеников, а потом и своих читателей, пробуждая в них состояние наивысшего эмоционального и духовного подъёма, инсайта, умственного прозрения. С одной стороны, высвечивая дно человеческих отношений, а с другой – раскрывая богатство и возвышенность бытия, я создаю контраст и показываю, что можно жить в полсилы, и стремнина жизни безжалостно разнесёт мечты и идеалы, а можно творить в полную грудь, распоряжаясь своей судьбою. Я выросла на книгах, полюбила их и посвятила себя служению им. В благодарность за отречение от мирских радостей, поощряя мой труд отшельницы-книжницы, книги раскрыли передо мною двери сокровищницы, в которой хранится вековая мудрость предшествующих поколений. И я стала использовать её в своих монографиях и художественных произведениях, пробуждая лень и сонливость людей, расширяя границы их мировосприятия, помогая им обрести смысл и цель своего присутствия в жизни. Жизнь неоднократно меня испытывала и закаляла, поэтому я по себе знаю, насколько важно человеку ощущать свою незаменимость и привязанность к жизни, понимание своего места в масштабах Земли и космоса. В спальне Дома-музея Леонардо да Винчи в замке Кло-Люсе во Франции выгравированы вещице слова: «Comme une journée bien vecue nous mene a une mort paisible» – «Исполненный день дарит приятный сон, исполненная жизнь приносит спокойную смерть». Моё вдохновение помогает людям проникнуть в содержание жизни, взять необходимое для более качественного

созидания и творения, и после воплощения прописанного предназначения с чувством выполненного долга покинуть этот мир.

«Ты одинока, Алла?»

Третий вопрос меня смутил, но, вслушиваясь в себя, я ответила на него искренно, не утаивая своих сомнений:

– Нет, не одинока. Возможно, это сложно понять, но, *оставаясь одинокой среди людей, я совершенно не испытываю страдания от одиночества, наоборот, моё одиночество меня вдохновляет.* Люди спасаются от одиночества в общении, в социальных сетях, в установлении тесных социальных коммуникаций, но при этом одиночество всё равно их настигает и вгрызается мёртвой хваткой питабуля. У меня есть семья, ребёнок, дружный коллектив, который я возглавляю, сотни друзей, знакомых, но в их кругу я одинока, потому что, в отличие от них, я не нуждаюсь в этом общении. Мир книг и построенный на его основе мой внутренний мир настолько богаты, автономны и удовлетворяют мои интересы, что все иные формы общения – это вынужденная дань непонятно кем установленным традициям. Я одинока среди людей, потому что в основном их ценности и цели мне неприятны – в них много праздности, корысти и непонимания основ бытия. С моей точки зрения, так жить порочно и глупо – это не подходит человеку разумному. Одновременно, днями простаивая в полном одиночестве у океана, я обогащена и вдохновлена общением с природой, потому что только здесь, соприкасаясь с естественным пульсом Земли и проникающими космическими силами, мне никто не мешает заниматься самоанализом, переосмыслением того информационного богатства, которое я почерпнула из книг, увидела и услышала в мире. Моё спасение от одиночества – это самоизоляция здесь, у подножия ещё не укрощенной дикой природы.

«Что заставляет тебя жить и бороться, Алла?»

– Предназначение. В отличие от многих других людей, я знаю, чего я хочу успеть сделать в жизни. У меня есть цель, и я знаю, как к ней идти. Причём моя цель настолько масштабна и глобальна, что продвижение к ней расширяет творческую самореализацию, стимулирует проникновение в содержание мира и высвечивает истоки возникновения человека на Земле и в космосе. Моя цель не предметна и не имеет ценности. Это скорее ориентир, путеводная звезда, которая, правда, не просто светит, а мотивирует, мобилизует и направляет мои внутренние потенциалы к постоянному совершенству и достижению новых творческих вершин. Оглядываясь назад, я вижу, что моя жизнь – это развёртывающееся и всеохватывающее проникновение в бытие, которое основывается на мудрости предшествующих поколений, обогащается современными передовыми исследованиями. Моя жизнь – это пробуждение спящих, вдохновение на творческий поиск, на максимальную самореализацию во благо своего народа, государства и цивилизации.

Признаюсь, иногда наступают периоды сомнений, разочарований, неудовлетворённости масштабами проделанной работы. Но я научилась жить по большому счёту, не отвлекаться на мелочи, возможно, поэтому моё творчество и достигнутые результаты меня удовлетворяют и вдохновляют на новые свершения. Я служу своему предназначению – в этом смысл моей жизни. Как женщина и мать я живу заботой о будущем человечества, стараюсь бороться со временем, чтобы по максимуму реализовать разбуженное во мне, намеченное и кем-то в меня заложенное.

«А во что ты веруешь, Алла? В Бога?»

Это был сложный вопрос. Обращение к Богу в СССР запрещалось – в советских гражданах воспитывали ате-

изм. Но вместо Бога нас научили верить в будущее своей Родины, в коммунизм – гипотетический общественный и экономический строй, основанный на полном равенстве, отсутствии денег и преобладании умственного труда и высокодуховной деятельности. Принцип коммунизма – «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!» – являлся не только моим идеалом и путеводной звездой, а как минимум два предшествующих поколения сложили свои головы во имя того, чтобы он воплотился в жизнь. Поэтому вера в коммунизм и безграничная любовь к своей Родине лежали в основе моего творчества и поступков. Но, одновременно, я навсегда запомнила своё первое и пока единственное обращение к Богу, когда, со слезами вглядываясь в ночное звёздное небо, я умоляла сохранить жизнь своего без вести пропавшего мужа. И ведь мою мольбу услышали и исполнили. Поэтому я честно призналась:

– Я верую в свою Родину и её светлое будущее, а к вере в Бога я только подхожу.

Настенька, у океана я стала чаще задумываться о смерти. Причём приближение смерти пока не пугало, а наоборот, подстёгивало к деятельности, стимулировало к активной жизненной позиции. Возможно, бальзаковский возраст, в который я вступила, как раз и объяснялся чётким осознанием приближающейся старости и конца жизни. Но если одних людей приближающаяся старость и смерть, как логическое завершение жизненного пути, толкали к пессимизму, безразличию или на безрассудные поступки, то во мне бальзаковский возраст пробудил голод деятельности, масштабной самореализации, желание сделать что-то важное для своей Родины, весомое и незабываемое.

Стоя на берегу океана, я тщательно просмотрела и взвесила достижения своей жизни за прожитые четыре с половиной десятилетия. Многое пришлось переосмыслить, упорядочить и переставить, потому что те события,

которыми я раньше гордилась и посвящала им время своей жизни, теперь, спустя годы, уже не впечатляли и казались заурядными, мелкими, пустыми. Я обратила внимание на то, что моя жизнь, как пружина, раскручивается с ускорением: с годами я совершала гораздо больше важных и весомых поступков, и чем старше становилась, тем более увеличивалась значимость моей деятельности на чаше весов. Как жаль, что понимание важности совершаемого приходит с опозданием, когда невозможно что-либо изменить и поправить. Но благодаря тому, что со школьной скамьи мои педагоги смогли обнаружить и пробудить во мне природой заложенные таланты, а период молодости и зрелости я посвятила их развитию и реализации, анализ пройденного жизненного пути, в принципе, меня удовлетворил. Оглядываясь назад и оценивая свои достижения, я испытала едва ли не гордость от сделанного. Проскальзывали упущения, заметными стали ошибки и просчёты, но в целом своё прошлое я могла оценить на твердое «хорошо». Осталось теперь только поднажать, успеть сделать ещё больше, чтобы к концу жизни значимость своего присутствия среди людей вытянуть на гордое «отлично».

Письмо тридцать пятое

Настенька, моё балансирование между привычной повседневной суетой людей и состоянием вдохновляющего одиночества на побережье Атлантики, позволили мне преодолеть ещё одну беду, которая подступила, как всегда, крадучись и незаметно. Казалось бы, с годами человек ко многому привыкает и должен спокойнее и мудрее относиться к потерям, обману и неприятностям. Возможно, так оно и есть, но, признаюсь, с годами становится труднее отказываться от устоявшихся взглядов, любимых привычек, и особенно больно переживать крушение идеалов. Всё, что связано с внутренним миром, личным и сокровенным, с возрастом воспринимается особо ранимо, настолько болезненно и трагично, словно наступает драматическая развязка – Армагеддон.

Внученька, я уже писала тебе, что в моём поколении не пробудили любовь к Богу, но, лишив нас православной веры, советская власть предложила нам новую форму религии – беззаветную веру в коммунистическое будущее нашей страны. Милая, на коммунистических идеалах воспиталось несколько поколений моего народа. Основу внутренней системы взглядов почти всего взрослого населения СССР составляла фанатичная любовь к Родине, вера в её светлое будущее и торжество коммунистических идеалов. И представь, Настенька, к концу XX столетия на глазах удивлённого мира громадная и, казалось, непобедимая держава стала распадаться, сыпаться, как карточный

домик. Это сейчас, спустя десятилетия об этих событиях можно рассуждать взвешенно и аргументировано, а на тот момент всё происходящее в моей стране воспринималось как кошмарный и страшный сон, который вызывал бурю негативных эмоций и ни с чем не сравнимые душевные страдания.

Восстанавливая хронологию событий, скажу, что первый тревожный звонок для СССР прозвенел 16 декабря 1986 г. в столице Казахской ССР Алма-Ате, когда Москва попыталась навязать казахам своего ставленника-руководителя. Мирную демонстрацию протеста жестоко подавили внутренние войска. Затем серьёзные межнациональные конфликты охватили Кавказ. Началось все 27–29 февраля 1988 года в городе Сумгаите – третьем по величине городе в Азербайджанской ССР – с армянского погрома, который привёл к массовому исходу армянского населения и явился поворотным моментом в развитии карабахского конфликта между Азербайджаном и Арменией. Представь, милая, за несколько недель Сумгаит покинуло всё 14-тысячное армянское население! Потом начались массовые волнения в Ереване, Тбилиси, в Ферганской области Узбекской ССР. В 1989 году доруководившиеся страной демократы во главе с инициатором «перестройки» Михаилом Горбачёвым официально объявили о начале экономического кризиса в СССР. А в следующие два года произошёл, как его сейчас называют, «парад суверенитетов», в ходе которого все союзные и многие из автономных республик приняли Декларации о суверенитете, в которых оспорили приоритет общесоюзных законов над республиканскими, что привело к «войне законов».

Первой территорией СССР, объявившей независимость, стала Нахичеванская АССР – это произошло в январе 1990 года в ответ на бакинские события. До августовского путча 1991 года объявили о независимости две со-

юзные республики – Литва и Грузия, а об отказе вступать в намечающийся новый союз и переходе к независимости – ещё четыре: Эстония, Латвия, Молдавия и Армения. 25 декабря 1991 г. Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв – злой демон моего народа – объявил о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР «по принципиальным соображениям», а 26 декабря 1991 года Верховный Совет СССР принял декларацию о прекращении существования СССР. Распад Союза Советских Социалистических Республик привёл к независимости 15 республик СССР и появлению их на мировой политической арене как самостоятельных государств.

Настенька, за гибелью своей Родины я наблюдала из Парижа, временами наезжая то в Киев, то в Москву, и впервые в жизни не находя в себе сил и желания надолго там оставаться – слишком нездоровая сложилась атмосфера в отношениях между людьми. За считанные годы оказались разрушены не только идеалы коммунистического общества и ценности, проповедуемые социализмом, но и то, что долгое время выделяло и обособляло мой народ, чем гордился каждый гражданин Советского Союза. Коллективизм, отсутствие частной собственности и пренебрежение к материальным ценностям стало заменяться ценностями, взятыми у наших идеологических противников – индивидуализмом, признанием частной собственности и культом денег. В советском обществе стали насаждаться чуждые ему по духу и воспитанию западноевропейские и американские ценности и правила поведения. Внутри некогда единого народа произошёл мировоззренческий раскол: одни люди оставались верны старым идеалам, другие начали проповедовать и реализовывать в своей жизни новые, заимствованные в «капитализме». Брат пошёл на брата, сын на отца, муж на жену; смуга объяла советское общество и стала разъедать его основу – институт семьи.

Человеческие отношения и основоопределяющие черты характера гражданина СССР – порядочность, честность, ответственность, духовность, патриотизм, коллективизм, подвижничество, – отошли на второй план, а на первый план выдвинулся прагматизм в своей крайне агрессивной, стяжательной и алчной форме. Разрушилась иерархия ценностей, исказилась мораль и нравственность, некогда целостная и действенная государственная система вступила в полосу хаоса и стала саморазрушаться. В обществе на первые роли выдвинулись люди безнравственные, подлые, порочные, без чести, долга и совести. Они нагло и цинично стали наживаться на тех, кто по привычке, в силу «старой закалки» продолжал проповедовать бескорыстие, ответственность и самоотдачу. Внученька, старшие поколения в своей основной массе продолжали честно и добросовестно трудиться на Родину, а «продвинутые» демократы, «новые русские», внеся смуту в умы молодёжи, стали распоряжаться результатами их труда. Они это называли «бизнесом», рыночной экономикой, и через налаженную систему пропаганды возвели в культ и повседневную норму.

К тому времени я уже больше трёх лет работала во Франции и имела представление о бизнесе и о людях, его представляющих. Так вот, тип европейского бизнесмена не имел ничего общего с тем образом «хозяина», который прорастал на территории бывшего Советского Союза. В Европе всегда ценился, прежде всего, человек, его профессионализм, личные качества, творческие возможности. А на моей родине из номенклатуры проросшие «коммерсанты» и «бизнесмены», называющие себя «новыми русскими», в силу своей умственной ограниченности и духовной убогости в своих подчинённых видели только рабочую силу, которую бессовестно и безжалостно эксплуатировали, унижали и оскорбляли. Шарлатаны и

пройдохи, наглые, дерзкие и хитрые, воспользовавшись невозможностью старших поколений отказаться от старых идеалов и перестроится на «коммерциализацию» общества, жировали и паразитировали на честных патриотах, в гроши оценивая их жизнь. «В России дешёвая рабочая сила», – они гордились этим и пользовались для своего обогащения, не понимая очевидного: превращая общество в послушную рабочую массу, спаивая и обворовывая свой народ, они лишали себя будущего. За свою историю униженный и оскорблённый русский люд уже не раз, как клопов, сжигал в огне своих хозяев-паразитов. Возможно, поэтому правящая элита Европы, наученная революциями и погромами последних столетий, основной ценностью общества признала не деньги, а человека. Лишний раз поклонившись народу, отдав ему дань уважения за его труд, европейский правящий класс спокойнее спит и рассчитывает на перспективу. В отличие от убогого внутреннего мира «новых русских», западноевропейские миллионеры читают книги, получают образование в элитных школах и хорошо знают историю своего рода.

А на моей Родине хамы, воры и подлецы пришли к власти и за считанные годы разворовали и продали всё то, что несколько поколений советских граждан разных национальностей и народностей, не жалея ни своих лет жизни, ни своего здоровья, строили во благо коммунизма. На многие миллиарды долларов украли, разбазарили или продали за бесценок за границу материальных ценностей, в которые мои дедушки и бабушки, мои родители и я сама вложили годы своей жизни, душу и творческие потенциалы. Внученька, за несколько лет организаторы перестройки растащили и обесценили всё то, что строилось десятилетиями, на основании чего каждый из моего поколения надеялся построить общество будущего – коммунизм. Я и мой народ остались голыми, босыми и без бу-

дущего, а главному идеологу «перестройки», инициатору распада СССР и Варшавского блока Горбачёву в 1990 году вручили Нобелевскую премию – видимо, за то, что он за шесть лет своего правления смог разрушить великую и непобедимую державу.

С ужасом наблюдая, как моральные уроды, почувствовавшие свою силу при Горбачёве, жируют, шикают и расточительствуют на моей жизни и жизнях моих предков, я задавала себе только один вопрос – разве так можно? Разве справедливо результаты труда нескольких поколений моих соотечественников в результате наглых и лживых «приватизаций» передать в руки нескольких десятков семей? Разве правильно у двухсотпятидесятимиллионного многонационального народа отобрать его мечту о светлом коммунистическом будущем, заменить её режущим слух и проклятым словом «перестройка», и сделать народ ничем уже не только материально, но и духовно, лишив его надежды и веры в будущее? Это насколько нужно ненавидеть свой народ, чтобы с делом всей его жизни забрать у него ещё и мечту, в качестве утешения, будто бросая кость, разрешив веровать в Бога? Но разве может вера в Бога заменить веру в будущее? На западе вера в Бога – это основа сегодняшнего дня, которая позволяет человеку с оптимизмом смотреть в будущее и творить во имя него. А у моего народа будущее украли, лишив смысла существование миллионов моих соотечественников.

Настенька, как быстро и легко русские люди отказываются от своей истории – за XX столетие это случилось дважды: после октябрьской революции 1917 года и в декабре 1991 года. И если о событиях до и после революции 1917 года я могла судить только по рассказам очевидцев, а также по книгам, которые, впрочем, не всегда объективно доносили истинный смысл происходивших событий, то время распада СССР и последующие годы развития

содружества независимых государств я могла наблюдать воочию. Причём я наблюдала за разворачивающимися событиями как изнутри охваченного хаосом советского государства, приезжая в Москву и проводя отпуска в Киеве, так и со стороны, анализируя репортажи европейской прессы и общаясь с коллегами из других государств. Тебе, внученька, это тяжело представить, но для моего поколения крушение Советского Союза означало разрушение основ нашего мировосприятия. Ведь то, чему нас учили, и на чём воспитывали, что составляло основу нашего внутреннего «Я», оказалось разрушено за очень короткий промежуток времени. А ты по себе знаешь, что значит потерять опору в жизни, лишиться привычных идеалов, ценностей, мотивов. А ведь, чем старше человек, тем ему труднее перестраиваться: отказываться от старых привычек, приспосабливаться к новым реалиям, поверить в новые идеи. Ведь годы всех нас делают консервативными и более зависимыми от стереотипов.

Я находилась в Париже, когда голодный и возмущённый русский народ избавился от злого демона Горбачёва и, в надежде на лучшее, присягнул на верность новому лидеру – Борису Ельцину. Поначалу все эти события, почерпнутые из прессы, как-то не укладывались в голове и воспринимались как пустословье, чей-то нелепый вымысел, злая шутка. Сами французские журналисты долго не могли поверить в крах СССР – слишком нерушимым казалось Советское государство. Но события, происходящие на Родине, Беловежское соглашение, подписанное 8 декабря 1991 года Президентом Украины Леонидом Кравчуком, Президентом России Борисом Ельциным и главой белорусского парламента Станиславом Шушкевичем о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) вместо СССР, рассеивали сомнения – русский народ учился жить «по-новому», впрочем, не совсем понимая, что это «новое»

для него означает. Через несколько месяцев я на несколько дней приехала в Москву, после на неделю задержалась в Киеве и, вернувшись назад в Париж, долго не могла прийти в себя от увиденного. Куда катилась моя Родина, куда и за кем шёл мой народ? Оказалось, одно дело читать репортажи в прессе, совершенно другое – видеть события своими глазами. А я своими глазами наблюдала, как люди, отдавшие лучшие годы своей жизни во славу своей Родины, лишались работы, материальных компенсаций, достойной зарплаты и вынужденно влачили нищее, полуголодное существование. Но самое страшное заключалось в том, что негодяи и предатели, те, для кого патриотизм являлся пустым звуком, выбивались во власть и продавали налево и направо народное достояние. И на их стороне стоял закон, потому что этот закон писали такие же подлецы и воры. А народ в оцепенении наблюдал, как рушится их мечта, как их начальники и партийные деятели превращаются в «хозяев» и «панов», коллективные предприятия становятся частными, и уже о братстве и равенстве никто не упоминает. Спустя семьдесят четыре года народ СССР вернулся к тому, с чего начал – к анархии и крепостному строю Российской империи. Только теперь и империи не стало – раздробилась она на удельные княжества и стала походить на Русь Средневековья: Московское княжество, Киевское княжество, другие «независимые» государства. Желающих поцарствовать, примерить корону-власть – пруд пруди, благо территория СССР оказалась большая и народ привычно терпеливый. Настенька, только теперь я поняла, зачем в последнее десятилетие так усиленно зомбировали людей, так целенаправленно превращали в пассивную и послушную человеко-массу. Не будь этой предварительной подготовки, разве бы кто-то в здравом уме согласился добровольно отдать нажитое общиной и податься в рабство?

Масштаб разрушения Советского государства особенно впечатлял на фоне подобных потрясений в государствах Варшавского договора – союзных социалистических государствах: Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии. Мои подруги вернулись из отпусков, и мы часто анализировали и проводили параллели происходящих событий. Меня больше всего расстраивало то, что у них происходил, главным образом, кризис политической системы – они отказывались от социалистической идеологии и выбирали другую, больше подходившую их истории и менталитету. Ни о каком крушении общечеловеческих ценностей, морали и нравственности, не шло и речи. А тем более их народ не позволил бывшим комсомольским и партийным руководителям обворовать себя, присвоить нажитое целыми поколениями. Возможно, именно поэтому мои подруги по ассоциации восприняли крушение социалистического лагеря с оптимизмом и подъёмом, как надежду на более счастливое будущее своих народов. Они не понимали и не принимали мой пессимизм, не верили в тот ужас, который я своими глазами наблюдала на Родине. До их сознания не доходило, как можно безнаказанно обворовывать народ и что это за народ, который даёт себя бессовестно обворовывать?

Но трагедия моей Родины как раз и заключалась в том, что она не только меняла политическую модель управления, не только очередной раз отказывалась от своей истории и изменяла моральные и нравственные устои, но, ко всем бедам, как и всегда во времена смуты, возвела во власть бунтарей и временщиков, которые направили её по ложному пути, по дороге обворовывая её, лишая былой гордости, славы и самостоятельности. В начале XX столетия, убив в Киеве министра-реформатора Петра Аркадьевича Столыпина и расстреляв в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге царскую семью с прислугой, русский народ

отказался от капитализма и начал строить социалистическое общество, но уже в конце XX столетия, без громких жертв разрушив недостроенное социалистическое общество и отказавшись от коммунистических идеалов, он покаялся и заново принялся отстраивать капитализм. В своё время выдающийся русский поэт Фёдор Иванович Тютчев метко подметил особенность русского менталитета:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Действительно, «умом Россию не понять», поэтому нам всем оставалось в неё только верить.

Письмо тридцать шестое

Настенька, приближающееся пятидесятилетие встречалось нерадостно и тоскливо. Наблюдая этот пир среди чумы у себя на родине, я чувствовала, как рушится мой внутренний мир, как низвергаются стереотипы, через призму которых я привычно воспринимала происходящие события. Но самое страшное, терялся смысл моего предназначения – *творить во имя будущего своей родины*. Какой родины? Ведь вследствие распада Советского Союза у меня их обнаружилось две: то, что осталось от Советского государства, и ставшая независимой Украина. Так получилось, что в нашем роду пересекались русские и украинские корни, но последние явно преобладали. Большую часть жизни все представители нашего рода прожили на территории восточной Украины, но никто из нас не разговаривал на украинском языке, потому что исторически восточная Украина говорила на суржике. Все мы любили Украину, знали и читали на украинском языке, воевали за неё, многие из нас закончили украинские школы и трудились на её благо, но ходить в вышиванках и щеголять украинскими диалектами не входило в список наших приоритетов.

Новая власть в Украине в угоду своих политических амбиций поставила всех своих граждан перед выбором – или переходить на украинский язык, или ты автоматически причислялся к врагам своей родины. Возможно, в самой постановке вопроса и просматривалась доля истины,

потому что, проживая во Франции, я наблюдала трепетное отношение французов к своему языку и своей культуре. Но одно дело, когда это трепетное отношение воспитывается с пелёнок и передается от поколения к поколению на протяжении многих веков, а совершенно другое дело, когда тебя почти в пятьдесят лет ставят перед выбором – или знание языка, или ты не украинец. Лично у меня такая ультимативность неизвестно откуда появившихся украинских лидеров вызвала неприятие и даже негодование, потому что я тридцать лет своей сознательной жизни посвятила служению своей родине – Украине и СССР, достойно представляя её сначала в лучшем университете Украины – Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, а потом в ведущем университете Европы – Сорбонне. А вот чем подкреплялись национальные идеи у новых украинских «вождей», особенно после того, как они с лёгкостью лишили Украину статуса ядерной державы, потом – космической державы, а напоследок, с оглядкой на Россию, разворовав национальные богатства своей Родины? Что сделали они для Украины за годы советской власти и особенно после её распада?

Тема национализма, в принципе, очень щекотливая и опасная, особенно когда происходит противопоставление братских народов. В Российской империи и в Советском Союзе к ней относились осторожно, понимая, что любой неверный шаг в многонациональном этносе может вызвать неконтролируемые процессы. Её сознательно замалчивали, где-то шли на уступки, в чём-то проявляли принципиальность и даже жестокость, но её никогда не выносили на обсуждение, и тем более не отдавали на откуп политике. И когда на Украине первые лица государства стали выстраивать свои политические программы на национальной основе, перетасовывать исторические факты, переводить патриотизм в национализм, меня это сильно расстроило. Всё близкое мне и родное в руках нечистоплотных и не-

дальновидных политических лидеров на глазах превращалось в пошлое, одиозное и взрывоопасное. Задевалось святое – чувство любви к Родине, причём не только у меня, но и у всех русскоговорящих украинцев!

Но насильственная украинизация оказалась только цветочками, ягоды нас ожидали впереди. Представь внученька, пришедшие к власти украинские националисты стали заставляя меня и моё поколение стыдиться своего прошлого! Они задействовали средства массовой информации, радио, телевидение, интернет, и на моё поколение обрушилась такая лавина компромата; Советский Союз, а вместе с ним и весь советский народ облили таким потоком грязи, наветов и лжи, что слушая очередное разоблачение или «журналистское расследование», мне становилось стыдно за себя и за свою прожитую жизнь. Нам ежедневно внушали такой негатив про советскую власть, а семидесятилетнюю историю СССР преподносили в таком мрачном и опошляющем свете, что я с трудом узнавала во всём том порочном, преступном и отсталом свою Родину, государство, в котором прошли лучшие годы моей жизни. Нас обвиняли в заискивании перед русскими, в слепой вере в коммунистические идеалы, в то, что во время Великой Отечественной войны мы предали интересы своего народа, не поддержав Организацию украинских националистов и её лидеров – Степана Бандеру и Андрея Мельника. У меня на Родине появились новые герои: гетман Войска Запорожского Иван Мазепа, анархист и предводитель крестьянского повстанческого движения на юге Украине в 1918-1920 годах Нестор Махно, руководители украинской повстанческой армии Степан Бандера и Андрей Мельник.

Но самое печальное заключалось в том, что пока мы, одуревшие от противоречивой информации, растерянные от быстро меняющейся реальности, испуганные неопределённостью будущего и сбитые с толку навязываемыми чуждыми идеалами пытались привыкнуть к новому статусу-

су Украины, нас обворовывали, как слепых, и обманывали, как глухих. Задурманив наши головы политикой и стравив на национальной почве западную и восточную Украину, новые украинские «паны» прихватизировали заводы, целые отрасли промышленности, энергетику, сырьевую базу, колхозы. Возможно, действительно, коммунизм как мечта – это утопия, несбыточная детская фантазия, но с чем мы остались в новом времени, что хорошего принесла нам независимость? Где те заводы, которые дружно, всем народом мы возводили на пустырях? В чьих руках находятся сейчас шахты, на которых мы, комсомольцы, не жалея своих сил и здоровья, добывали тонны угля? Кто стал хозяином Днепрогэса, который мой народ всем миром строил? И вообще, как так получилось, что двухсотпятидесятимиллионная супердержава, освободившая от фашистской Германии практически всю Европу, поверила десятку аферистов и разрушила то, за что умирали целые поколения? Как многонациональный народ, закалённый в боях и труде, мог допустить, чтобы коллективное имущество, принадлежавшее всему народу, вдруг досталось единицам, которые порой даже не знали, что со свалившимся на них богатством делать? Кому-то захотелось свободы, но чем свобода гражданина Советского Союза хуже свободы нынешнего гражданина России или Украины? К чему хорошему привела эта новая жизнь мою Родину? Вновь к хозяевам, частной собственности и капитализации?

Настенька, я с жутью и тоской осознавала свою беспомощность перед творившимся хаосом. Было стыдно за себя и за свой народ, потому что это моё поколение что-то упустило в воспитании, это мы, родители и педагоги, не смогли вдохнуть в своих детей и их сверстников уверенность в себе, уважение к прошлому и мужество выйти на площади и майданы, чтобы сказать своё веское слово. Последние годы Советского Союза нас ослабили и обезличи-

ли, сделали безынициативными и робкими. Мы слишком успокоились, расслабились, загуляли, стали безразличными, пугливыми и покорными. Да и не зря же нас всё это время так спаивали, превращая достойнейших и талантливейших в алкоголиков и душевнобольных. Нас словно подготавливали к этому дерибану – разобщенный, спившийся и сумасшедший народ покорен и послушен, как телёнок, которого ведут на бойню...

Настенька, вся новая украинская власть происходила из старой партийной и комсомольской номенклатуры. Получалось, что пороча Советский Союз, они отказывались от своего прошлого, которое их возвысило, наделило властью и научило административному управлению. Они все как один брали пример со своего героя – Ивана Мазепы, нравственный итог карьеры которого известный историк, профессор Киевского университета Николай Иванович Костомаров охарактеризовал так: «Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклтому её врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидел, что власть его колеблется; так, и ещё беззастенчивее, поступил он с Самойловичем, пригревшем его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым ещё недавно льстил и унижался – русским царём Петром Первым»¹. Насколько нужно оказаться глупым, недалёким и циничным, чтобы противоречивый образ Ивана Мазепы выдвинуть на роль национального героя, «борца за независимость Украины». Ведь мало того, что в начале XVIII века Иван Мазепа слыл одним из богатейших людей не только Малороссии, но и России, владельцем 19 654 дворов на Украине и 4 117 дворов (всего порядка 100 000 душ) на юге России, так он ещё способствовал уничтоже-

¹ Костомаров Н.И. Мазепа. Глава 2. – М.: Терра-книжный клуб, 2004.

нию Запорожской Сечи и вводу шведских войск на территорию современной Украины.

Внученька, я не могла понять одного – насколько нужно не уважать себя, чтобы на выборах Президента Украины или депутатов Верховной Рады отдать предпочтение людям, которые в основу своей политической программы заложили конкуренцию с братским народом – с Россией. Разве это не предательство, не продажа национальных интересов? Как можно «патриотизм» строить на ненависти к братскому народу, с которым столько всего пережито? Как можно возводить наветы на соседей, с которыми несколько столетий мы совместно творили историю, и самое главное, с которыми нам ещё предстоит и дальше жить? Кто ещё нам ближе, чем россияне и белорусы, чьи культуры произрастают из единого корня – Киевской Руси, а среди выдающихся деятелей – сплошь украинцы? А общий язык – это корневище любой культуры! Почему замалчивают украинские националисты тот факт, что на Руси народ Рос целых четыре столетия говорил на одном языке, и только в XIV столетии, после присоединения украинских земель к Литве и с ростом элементов политической централизации, начинает развиваться особый тип письменного языка – стиль, подверженный сильному влиянию украинских и белорусских говоров.

Какие же мы патриоты и националисты, если за продовольственный паёк – каши, сахар, муку или сто гривен – продаём свой шанс изменить политическую ситуацию в стране, поменять правящую верхушку и заявить о себе как о личностях: думающих, верующих и смотрящих в будущее? Я своими глазами видела, как в Украине, прямо на избирательных участках покупали голоса избирателей, и мой народ, как покорное стадо животных, получив в руки то, что будет съедено за несколько дней, шёл к избирательным урнам и голосовал за тех, кто потом за каждую потраченную копейку налогами выжимал из них миллионы. От-

куда же у пришедших во власть «панов» возьмётся уважение к народу, который за килограмм гречки продаёт своё будущее и будущее своей Родины? По Сеньке и шапка...

Наблюдая за разрушительной деятельностью как бурьян прорастающих одиозных украинских лидеров и за тупой покорностью своего народа, я, внученька, впала в такую тоску и депрессию, которую не испытывала за всю свою жизнь. Разве стоило дожить до пятидесяти лет, вложить лучшие годы своей жизни в развитие своей Родины, чтобы под старость лишиться и Родины, и результатов своего труда, и уважения к своему народу? Я с болью смотрела на людей, которых долгое время во всём мире называли народом-победителем. Особенно расстраивало то, что труд целых поколений советских граждан на глазах у спивающегося и покорного люда переходил в частные руки, и мои сограждане из свободных людей снова превращались в наёмную рабочую силу. Спрашивается, зачем наши деды делали революцию в 1917 году и умирали сотнями тысяч во имя свободы, равенства и братства?

Малышка, в тот период я испытывала такую глубокую печаль от творившегося на моей Родине хаоса, что меня перестал вдохновлять даже океан. Я целыми днями просиживала на скалистом побережье Атлантики, но в моей голове звучал только похоронный марш Феликса Мендельсона, который оплакивал моё счастливое прошлое. Ответ мне, разве возможна жизнь человека без прошлого? Меня лишили уверенности в том, что труд всей моей прошедшей жизни шёл во благо и на пользу, являлся востребованным и своевременным. Разрушительная критика целесообразности уже совершённой деятельности подрывала веру в истинность и актуальность только совершаемых действий, ставила под сомнения мои планы на будущее. И хотя, на первый взгляд, в моей жизни мало что изменилось: я по-прежнему оставалась связанной контрактом с Францией, Наташа вышла замуж, и её муж представлял собой уже

новую генерацию молодёжи, на самом деле я лишилась внутреннего стержня-опоры, гармонии, душевного покоя и умиротворения. Беспокойство за будущее, тревога за родину и народ, сомнения в оценке происходящих событий разъедали меня изнутри и мешали наслаждаться жизнью.

Именно в эти дни душевного беспокойства и смятения мыслей со мной произошло одно примечательное событие. В один из бесконечных дней, когда я предавалась грустным размышлениям у подножия океана, ко мне подошел седоволосый, статный мужчина, которого я уже несколько месяцев замечала на одном и том же месте побережья. Он не следил за мной, потому что иногда, когда я приходила, он уже стоял в одиночестве и наслаждался океаном, совершенно не замечая ни меня, ни редких прогуливающих пар. Иногда, после долгих часов раздумий у океана, я уходила и видела, что он только подходил к своему месту, осторожно пробираясь среди камней. Мы настолько привыкли к присутствию друг друга, что уже стало чего-то не хватать в обстановке, если кто-то из нас отсутствовал. Но никогда до этого мы не навязывали друг другу своё общение: каждого одолевали свои проблемы, каждый из нас следовал своей дорогой жизни – нас объединяла только вдохновляющая и пробуждающая стихия океана. И этого оказалось достаточно для того, чтобы иногда мы позволяли думать друг о друге, при этом совершенно не помышляя разрушить обстановку уединения другого.

И тут вдруг сзади я услышала шаги и его голос. Почему то я сразу поняла, что это он – во Франции мало кто смеет подойти без разрешения, разве только знакомый. И это действительно оказался он – в белоснежном костюме, с лёгким шёлковым шарфом вокруг шеи, в белоснежной шляпе и чёрных очках. Его чистый французский, участие и беспокойство оказались настолько приятны и, возможно, необходимы мне, что я не расстроилась чужому вмешательству в моё безмолвие и одиночество.

– Вы сильно расстроены мадам, у вас что-то случилось? – он выглядел не старше шестидесяти лет, а судя по одежде и манерам, относился к высшему обществу Франции. Таких я встречала в Сорбонне на многочисленных встречах выпускников и различных закрытых собраниях.

– У меня отняли моё прошлое месье, и заставляют поверить в то, что оно прошло в бесчестии и несчастьи.

– Вы русская?

– Не знаю. Раньше я бы с гордостью ответила Вам, что я гражданка СССР. Но сейчас Советский Союз распался, а вместо него появились мелкие государства, которые грызутся между собой за право украсть больше от некогда великой державы. Скорее всего, теперь я уже украинка, потому что так у меня записано в паспорте, и потому что оба моих родителя тоже украинцы. Правда, «наш» украинский Президент, которого я не выбирала, недавно заявил, что тот, кто не говорит на украинском языке, не может считаться настоящим украинцем. А я не говорю по-украински, потому что не испытывала в этом необходимости, потому что я любила свою Родину не за язык, а за её культуру, традиции и сложную, трагическую судьбу.

– Президент – это всего на четыре года, а люди живут дольше...

– Но четыре года, месье, для женщины моих лет – это вечность. Понятно, что он озвучивает чьи-то мысли, но это Президент, которого выбрал мой народ. На Украине сейчас модным стало ругать русских – это называется патриотизмом. Но разве сея ненависть к соседям, к народу, с которым мы связаны вековой историей, можно построить великое государство? Не с того мы начали и не туда идём...

– Политика – это деньги. Ругать русских выгодно не столько украинцам, сколько тем, кто хочет поставить крест на величии России. Говорящих голов и у нас во Франции хватает, другое дело – мнение народа и его сплочённость.

Политик, как говорящая голова, никогда открыто не пойдёт против мнения большинства, ни за какие деньги. Для него это крах карьеры, которая его кормит, потеря репутации, голосов избирателей. Поэтому пока ваш народ не сплотится и не созреет для собственного мнения, вами будут править политики, проплаченные со стороны. *Мадам, за свое будущее надо бороться, а не оплакивать его...*

– Месье, я всю свою жизнь борюсь, борюсь, борюсь. Мне скоро исполнится пятьдесят лет и, оказывается, снова нужно бороться. А когда же жить, наслаждаться богатством природы и общения?

– Только в борьбе распознаются оттенки жизни. И если вы всю жизнь боретесь, значит, ваша жизнь насыщена и достойна уважения. Вы очень красивы, мадам, и очень сильны духом. Слабая женщина не получает наслаждения от созерцания и проникновения в естественную мощь океана, для неё предел – многолюдный пляж Средиземноморья, томление под Солнцем и плескание в спокойном море. Что такое наслаждение? Это праздник, который человек сам себе устраивает и на который он устраивается. Мне кажется, наслаждаться покоем – не ваш удел. Ваша стихия – это борьба: за себя, за людей, за Родину. Поэтому истинное ваше наслаждение – это противостояние, преодоление и созидание нового, и вам от этого никуда не деться.

Мы помолчали. Он стоял рядом и так же, как я, пристально всматривался вглубь океанских просторов, глубоко вдыхая сочные порывы стихии. Ни у него, ни у меня не возникло желание познакомиться, потому что каждый понимал, что у нас совершенно разные судьбы и дороги. И мы только наслаждались присутствием друг друга, воспринимая это как подарок судьбы, как праздник – яркое и незабываемое мгновение.

– Мадам, к сожалению, завтра я надолго уезжаю из Франции. Скорее всего, мы больше не увидимся с вами, поэтому я хочу признаться вам, что эти два месяца своим присутствием вы вдохновляли меня так же, как и океан, который я безумно люблю. Ваше присутствие вдохновляло меня, возможно, даже больше него, потому что океан – это что-то абстрактное и великое, а вы реальная и красивая. Я не забуду вас, вы навсегда останетесь в моей памяти как женщина для вдохновения. Я уверен, что Бог специально Вас создал такой неземной и прекрасной, чтобы вы вдохновляли людей, возрождали их к жизни и пробуждали в них силу духа, поэтому вы просто не имеете права выглядеть печальною. Вы сильная, целеустремлённая, и у вас всё в жизни получится. Прощайте, моя женщина для вдохновения... – он низко поклонился и медленно начал спускаться вниз. И только сейчас я заметила стоящий у подножия горы серебристый «Роллс-Ройс» с открытой задней дверью и замершим по стойке «смирно» водителем в ливрее.

Так, внученька, меня впервые назвали женщиной для вдохновения. В его словах материализовалось то, что я уже давно открыла в себе как предназначение, как миссию, которую призвана воплощать каждый день, каждый час своей жизни. Его слова успокоили и возродили надежду. Я поняла, что всё пройдёт, что сомнения и беспокойства улягутся, а я должна выполнять то, что возложено на меня природой – вдохновлять людей на жизнь.

Письмо тридцать седьмое

Настенька, милая моя, ты по-прежнему в коме. Хочу открыть тебе основную причину, которая рассеяла мою тоску и печаль, отвлекла от грустных событий, происходящих на моей родине, и которая фактически вновь возродила меня к жизни – это твоё рождение, внученька. Я действительно обязана тебе своей жизнью, милая моя девочка. Твоё появление на свет развеяло мою душевную тревогу и сомнения и сделало меня на последующие двадцать лет самой счастливой женщиной во всём мире. Я никогда не думала, что статус бабушки так вдохновляет и оживляет, что маленькое существо, копошащееся у меня на коленях, так пробуждает к жизни и творчеству. Стать бабушкой – это сначала пугало и старило, подчёркивало завершённость жизненного пути и невозможность жить для себя. Но потом, переосмыслив, я открыла, что на самом деле на моём родовом дереве появилась ещё одна мощная ветвь, которая усилила моё давление на жизнь и обогатила восприятие мира. Как родовой ствол жизни я стала пышнее и краше, превратившись из юной берёзки с молодыми побегами в стройную берёзу с рослой, тяжёлой кроной и разветвлённым корневищем. Только превратившись в бабушку, я предстала в природе как настоящее древо жизни, олицетворяющее безграничную доброту и чистоту русской души, облегчающее страдания, возвращающее утраченные силы, ускоряющее выздоровление больных. Статус бабушки, вопреки

предрассудкам, зазвучал для меня гордо, зычно и веско, подчёркивая совершенство моего женского образа, преодолевшего ответственные годы материнства и вышедшего на новый уровень восприятия жизни – глубокого чувственно-эмоционального переживания за благополучие, здоровье и долголетие рода. С вершин накопленного опыта и открывшейся мудрости, не утопая в повседневных материнских заботах, а лишь наблюдая и оценивая материнские потуги дочери, я осуществляла стратегическое развитие новой жизни, направляя её и существенно обогащая духовно. Милая моя, размышляя над своим новым статусом, мне открылась основная миссия бабушек – *они призваны пробудить во внуках предназначение, прописанное наследственными программами*. Я обнаружила, что бабушки обострённее матерей чувствуют внутренний мир своих внуков, поэтому быстрее и правильней отыскивают в них зародыш будущей личности, окучивают его и обогащают своей любовью и мудростью.

Настенька, как уморительно ты посапывала у меня на руках, как часто, на счастье, ты описывала меня, и, видимо, поэтому с твоим рождением я ощутила себя безумно счастливой! Внученька, ты спасла меня от сумасшествия, вновь привязала к жизни и наполнила её смыслом, ты вдохновила меня на новые творческие проекты и заменила то, что у меня отобрали – Родину. Теперь мой святой долг – сторицей вернуть тебе то, что ты в своё время для меня сделала, – вытянуть тебя из объятий смерти и вдохновить на жизнь.

Настенька, я не понимаю, как можно не любить жизнь? Как можно сознательно отказываться от огромного количества земных радостей, возможностей и искушений? Например, от обозрения тех же просторов, на которых зеленеют парки, благоухают свежестью сады и волнами переливаются биологические островки жизни? Или от

общения с людьми, постоянно испытывая сложную гамму чувственно-эмоциональных всплесков и непредсказуемых бессознательных порывов? Или от восхищения гармонией мироустройства: отточенным совершенством частей, слаженной работой системы и, естественно, величиим человеческого разума, который проникает в тайны мироздания и раскрывает содержание естественных процессов и явлений? А насколько притягательны одни только мысли о космосе – о его бескрайности, наполненности и совершенстве! Внушенька, как бы я хотела дожить до времен, когда человечество не просто освоит ближний космос и в своей деятельности перешагнёт планетарные масштабы, а когда земной разум воссоединится с космическими собратьями – разумной материей. Возможно, именно в эти времена на Земле наступит эпоха коммунизма, к которой так и не дошли не только мои родители, но и целые поколения моих соотечественников...

Настёнка, я ждала твоего рождения, но никогда не думала, что оно произведет в моём мировосприятии такой радикальный переворот. Ты родилась раньше положенного срока, и я несколько месяцев не могла тебя увидеть, так как шёл семестр, и у меня не получалось вырваться из Парижа. Но, находясь от тебя за тысячи километров, я жила тобою, парижскими улицами гуляла с твоим образом и мечтала о том, какой красавицей, умницей и разумницей ты у меня вырастешь. Я собиралась вложить в тебя весь свой жизненный опыт, всю свою женскую любовь и за долгие годы накопленную мудрость. Я мечтала, что ты продолжишь начатое мною – станешь вдохновлять людей на жизнь, нести им радость, уверенность в себе и удовлетворение от присутствия в жизни. Я мечтала, что ты станешь женщиной для вдохновения, только на ещё более серьезном уровне: как принцесса Диана, Индира Ганди или Грейс Келли. В отличие от меня, скромно выполняющей

свою миссию, ты, согласно моим фантазиям, должна войти в историю цивилизации, стать звездой, идолом, лицом нескольких поколений.

Внученька, ты даже не представляешь, какое чувство пробудилось во мне, когда наконец-то я первый раз взяла тебя на руки. Тебе уже шел четвёртый месяц, и ты оказалась настолько похожа на меня, что свекровь – мама твоего папы – с завистью констатировала: вылитая Алла. Я просто опьянела от счастья, ведь в глубине души я боялась, чтобы тебе по наследству не передалась Сашина слабость. Настенька, я с первого взгляда влюбилась в тебя и стала твоей наложницей. Ты не просто перевернула мою жизнь – ты пробудила во мне то, что, казалось, уже прошло мимо. Настенька, именно ты, под занавес моего бальзаковского возраста открыла для меня ещё не познанный мною мир чувств и эмоций – мир любви. Во мне проснулась такая чувственность, такая гамма новых, расширяющих границы восприятия ощущений, что окружающая будничная жизнь преобразилась, обрела не столько смысл, сколько чувственно-эмоциональную окраску. Я впервые за пятьдесят лет увидела жизнь не через своё сознание, чётко расставляющее все точки над «и» и трезво оценивающее каждый байт поступающей информации, а словно через розовые очки – ощущая тончайшие связи между событиями, на уровне подсознательных рефлексов, звуков и цветовой гаммы улавливая происходящие в природе и обществе процессы и явления. Благодаря тебе, Настенька, я ощутила ритм жизни, наладив под него биение своего сердца и учащённые удары твоего детского сердечка. Милая моя, в наших артериях текла не только родственная кровь, а мы жили с тобою в одном ритме, вместе наслаждаясь переливами эмоций, наполненностью чувств и глубокой проникновенностью ощущений.

Восприятие жизни подсознанием оказалось проще, но одновременно более обострённым и утончённым. Оно: то ранило – то пробуждало, то накрывало и угнетало – то возносило и окрыляло, то вызывало недоверие и настораживало – то открывало и делало вседоступным, то вызывало печаль и грусть – то восторгало и дарило счастье. Это больше походило на безумие, на эмоциональный хаос, но, одновременно, вызывало такое волнение и трепет в душе, гармонию звуков и теплоту цветовой палитры, что хотелось петь и прыгать, бежать и смеяться, кричать и бросаться подушками. Проснувшаяся восприимчивость мира по внутреннему накалу и пробивающимся страстям превышала материнскую любовь – она больше походила на любовь вселенскую, софийную, объединяющую в себе всю сложную гамму чувств к себе, к близкому, родному. Эта любовь пробуждалась от корневища и, протекая по стволу родового дерева, обретала в ветвях и молодых побегах такую силу и страсть, что взрывала окружающее безмолвие и косное безразличие, светом жизни озаряла мрачную тишину и громадными волнами цунами обрушивалась на родных и близких. Это походило на буйство сумасшедшей, на безумное желание вырвать своё сердце и подарить ближнему, сгрести в охапку небосвод и в сумасбродном восторге рассыпать его у твоих ног.

Настенька, я никогда не испытывала таких чувств ни к мужу, ни к дочери, ни к любому другому человеку. Что-то похожее у нас намечалось с твоим дедушкой, но он оказался слишком неловким, грубым и прозаичным, поэтому разрушил пробуждающееся созвучие наших душ. А ты, вследствие своей тонкой натуры, детской непосредственности и отчасти генетической предрасположенности, смогла войти в мой внутренний сказочный мир и не только укрепить его полуразрушенные стены, но и превратить его в волшебный дворец с версальскими фонтанами,

тенистыми аллеями и роскошными парками. На долгие двадцать лет ты стала надёжной хранительницей домашнего очага моего внутреннего замка, как добрая фея одним своим присутствием окрашивая мою жизнь, согревая сердце и обогащая моё воображение чудными образами. В преддверии старости, когда казалось, что моя жизнь так и угаснет, не изведав мощных эмоциональных всплесков и безумной любви, твоё появление пробудило во мне весь потенциал моей нереализованной чувствительности. Я полюбила тебя так, как, наверное, только мать может полюбить самого долгожданного, позднего ребёнка.

Спасибо тебе, малышка, за подаренное вдохновение, за пробуждённую восприимчивость и обогащённое ощущение жизни. Благодаря тебе я не прочувствовала горестей преклонного возраста, не испытала болезненного осознания немоги своего организма, покинутости и отверженности. И после пятидесяти лет я продолжала идти по жизни, словно двадцатилетняя девчонка, а ты – моя юная подружка – всюду сопровождала меня. Всё, что я задумывала в этот промежуток времени, я выполняла легко и без усилий, а что не получалось, ты заставляла быстро забывать и переключаться на другие события, которые нас обеих радовали и вдохновляли.

Письмо тридцать восьмое

Настенька, в последнее время я обратила внимание на то, что в Украине в норму вошли поздние браки или браки с большой разницей в возрасте. В конце XX столетия, ещё при Советском Союзе, когда одноклассница твоей мамы вышла замуж за мужчину старше её на двадцать лет, это повергло в шок не только меня, но и всю шестидесятитысячную Лозовую. Но уже в начале XXI столетия в независимой Украине молодые двадцатилетние девушки стали воспринимать брак с состоявшимся сорокалетним мужчиной как счастье, и семейные пары с большой разницей в возрасте стали рядовым событием в обществе. Я исследовала этот вопрос в одной из своих книг, и впоследствии, наблюдая за западноевропейским образом жизни и нравами в Китае, скажу, что я изменила свою точку зрения. Теперь я считаю, что большая разница в возрасте при действительном духовном созвучии душ мужчины и женщины идёт на пользу обоим партнёрам. Если смотреть на этот союз со стороны женщины, то очень часто в таком браке девушка находит в своём муже образ отца. Я обнаружила, что к таким бракам, если не учитывать открытую меркантильность союза, больше склонны женщины, лишённые в детстве отцовского внимания. Именно поэтому им не интересны сверстники, которые игривы, молоды, амбициозны, но ещё глупы, наивны и не состоялись в жизни, их идеал мужчины – это защитник, наставник и опора по жизни. На удивление такие браки

оказываются крепкими и нерушимыми, потому что женщина, получая от мужчины его жизненный опыт, гарантированное внимание, определённый достаток и стабильность в отношениях, остаётся удовлетворённой и верной. А мужчина в лице счастливой молодой жены находит новый источник вдохновения. Для него это как второе дыхание, возможность доказать, что он действительно лучше молодых, резвых, сексуально активных, но бестолковых и несостоявшихся претендентов. Старый конь борозды не портит – эту прописную истину недавно подтвердили канадские учёные, которые установили, что дети молодых отцов на 22 % чаще умирают в первые четыре недели жизни, а шансы умереть в первый год у них на 41 % выше, чем у детей отцов зрелых.

Поэтому, малышка, твоё рождение для меня – это как эликсир молодости, как брак с большой разницей в возрасте, как обретение нового сильного источника вдохновения, который позволил мне на одном дыхании прожить последующие двадцать лет своей жизни. За эти годы перемешалось всё: переезд из Парижа в Пекин, из Пекина в Шанхай, новые коллективы, совершенно иная культура и, соответственно, менталитет народа, свои сложности в отношениях, в быту, общении. В свет выходили мои новые книги, я получала различные награды, почести, знаки внимания. Я перешагнула порог старости, стала практически полностью седой и намного более болезненной, но благодаря тебе все эти события и важнейшие вехи жизни были преодолены легко и без существенных последствий. Можно сказать, я их совсем не ощутила, потому что, словно околдованная тобою, в образе сверстницы-подружки я спешила за тобой по жизни. Только потом мне открылось, что старость – это всего лишь нарушение некоторых функций в организме, и она лишь отчасти связана с функционированием психики. Если человек увлечён чем-то или

кем-то, как я оказалась увлечена тобою и своим творчеством, то старость совершенно не ощущается – ты продолжаешь лететь по жизни так же, как в молодости, только более бережно используя время и рациональней относясь к совершаемым движениям. Старость в тягость только людям, уже исчерпавшим свои потенциалы, разуверившимся в своих возможностях и потерявшим смысл своей деятельности. Старость – это, прежде всего, слабость в голове: изменённое мировосприятие, заниженная самооценка и саморазрушение внутреннего «Я». А увлечённым, и тем более влюблённым – это как тот же полёт, только с усилившимися нагрузками и давлением жизни. Главное – сохранить бодрость в мозгах, свежесть в мыслях, вдохновлённость в творчестве, а всё остальное приложится. Оказалось, что болячки и недомогания, связанные с преклонным возрастом, легко переступаются, когда горит огонь в душе. А ты, милая, этот огонь не только разожгла в моей душе, но и долгие двадцать лет поддерживала и надёжно хранила.

Для человека двадцать лет жизни – это огромный промежуток времени, особенно когда он связан с поздними годами жизни. Старость – страшное и неприятное слово, но, как ни крути, это закономерный финал любой жизни. Твоё появление и мои пробудившиеся чувства к тебе я восприняла как благословение, подарок судьбы за моё преданное служение книгам. Благодаря тебе, внученька, все события, не связанные с нашими отношениями остались далеко на втором плане, а на первом – крупно, ярко и броско – всегда находилась ты, Настенька, моя единственная, самозабвенная и умопомрачительная любовь. За все эти двадцать лет в памяти остались только события, которые так или иначе связаны с развитием наших отношений: встречи, совместные поездки, разногласия, ссоры и, безусловно, тысячи ярких, счастливых мгновений, которых

оказалось настолько много, что они заслонили собою всю прожитую жизнь. Я, словно ослеплённая и вдохновлённая тобою, не прожила, а на одном дыхании перечитала целое двадцатилетие своей жизни. Настенька, я и сейчас делю свою прожитую жизнь на период до твоего рождения и после.

Ты превратила мои последние десятилетия в сплошной праздник, и благодаря тебе старость предстала в моей жизни светлым, наполненным любовью, озорством и новыми творческими достижениями периодом. Ты сделала невозможное – избавила меня от одиночества. Я, привыкшая самостоятельно реализовывать своё предназначение, стала жить не только для тебя и ради тебя, но и научилась воплощать своё предназначение с тобою в паре. Ты стала для меня источником вдохновения, единственной подружкой, душевной собеседницей и компаньоном моих творческих проектов. Несмотря на то, что большую часть времени нас разделяли тысячи километров и за год мы едва месяц проводили вместе, я научилась жить с твоим образом, разговаривать с твоей тенью и терпеливо отсчитывать часы до наших встреч. Ты освободила меня от необходимости общения с океаном, от смятения мыслей, беспокойства душевных порывов, поиска дополнительных источников вдохновения. Ты как волшебница укротила буйство моей внутренней природы, вдохнула силу и уверенность в себе, отучила убежать в запредельное бытие, уноситься в космические путешествия, странствовать в пространствах дочеловеческого существования. Ты первая показала мне, как можно наслаждаться и вдохновляться элементарным, повседневным, находящимся всегда рядом и под рукой – бытом, которым ты окружила меня и успокоила. В написанной сказке и построенном дворце из хрусталя мы жили только вдвоём, не прячась друг от друга и не утаивая даже мыслей, предаваясь единению, созерцанию жизни

и душевному покою. Сидя у пылающего камина, я писала новые книги, советуясь с тобой по малейшим пустякам, а ты постоянно читала, не отвлекая меня, а наоборот, своей сосредоточенностью и углубленным сопереживанием с героями до боли напоминая меня саму – Аллу Тельную в подростковом периоде. Конечно, вся эта картина была мною полностью надумана, но она проявлялась настолько реально и выпукло, что я перестала отличать свои фантазии от происходящих событий. С твоим образом я могла делать всё, что заблагорассудится, поэтому он никогда не противоречил мне, не лгал, не напрягал, а всегда дополнял, вдохновлял и оказывался созвучен моему настроению.

Так я и жила, мельком видя тебя реальную, а в основном тесно общаясь с твоим надуманным виртуальным образом. Но, видимо, нельзя чрезмерно пресыщаться наслаждением и настолько самозабвенно любить, потому что предельная полнота чувств со временем растрчивает искренность и чистоту и превращается в эгоистичную потребность обладания.

Письмо тридцать девятое

Настенька, после твоего рождения я стала жить вне времени и вне обстоятельств. Я окружила тебя заботой и лаской, всем самым лучшим и современным. В Сорбонне я зарабатывала приличные деньги, а в переводе на украинскую валюту – сущее богатство. Но именно из-за тебя, внученька, когда мне предложили контракт в Китае с существенным повышением заработной платы, я без колебаний согласилась. Я уехала из полюбившейся Франции в холодный, зимний Пекин только ради того, чтобы ты росла в королевских условиях, ни в чём не нуждалась, имела самые лучшие вещи и получала самое качественное образование. И хотя Пекин, а потом и Шанхай, находились от тебя гораздо дальше Парижа, для меня наоборот, ты стала ещё ближе и роднее, потому что всё, что я делала, совершалось ради тебя и той светлой вселенской любви, которую ты во мне пробудила.

Именно из-за тебя, Настенька, я на долгие годы потеряла свою дочь. С твоей мамой у нас с самого начала сложились непростые отношения. Она слишком рано сделала выбор в пользу общения с отцом, и я не мешала их сближению, потому что действительно, в их интересах и взглядах на жизнь оказалось много общего. Признаюсь, поначалу я с невыносимой болью наблюдала за отдалением дочери, за тем, как она игнорировала мои советы, избегала общения со мной, отвергала предлагаемую помощь. Раздосадованная и возмущённая, в порывах ревности, я срывалась

и незаслуженно её обвиняла, потом страдая от этого и болея. Но со временем я поняла, что природу не изменить, видимо такая у меня оказалась судьба – в одиночестве идти по жизни. И я смирилась, уступила, приняла случившееся как должное, надеясь на то, что Саша поможет ей состояться в жизни. И они так и шли по жизни вдвоём, не сильно понимая меня, но всегда опекая и заботясь о моей постоянно мечущейся и не находящей покоя душе. Когда ты родилась, выработавшаяся годами ровность отношений в нашей семье вновь нарушилась – в мои редкие наезды я не отлучалась от тебя, пытаюсь за месяц выжать из наших отношений всё, чего я не имела за год. Теперь я понимаю, что Наташу и Сашу беспокоила пробудившаяся во мне нездоровая чувствительность к тебе, и поначалу они боролись с ней как с болезнью, пытаюсь утихомирить её, остудить, вернуть в нормальное русло. Но что они могли противопоставить мне, которую жизнь научила всегда и любой ценой добиваться намеченного? А в этом случае у них изначально не было шансов, потому что для меня ты стала источником вдохновения, смыслом жизни и, наверное, даже самой жизнью. Со временем они отступили, поняв, что кроме скандалов, негативных эмоций и потерянного здоровья они от меня ничего не добьются – когда проснулись чувства, разум бездействует. Слишком долго мой разум спал, убаюкиваемый разбуженной чувственностью.

Теперь, внученька, пришло время собирать посеянное – *что посеешь, то и пожнёшь*. Из-за тебя мы часто ругались с Наташей. Она считала, что я чрезмерно балую тебя, потакаю твоим прихотям, своей чувственностью расшатываю твою нервную систему. Но, признаюсь, я воспринимала её замечания в искажённом свете – я считала, что она ревнует тебя ко мне, как в своё время я ревновала её к своему мужу. Ведь ты, маленькая моя, с самого рож-

дения выделяла меня, узнавала, ждала и всегда встречала с таким восторгом и теплотой, что я забывала обо всём на свете. Во всех твоих детских порывах просматривалось столько искренности, радости и любви, столько нежности и ласки, что моя душа разрывалась от счастья: я плакала и смеялась, терялась и забывалась, полностью пленилась твоею непосредственностью и очарованием. Никого из нашей семьи ты так не любила, и сказать, что я отвечала тебе взаимностью – всё равно, что ничего не сказать, потому что я боготворила тебя, пестовала и лелеяла. Честно, я даже немного злорадствовала, наблюдая, как ты в моём присутствии забываешь о маме, бабушке и любом другом родственнике. Я считала, что время расплаты пришло: теперь они испытывали то, через что проходила я много лет назад, когда они на весь день вдвоём уходили в зоопарк, оставляя меня одну в квартире. И эта маленькая месть ещё больше ослепляла меня и вызывала восторг от твоего поведения. Ты мстила им за перенесённые мною страдания и обиды, и чувство отомщённости и свершившейся расплаты ещё больше привязывало меня к тебе.

И, возможно, именно в этом ослепляющем безумии чувств я пропустила тот момент, когда бо́льшую радость тебе стали приносить не мои посещения, а те новые, яркие игрушки, которыми я всегда тебя задаривала. В своей старческой наивности я прозевала рубикон, за которым твоя детская искренность переросла в корысть, а пробуждающая и вдохновляющая любовь – в верный способ выманить у меня деньги.

Любовь слепа – этому свидетельствуют наши с тобой отношения. Так сложилось, Настенька, что ты стала моей первой и последней любовью. Я никогда так не любила мужчин и не относилась с таким трепетом к своей дочери. Ты – единственная пробудила в моей стареющей душе то, о чём я много читала и слышала, но даже не представ-

ляла, что только от одного предвкушения встречи можно получать такое блаженство, эйфорию и радость... Но любовь – зла. Из-за этой любви я разругалась с твоей мамой, и мы на долгие годы перестали понимать друг друга. Моя любовь к тебе полностью вытеснила остатки радости от общения с твоим дедушкой, и длительное время одно его присутствие вызывало во мне приступы раздражения и негодования. Наконец, моя любовь к тебе на двадцать лет затмила удовлетворённость от общения с людьми, которые уважали меня и просили только внимания. Почти до своего семидесятилетия я оставалась слепа, глупа и жила тобой и нашими отношениями.

Теперь я понимаю, что, повзрослев, ты научилась умело подыгрывать мне, раздувать тлеющие угли эмоций, рассеивать сомнения в твоей искренности, которые изредка возникали во мне. Но я не жалею ни о чём. Это всё в прошлом. Все эти двадцать лет я оставалась с тобой искренней и открытой. Я жила своими чувствами к тебе, впервые начала считать деньги, потому что ты постоянно нуждалась в них, поэтому я металась по миру, зарабатывая их и выполняя все твои желания и капризы. У тебя в восемнадцать лет появилась своя квартира в центре Киева, машина, ты поступила учиться в самый престижный университет Украины. И, несмотря на то, что все эти годы я продолжала жить за рубежом на съёмных квартирках, даже не мечтала о своём транспорте, сэкономила на мелочах, я не жалею об этом. Я действительно всегда оставалась равнодушна ко всему материальному, а тебе это доставляло такую радость...

Только после того, как я узнала, что ты – наркоманка, пелена моментально спала с моих глаз, и я поняла всё. Больше года твои родители и дедушка скрывали от меня твою болезнь, пытаясь самостоятельно спасти тебя. Они боялись за меня, потому что знали, насколько я привязана

к тебе и насколько моя жизнь зависит от твоего благополучия. Они не глупые люди и понимали, что в семьдесят лет я могла уже не пережить катастрофы такого масштаба. А ведь я заметила, насколько бережно и трепетно стала относиться ко мне твоя мама, как дедушка стал проявлять такую уступчивость и покладистость, которая раньше за ним не наблюдалась. Они обходились со мной словно с больной, оберегая от стресса мой внутренний мир, пытаюсь спасти от крушения мои идеалы. Но я принимала их поступки в искажённом свете: считала, что твоя мама, наконец, признала мою правоту и своим поведением заглаживает передо мною свою вину. Ведь сколько раз она предупреждала меня, что моя безграничная любовь к тебе добром не закончится, но я продолжала высылать тебе на карточку деньги и удовлетворять все твои запросы. Я считала, что дедушка, постарев, смягчился, хотя до этого в каждый мой приезд он упрекал меня в том, что именно из-за меня и моей финансовой поддержки ты ушла от родителей и стала слишком рано жить самостоятельной жизнью. Оказывается, все они уже увидели пагубность моей любви к тебе, столкнулись с её последствиями, но пытались спасти тебя, не посвящая меня в перипетии борьбы, оставив наедине со своими иллюзиями. Ведь они знали, что я больше пяти лет занималась проблемой наркомании и профессионально знала её последствия. Но как смешно я выглядела в их глазах, рассказывая о достижениях Китая в борьбе с наркоманами, а в это время моя единственная внучка, моё вдохновение последних лет всё глубже погрязала в этой болезни, назло самым близким людям убивая в себе жизнь и своё будущее.

И узнала я о твоей болезни случайно, хотя в жизни, как я убедилась, ничего случайно не происходит. Соседка проговорила. Не зная, что моя семья держит от меня в секрете твою болезнь, она в один из моих приездов стала в

подробностях рассказывать о том, что мой муж совсем извёлся, что пока я отсутствовала, он целый месяц просидел в наркологической клинике, в которую ты, как оказалось, попала уже третий раз. Причём последний раз принудительно, именно при дедушкином содействии. Не зная всех хитросплетений наших семейных отношений, соседка выложила всё, что знала о тебе, о твоём распутстве, вредных привычках и о том, как всё это время люди, которых я от себя отдалила из-за любви к тебе, боролись за твоё и моё спасение. Получается, что пока они боролись, я всё это время поощряла твои слабости и усугубляла твою болезнь.

Именно в этот вечер я первый раз в жизни попала в больницу. Сердечный приступ чудом не перерос в обширный инфаркт. Если однажды ты меня вернула к жизни, то теперь из-за тебя я чудом не умерла – спасла оперативность соседки и своевременная медицинская помощь. Хотя, Настенька, признаюсь, мне тогда хотелось умереть, но уже от стыда перед своей дочерью и мужем. Я ненавидела себя и презирала тебя, я проклинала свою любовь к тебе и чёрствость по отношению к мужу и дочери. Уже многое невозможно исправить, хотя всё, что ещё оставалось в моих силах, я постаралась изменить. Я попросила прощения у своей дочери: как только мне разрешили встать с постели, я встала перед ней на колени и как перед Богом покаялась. Это вызвало шок у неё и у её мужа, но мне принесло облегчение – жизнь научила меня признавать свои ошибки, а эта ошибка стоила мне двадцати лет расстроенных отношений с дочерью. Так же на коленях я попросила прощения у своего мужа – это святой человек, и я не достойна всего того времени, которое он посвятил мне. Моя семья оказалась мудрее меня, профессорши, гордости ведущих университетов Украины, Франции и Китая. Как жаль, что прозрение приходит слишком поздно. Я благодарна им за то, что они не отвернулись от меня, не предали анафеме,

потому что по большому счету – это я убила тебя. Это я забрала у родителей ребёнка, а у Саши – его единственную внучку, это я сгубила молодую поросль нашего родового древа.

Прости меня, Настенька, но ты перестала вдохновлять меня и являться источником жизни. Ещё в больнице, придя в себя после сердечного приступа и увидев у изголовья осунувшиеся и безмерно печальные лица мужа и дочери, я вдруг осознала, насколько я ошибалась в жизни, как неблагодарно и эгоистично в последние годы вела себя. Через полуоткрытые веки, наблюдая за Сашей и Наташей, я вдруг поняла, что просто не имею права сейчас умереть, что мой долг – выкарабкаться и исправить то, что я натворила. Милая моя, у меня проснулась такая жажда жизни, такое жгучее желание отблагодарить этих, так до конца и не открытых мною людей, что я заставила себя жить. За считанные дни на основе разрушенного нашего дворца я сформулировала новый смысл своей оставшейся жизни – я хочу посвятить её всего двум людям: мужу и дочери, которые всегда хотели присутствовать в моём внутреннем мире, но так и не смогли, по глупости отвергнутые мною. Настенька, я хочу успеть наверстать упущенное и воздать им свою любовь, материнскую и супружескую нежность, за всё, что они для меня сделали.

А к тебе, внученька, у меня сложилось уже иное отношение – нет, не любовь, любовь прошла, стёртая обманом и неискренностью с твоей стороны. Настенька, глубокое чувство вины переполняет меня, когда я вспоминаю о тебе, потому что сейчас я отчётливо понимаю и признаюсь в том, что именно моя любовь погубила тебя, что именно из-за меня твои близкие не смогли тебя правильно воспитать, нацелить на борьбу, вовремя поддержать и спасти, когда ты впервые споткнулась. Прости меня, малышка, во всём виновата только я одна. Как только закончится

контракт, я вернусь в Киев уже навсегда, стану на колени у твоей постели и попрошу прощения – не хочу умирать без твоего прощения. Я и так столько всего натворила за последние годы, что стыдно даже подумать. Никогда не думала, что моя сказка закончится такой катастрофой – обычно сказки имеют счастливый конец.

Милая, возвращайся к жизни – ради отпущения моих грехов перед тобой, ради своих родителей и тех, кто по-прежнему верит в тебя и любит. Богом прошу. Я редко обращаюсь к Богу, но в моих годах уже нет времени ждать и на что-то надеяться – ведь совсем скоро нужно подводить итоги. Поэтому, Настенька, прошу, спаси мою честь и совесть, не обмани, пожалуйста, дай возможность умереть с чистой совестью.

Письмо сороковое

Настёнка, а оставался ли у нас шанс спасти твою душу?

Ни в коем случае не перекладывая ответственности на чужие плечи, хочу провести небольшой анализ. В формировании внутреннего мира любого человека участвуют три основные социальные силы: родители, близкое окружение и система образования. Допустим, при формировании твоего внутреннего «Я» из-за меня и моей сумасшедшей любви первые две силы не сработали, но почему бездействовала и не пришла на помощь третья сила – система образования независимой Украины? Я вспоминаю свою юность и первое двадцатилетие развития твоей мамы – советская система образования не только подстраховывала непрофессиональное воздействие родителей, она во многих случаях его исправляла и по мере взросления ребёнка брала на себя воспитательные функции. Чем старше становилась я и Наташа, тем меньшее влияние на наше мировосприятие оказывали родители, а большее – учителя и социальная система в целом.

Внученька, государственная система образования должна выполнять три основные задачи:

1) установить в каждом ребёнке его предназначение и способствовать его проявлению, закреплению и направленному развитию;

2) пробудить в ребёнке потребность к внутренней гармонии, связанную с поступательно нарастающим ум-

ственным развитием, духовным богатством, нравственной чистотой и физическим совершенством;

3) сформировать привязанность к родословию, способствовать осознанию каждым представителем нового поколения своей принадлежности к нации и её культуре.

Настенька, жизнь – это сравнения. Я с благодарностью вспоминаю роль советской системы образования в моём становлении как личности. Во-первых, профессионалы-педагоги, болеющие душой за своё дело и возложенную на них миссию, смогли раскрыть во мне генетическую предрасположенность к чтению и уединению, и на этой основе сформировать моё предназначение – на достижениях предшествующих поколений показать людям их место и значение в масштабах Земли и космоса. В школе, на факультативных занятиях, а потом в университете и аспирантуре, они закрепили и максимально развили моё увлечение русской литературой, философией и культурой, и научили профессионально владеть словом: доходчиво и с вдохновением излагать свои мысли и письменно, через свои книги, доносить людям актуальные проблемы современности и варианты их решения.

Во-вторых, советская система образования смогла пробудить лично во мне и в моём поколении потребность во внутреннем совершенстве: установлении гармонии между умом, душой и телом. Настенька, нас научили пониманию очевидного, что человек – это, прежде всего, гармоничное развитие психики, заключающееся в единстве и совершенстве ума и духовных качеств. Поэтому, только проникнув во внутренний мир человека, можно раскрыть его истинное содержание: цели в жизни, мотивацию поступков, истинную причину деятельности. Внешние проявления человека, его личина – изменчива, временна и не в состоянии передать истинного богатства внутреннего мира. Пусть человека встречают «по одежке», по умению

преподнести себя, но всегда и во все времена его провожали «по уму», по глубине и масштабу мировосприятия.

В-третьих, советская система образования смогла воспитать в нас не только фанатичную и бескорыстную любовь к Родине, но и гордое осознание своей принадлежности к великому русскому роду. Будучи украинкой по национальности, я с высоким чувством собственного достоинства относилась к русским, и знала, что любого гражданина СССР отличает от иностранца три особенности менталитета: духовность, народность и державность. Настенька, ты посмотри на меня – мне семьдесят лет, из которых четверть последних я провела во Франции и Китае. Всё это время я зарабатывала, в среднем, до четырёх тысяч долларов в месяц, но кроме почётных званий, научных регалий, пятнадцати написанных книг и сотен благодарных учеников, разбросанных по всему миру, я больше ничего не имею. Квартиру в Киеве и дачу мне дало Советское государство, машины у меня нет, каких-то сумасшедших сбережений – тоже. Малышка, я типичная русская женщина, которая всю жизнь занималась подвижничеством – зарабатываемое я вкладывала в себя и в своё творчество, в близких людей и учеников. Я много помогала людям и по возможности старалась удивлять их – даром от чистого сердца доставить удовольствие и принести радость. Не будь этой материальной и духовной щедрости, разве бы я смогла прослыть женщиной для вдохновения?

Настенька, всё, что я имею и что достигла – это заслуга моих родителей, близкого окружения и, однозначно, – системы образования. Но почему система образования независимой Украины не помогла тебе, не обнаружила и не исправила те ошибки и просчёты, которые я допустила в твоём воспитании? Но самое интересно и для меня важное: в чём я ошибалась, воспитывая тебя?

Малышка, я видела тебя женщиной для вдохновения, продолжательницей дела всей своей жизни. Я сердцем чувствовала, что ты создана для этого: внешне красивая и с чуткой, отзывчивой душой, ты могла поддержать падающего человека так тонко и безобидно, что он принимал это как божественное откровение, спасение заблудшей души и, воспрянув духом, продолжал идти по жизни, всегда с благодарностью вспоминая тебя. За свою короткую жизнь ты пробудила к жизни не только меня, но и несколько человек разных возрастов, которых я знала. Так в чём моя ошибка? Разве я виновата в том, что пробудив в тебе чуткость души и обострённое восприятие мира, я просто не могла предположить, что в независимой Украине все эти качества окажутся не только бесполезными и ненужными, но и опасными, потому что на проявленную чуткость люди отвечали грубостью и насилием, а на восприимчивость – жестокостью и равнодушием? Пробуждая и закрепляя в тебе качества женщины для вдохновения – открытость, сострадание и милосердие к ближнему, я просто не могла учесть, что новая украинская власть откажется от родовых традиций и начнёт проповедовать европейские и американские ценности и, соответственно, ты, с воспитанными качествами народа Рос, в новом украинском обществе окажешься не востребовавшей, чужой, и ко всему прочему – ослабленной, потому что твоё сострадание и добродетель новые поколения украинцев научатся бессовестно использовать и обманывая потреблять. Это приведёт тебя к самоунижению, оскорблённости и потере веры в себя, в меня и в людей, толкнёт на путь соглашательства и распутства. Целомудренное желание помочь ближнему, спасти его и сохранить, поддержать чуткостью и участием, хитрыми и бессовестными мужчинами станет использоваться только для удовлетворения похоти, надругательства и развлечения. Ведь твой внутренний мир оставался наивен и лишен опыта, поэтому не мог отделять

плевелы от зёрен, а мораль и нравственность общества уже никто не контролировал, поэтому она опустилась до уровня блуда, прелюбодеяния и разврата.

Внученька, я старалась пробудить в тебе и потребность к внутреннему совершенству, потому что по себе знала, насколько это важно для самоутверждения и самореализации в жизни. Но что я одна могла противопоставить изменившимся ценностям в обществе? В Украине перестали читать книги, ценить знания и прислушиваться к мудрости. Я знала, к чему это приведёт и кому это выгодно, потому что на Западе и в Китае этим вопросом уже обеспокоились и встревожились, и на государственном уровне начали бороться с деградацией и вырождением своих народов. Поколения, не читающие книг, начинают воспринимать события через подсознание, на уровне чувств и ощущений. А разве сравнимо такое мировосприятие с сознательным прозрением, которое позволяет анализировать и синтезировать события, абстрагироваться, устанавливать глобальную цель и десятилетиями последовательно к ней продвигаться? Коэффициент полезного действия сознательной деятельности в несколько раз превышает показатели работы подсознания. Возможно по этой причине мой народ, которым я всегда гордилась и принадлежностью к которому восторгалась, с независимостью Украины обрёл на Западе новый статус – дешёвой рабочей силы? Возможно, поэтому мои соотечественницы утратили гордость, честь и совесть, и стали торговать своим телом по всему миру, покрыв позором и срамом былую славу русских женщин, про которых великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов ещё в середине девятнадцатого столетия написал целый гимн? Разве про современных украинских блудниц, из-за которых я в Турции не могу назвать свою дочь Наташей, а в Европе с гордостью объявить свою национальность, написано:

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, –*

*Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
"Пройдет – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублем подарит!"*

*А ещё:
Не жалок ей нищий убогой –
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.*

*В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,*

Разве о проституции как труде русских женщин писал Некрасов? Дожили...

Но, с другой стороны, разве от хорошей жизни мои соотечественницы выехали торговать своим телом за рубеж? Что сделало правительство независимой Украины для спасения душ и нрава своего народа? Как можно проповедовать в обществе идеалы семьи, если политики, телеведущие, шоумены и прочие разрекламированные публичные люди утопают в разврате, имеют по нескольку детей от разных мужей, призывают к меркантильности и свободной любви и гордятся тем, что «я трижды выходила замуж»? На кого равняться современной украинской молодёжи – на лесбиянок-ведущих, моделей-проститутток, шоуменов-педерастов или политиков-воров? Что могут предложить

своему народу государственные деятели без Чести, Долга и Совесть? Разве что такой же неподобающий образ жизни, чтобы не стыдиться своего морального и нравственного отражения. Еще древнегреческий историк и философ Плутарх в первом столетии нашей эры заметил: «Piscis grimum a capite foetat» – рыба гниет с головы...

Наконец, о самом грустном, внученька. Какую национальную самоидентичность сформировало в тебе украинское образование? Ты понимаешь, кто такие украинцы? Украинские политики и чиновники подписали Болонскую конвенцию, с трибун Верховной Рады, телевидения и масс-медиа ратуют за европейское самосознание. Я знаю, в чём особенности русской, французской и китайской нации, но я – коренная украинка – до сих пор не могу прочесть в программных правительственных документах об общепринятых национальных особенностях украинцев, о характеристиках украинского менталитета. Я понимаю, что это нелегко, потому что часть Украины многие столетия развивалась в условиях Российской империи и Советского Союза, другая часть – под влиянием европейских ценностей. Но ведь прошло уже двадцать лет после объявления Украиной независимости! Какие особенности украинского менталитета все эти годы формирует украинская государственная модель образования?

Приведу только факты. Несколько лет назад меня пригласили выступить перед студентами моей альма-матер Национального университета имени Тараса Шевченко на тему «Причины экономического подъёма Китая». Одна из основных причин возвышения Китая на политической арене мира – это зашкаливающий патриотизм, и я, изменив формат своего выступления, задала аудитории встречный вопрос: «Аргументируйте собственную позицию: "Я – патриот Украины" или "Я – не патриот Украины"». Мы находились в свободной стране, проповедующей курс на евроинтеграцию, поэтому меня чисто спонтанно

заинтересовала сухая статистика – насколько действительно патриотическое воспитание в Украине? Результаты меня ошеломили – более семидесяти процентов выпускников этого прославленного университета ответили, что они не являются патриотами Украины, и привели довольно вескую аргументацию.

Меня поразили некоторые ответы. Например, довольно милая барышня заявила, что она не является патриоткой Украины, потому что ей нравится Германия и Голландия. В своё время мне несколько раз довелось побывать в этих государствах, поэтому меня удивило само сопоставление – менталитет этих двух выдающихся народов при огромном желании невозможно свести воедино. Я поинтересовалась: «Вы знаете немецкий и нидерландский языки, традицию и культуру этих народов?» «Не знаю» – ответила барышня. «Вы ездили в эти страны, и вам понравилась природа и быт?» – уже начала удивляться я. «Нет, пока не ездила». «Так вы же сказали, что они вам нравятся?» – совсем растерялась я. «А про них по телевизору много хорошего рассказывали».

Настенька, честно, мне было не до смеха. Это же до какой степени нужно довести свой народ и развалить систему образования, чтобы студент-выпускник ведущего университета в Украине судил о жизни по информации из телевизионных передач? В Советском Союзе, во Франции и Китае патриотическое воспитание приравнивается к религии, потому что, по большому счёту, религия и любовь к Родине – это единая вера, которая передаётся по наследству, впитывается с молоком матери и воспитывается не только родителями и близким окружением, но и национальной системой образования. Учебные заведения всех уровней аккредитации, государственной или частной формы собственности призваны формировать самосознание, самоуважение, гордость и преданность землям и народу – Родине, своему родословию.

Внученька, в Европе, чей менталитет украинские политики пытаются нам привить, не принято в своих бедах винить окружающих, правильнее говорить о себе – о том, что «я сделал», «я достиг». Скажу о себе: свободно владея украинским языком, но принципиально разговаривая на русском, потому что на нём разговаривали мои родители, я по своей инициативе, уже после распада Советского Союза, организовала в Шанхайском университете иностранных языков выпускной курс по изучению украинского языка, который за прошедшее десятилетие окончил свыше пятисот талантливейших китайских студентов. Это первая и пока единственная украиноязычная группа в Китае, выпускники которой за шесть лет обучения и стажировки в Одессе и Львове совершенно по-другому начали воспринимать мою Родину и мой народ, видеть в нём то, что порой за демагогией упускаем мы сами. Кроме этого, на китайском языке готовится к печати путеводитель по Украине и её достопримечательностям. Меня подтолкнуло к его написанию услышанная новость – «В Украине интенсивно развивается секстуризм». Настенька, пока я жива, до последних сил буду бороться за нравственную чистоту Родины и мораль своего народа, а сексуслуги пусть оказывают политики, которые довели её до такого состояния.

Поэтому, внученька, подводя итог, признаю, мои ошибки в твоём воспитании оказалось некому исправлять – украинская модель образования далека от былой славы советской образовательной системы, а украинская власть и украинская элита, как титульная страница государства Украина, в своём нынешнем составе не может являться образцом для подражания.

Письмо сорок первое

Настенька, вот и пришло время последнего письма. Ты не услышишь его – сегодня ночью тебя не стало. Но говорят, что души умерших остаются на земле ещё девять дней. Не знаю. Не верю. В любом случае, его прочтут наши близкие и, возможно, успокоятся, потому что я, в отличие от тебя, хочу продолжать жить и вдохновлять людей.

Настенька, ты умерла, так и не отпустив мне мой грех – мою слепую и погубившую нас всех любовь к тебе. Возможно, так и надо – каждый должен отвечать по грехам своим. Ты не дождалась моего возвращения, оставила жить с чувством невыполненного долга, а ведь могла – я знаю, чувствую это. Какую обостренную чувствительность пробуждает неразделённая, обманутая в надеждах любовь – иногда мне кажется, что я – это ты, и что это я живу в тебе и дышу тобою. Хотя, что может чувствовать убитая горем душа? Какие-то далёкие голоса, тени, эхо. Пусто стало в жизни, одиноко и тихо – слишком тихо, гнетуще, взрывоопасно. Обманутая любовь – это хуже выжженной пустыни. Она оставляет не просто пепел и зловонный запах гари, а лишает веры и надежды: зачем жил и на что тратил время...

Тебя не стало, но это твой выбор, мы все боролись за тебя до конца. Я знаю, что ты перерезала вены из-за меня, из-за нашего последнего разговора, и какой-то промежуток времени ощущала себя настоящей убийцей. Я уже при-

зналась в содеянном твоим родителям и Саше, надеюсь, они поймут меня. Когда мы встретились с тобою после больницы: я – после сердечного приступа и реабилитации в Национальном Институте сердечно-сосудистой хирургии имени Н. М. Амосова, а ты – после наркологического диспансера, я высказала тебе наболевшее и передуманное. Я не обвиняла тебя – как можно обвинять человека, которого столько лет слепо любила и благодаря которому так счастливо жила? Я просто донесла до тебя свое решение о новых ценностях в жизни: дочь, муж, моя семья. Тебя в этом списке, к сожалению, уже не стало – жизнь научила меня безжалостно вычёркивать из списка близких людей предателей. А ты, Настенька, оказалась самым настоящим предателем: обманом выманивая у меня деньги, ты спустила их на наркотики, убивая себя и людей, которые тебя беззаветно любили.

Сейчас, наверное, я и не припомню весь наш разговор, но после высказанного мне стало легче. Я не просто выговорила, я, прежде всего, расставила приоритеты на оставшиеся годы своей жизни. Я – не любительница выяснять отношения, ругаться, что-то доказывать. Зачем рубить шашкой, когда уже всё решено и можно просто уйти? Внученька, я предъявила тебе всё, что осталось от моей души, то, что ты с нею сделала. Помню, я сказала тебе только то, что эти жалкие осколки моей некогда вселенской любви я хочу посвятить по-настоящему близким людям – Саше и Наташе, тем, кто продолжал меня любить и оберегать, кто не злорадствовал над моими ошибками, не смеялся над моей слепотой, а, боясь причинить боль, незаметно исправлял мои заблуждения. Отвергнутые мной, они продолжали любить меня и бороться за моё здоровье и комфортное существование. А ведь я в своей самоуверенности, гордыне и самообмане успевала делать страшные вещи.

После нашего разговора я не захотела с тобой больше встречаться, хотя ты настаивала на встрече, хотела мне в чём-то признаться и что-то сообщить. Но ты не представляешь, Настенька, как я боялась тебя увидеть, как переживала, что не выдержу, поддамся твоим уговорам и слезам. Милая, я из своей педагогической практики знала, что изменённое сознание наркоманов не признаёт человеческой нравственности и морали – оно готово пойти на всё, лишь бы получить очередную дозу стимуляторов. Именно поэтому я так поспешно уехала в Китай. Я как трусиха скрылась от тебя, убежала за тридевять земель, потому что только в Китае могла чувствовать себя в безопасности. Я знала, что только здесь ты меня точно не достанешь.

Я с головой окунулась в работу, попыталась в занятиях, в интенсивной работе со студентами избавиться от внутренней боли и от мыслей о тебе. Я решила выполнить свой последний долг – отработать последний год по контракту и заработать тебе на лечение в лучшей европейской клинике. Но, видишь, не успела, а ведь осталось всего три месяца...

Возможно, если бы мы с тобой поговорили, разобрались в наших отношениях, простили друг друга, ты бы не поспешила расстаться с жизнью. А так, за последние полгода ты потеряла меня и своего парня, всех, кто тебе оставался дорог. Не знаю, стоит об этом писать или нет, но всё же скажу: Настенька, я знаю, что, убивая себя, ты надеялась, что я последую за тобою. Ты знала, насколько бесценной и необходимой для меня являлась твоя жизнь, но ты пошла на суицид, чтобы разрушить и моё благополучие. Но ты просчиталась, глупышка. Своей преждевременной смертью ты не заставишь меня разлюбить жизнь. Ты ушла, демонстративно хлопнув дверью, не считаясь с моими чувствами и с нашей любовью к тебе, не оставив нам даже шанса поговорить с тобою, попытаться переубедить

тебя или хотя бы понять... Тебя не стало, но у меня остались близкие люди, которые привязывают меня к жизни и заставляют жить дальше. Я знаю, что в отличие от тебя я нужна им, что я должна вернуть им то, чего по глупости лишала долгие годы. Знай, внученька, понравится тебе это или нет, но когда закончится контракт, я навсегда вернусь в Украину, и до последних своих дней буду радовать твою маму и бабушку, окружающих людей, буду продолжать вдохновлять их на жизнь, потому что они любят жизнь и своей любовью пробуждают в ней смысл. Такие, как они, привязывают людей к жизни, позволяют им обрести веру в себя, надежду на будущее и любовь к ближнему. Именно благодаря им я обрела новое, возможно, последнее дыхание для жизни, и оно будет посвящено им.

А ты внученька, спи спокойно. Ты навсегда останешься в моём сердце, и я перестану бояться любить тебя. Твоя смерть всё расставила по своим местам – утихомирила страсти, развязала сложный узел семейных взаимоотношений. Придёт время, и мы все соединимся на небесах, вновь образуем нашу единую семью, которую нам так и не удалось создать при жизни. И, возможно, только тогда ты поймешь, насколько важно уметь вдохновлять других, сколько это приносит радости, умиротворения и счастья. А ты в последние годы несла родным и близким только печаль и боль. Прости, милая, но таким не место среди живых – в жизни и без тебя хватает страдания, горя и тревоги. Право на жизнь должны иметь только вдохновлённые ею...

Четвертий художньо-філософська твір О. Базалука окреслює ідеал жінки з точки зору чоловіка. Розглядаючи 70-річний життєвий шлях героїні, автор підкреслює, що саме служіння своєму *призначенню* підносить жінку та викликає повагу до неї. У книзі розглядаються питання самотності, проблема адаптації «колишніх» громадян СРСР до нової реальності, сильні та слабкі сторони радянської і сучасної освіти Росії та України, самоідентифікації росіян та українців.

Літературно-художнє видання

Базалук Олег Олександрович

ЖІНКА ДЛЯ НАТХНЕННЯ

Поєма

Коректура авторська
Ком'ютерне верстання Кулинич Є.А.

Підписано до друку 12.04.2013 р.
Формат паперу 60×84/16.
Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 20,5. Тираж 1000 пр. Зам. № 7005.

Видавець і виготовлювач ТОВ «АСМІ».
36011, м. Полтава, вул. В. Міщенко, 2.
Тел./факс: (0532) 56-55-29.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК №3357 від 25.12.2008 р.